

Has been issued since 1863. ISSN 2408-9621

2014. Vol.(5). № 3. Issued 4 times a year

EDITORIAL STAFF

Dr. Krinko Evgeny – Institute of Social and Economic Research of the Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russian Federation (Editor in Chief)

Dr. Khlynina Tatiana – Institute of Social and Economic Research of the Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russian Federation

Levendorskaya Lyudmila – Documentation Center of the recent history of the Rostov region, Rostov-on-Don, Russian Federation

PhD Urushadze Amiran – Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation

PhD Vlaskina Nina – Institute of Social and Economic Research of the Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russian Federation

EDITORIAL BOARD

Dr. Bugai Nikolai – Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Dr. Cherkasov Aleksandr – Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

Dr. Kolesnikova Marina – North Caucasus Federal University, Stavropol, Russian Federation

Dr. Markvik Rodzher – University of Newcastle, Newcastle, Australia

Dr. Menjkovsky Vyacheslav – University of Belarusian State, Minsk, Belarus

Dr. Shneer Aron – National Institute of Remembrance of the Victims of Nazism and the heroes of resistance "Yad Vashem", Jerusalem, Israel

Dr. Zherebtsov Igor – Institute of Language, Literature and History, Komi Science Centre, Syktyvkar, Russian Federation

Journal is indexed by: **CiteFactor** (Canada), **CrossRef** (UK), **Electronic scientific library** (Russia), **Global Impact Factor** (Australia), **International Society of Universal Research in Sciences** (UAE), **Journal Index** (USA), **Journals Impact Factor (JIF)**, **Open Academic Journals Index** (Russia), **ResearchBib** (Japan), **Sherpa Romeo** (Spain), **Universal Impact Factor** (Australia), **ULRICH's WEB** (USA).

All manuscripts are peer reviewed by experts in the respective field. Authors of the manuscripts bear responsibility for their content, credibility and reliability.

Editorial board doesn't expect the manuscripts' authors to always agree with its opinion.

Postal Address: 26/2 Konstitucii, Office 6
354000 Sochi, Russian Federation

Website: <http://ejournal16.com/>
E-mail: sochio03@rambler.ru

Founder and Editor: Academic Publishing
House *Researcher*

Passed for printing 15.09.14.

Format 21 × 29,7/4.

Enamel-paper. Print screen.

Headset Georgia.

Ych. Izd. l. 4,5. Ysl. pech. l. 4,2.

Circulation 500 copies. Order № 205.

Издается с 1863 г. ISSN 2408-9621
2014. № 3 (5). Выходит 4 раза в год.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Кринко Евгений – Институт социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра РАН, Ростов-на-Дону, Российская Федерация (Главный редактор)

Власкина Нина – Институт социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра РАН, Ростов-на-Дону, Российская Федерация

Левендорская Людмила – Центр документации новейшей истории Ростовской области, Ростов-на-Дону, Российская Федерация

Урушадзе Амиран – Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Российская Федерация

Хлынина Татьяна – Институт социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра РАН, Ростов-на-Дону, Российская Федерация

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Бугай Николай – Институт российской истории РАН, Москва, Российская Федерация

Меньковский Вячеслав – Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь

Жеребцов Игорь – Институт языка, литературы и истории Коми научного центра РАН, Сыктывкар, Российская Федерация

Колесникова Марина – Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь, Российская Федерация

Марквик Роджер – университет города Ньюкасл, Ньюкасл, Австралия

Черкасов Александр – Томский государственный университет, Томск, Российская Федерация

Шнеер Арон – Национальный институт памяти жертв нацизма и героев сопротивления «Яд ва-Шем», Иерусалим, Израиль

Журнал индексируется в: **CiteFactor** (Канада), **CrossRef** (Великобритания), **Global Impact Factor** (Австралия), **International Society of Universal Research in Sciences** (ОАЭ), **Journal Index** (США), **Journals Impact Factor** (JIF), **ResearchBib** (Япония), **Научная электронная библиотека** (Россия), **Open Academic Journals Index** (Россия), **Sherpa Romeo** (Испания), **Universal Impact Factor** (Австралия), **ULRICH's WEB** (США).

Статьи, поступившие в редакцию, рецензируются. За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы публикаций.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

Адрес редакции: 354000, Россия, г. Сочи,
ул. Конституции, д. 26/2, оф. 6

Сайт журнала: <http://ejournal16.com/>

E-mail: sochio03@rambler.ru

Подписано в печать 15.09.14.

Формат 21 × 29,7/4.

Бумага офсетная.

Печать трафаретная.

Гарнитура Georgia.

Уч.-изд. л. 4,5. Усл. печ. л. 4,2.

Тираж 500 экз. Заказ № 205.

Учредитель и издатель: ООО «Научный
издательский дом "Исследователь"» -
Academic Publishing House *Researcher*

The Private Life of a Soviet Person in Reminiscences of the Great Patriotic War

CONTENTS

Articles and Reports

- History and Memory: Interviews with Eyewitnesses on Private Life in 1941-1945
Evgeny F. Krinko, Tatiana P. Khlynina 152

Publications Sources

- An Interview with Anatoly Konstantinovich Agarkov
Evgeny F. Krinko, Tatiana P. Khlynina (Conducting the interview;
preparing the material for publication) 163
- An Interview with Nadezhda Fedorovna Reznikova
Evgeny F. Krinko, Tatiana P. Khlynina (Conducting the interview;
preparing the material for publication) 191
- An Interview with Mikhail Dmitrievich Shibanov
Irina G. Tazhidinova (Conducting the interview;
preparing the material for publication) 208
- The Journal of S.V. Bykovsky, an Army Medical Assistant (1914–1915)
Nina A. Vlaskina (Preparation to publication, introduction and commentary) 217

Copyright © 2014 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Russkii Arkhiv
Has been issued since 1863.
ISSN: 2408-9621
Vol. 5, No. 3, pp. 152-162, 2014

DOI: 10.13187/issn.2408-9621
www.ejournal16.com

The Private Life of a Soviet Person in Reminiscences of the Great Patriotic War

Articles and Reports

UDC 947.0

History and Memory: Interviews with Eyewitnesses on Private Life in 1941-1945

¹ Evgeny F. Krinko

² Tatiana P. Khlynina

¹ Institute of Social and Economic Research of the Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

41, Prospekt Chekhov, Rostov-on-Don, 344006

Doctor (History)

E-mail: krinko@ssc-ras.ru

² Institute of Social and Economic Research of the Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

41, Prospekt Chekhov, Rostov-on-Don, 344006

Doctor (History)

E-mail: tatiana_xl@mail.ru

Abstract

This article addresses the potential of oral history in exploring the private life of a Soviet person during World War II. The authors bring to light the specifics of a methodology for conducting interviews and delineate difficulties arising in the process.

Keywords: World War II (Great Patriotic War); interview; oral history; private life.

За последние годы отечественными и зарубежными исследователями накоплен значительный опыт переосмысления советской истории, опирающийся на новые подходы и новые комплексы источников, которым прежде не уделялось значительного внимания. Наиболее важным представляется изменение самого фокуса исследований: с политизированной истории государства и его институтов – на повседневный мир взаимоотношений и чувств «обычных» граждан, с их массового, стереотипного поведения – на индивидуальные предпочтения и стратегии решения стоявших перед ними задач. Особый интерес вызывает разработка различных сюжетов частной жизни, в пространстве которой человек зачастую оставался предоставленным самому себе. Локализуясь на микросоциальном уровне – в границах дома, семьи, круга близких, друзей и знакомых, частная жизнь, тем самым, оказывалась автономной, наиболее независимой от государства сферой человеческой жизнедеятельности. Она существовала во всех сложно структурированных социальных системах, но пределы индивидуальных возможностей человека отличались, как отличалась степень и формы контроля государства над его существованием. Обращение к истории частной жизни представляется важным и

необходимым условием понимания сущности советского строя, механизмов его эволюции и все еще сохраняющегося обаяния. Помимо расширения общих представлений о прошлом и путях его постижения, оно позволяет увидеть советских граждан в совершенно ином ракурсе и понять, чем был советский проект для конкретного человека.

Постепенно находят отражение в историографии и вопросы частной жизни в период Великой Отечественной войны. Долгое время считалось, что в годы войны советский человек все силы отдавал борьбе с противником, а если и оставалось в его сердце место для чувства, то оно представляло собой любовь к Родине, обратной стороной которой становилась ненависть к врагу. Подобная редукция значительно обедняла представления о чувствах и формах их выражения у советских людей, в жизни которых всегда оставалось место интимным переживаниям и межличностным коммуникациям, выходящим за пределы «высоких» гражданских чувств и помыслов. Война не смогла полностью подавить «обычные» эмоции, выразившиеся в симпатиях и антипатиях к другим людям, в любви и дружбе как базовых социально-психологических потребностях личности. При этом экстремальная ситуация военного времени способствовала выработке новых практик и условий взаимоотношений в частной сфере, характер и содержание которых определялись различными обстоятельствами субъективного и объективного порядка.

В распоряжении исследователей находится немало разнообразных источников, раскрывающих различные аспекты рассматриваемой проблемы. В тоже время они свидетельствуют о тесной взаимосвязи приватного и публичного начал в жизни советского человека в условиях военного времени, что неизбежно влечет за собой сложности их разграничения. Как замечает Е.Ю. Зубкова: «Авторы исследований по различным сюжетам частной жизни обращают внимание главным образом на регламентирующую составляющую, тогда как неподконтрольный сегмент частной жизни, реальные практики выстраивания личного, интимного пространства остаются в тени» [1]. Во многом это объясняется самой спецификой отражения указанных практик в исторических источниках, трудностей их вычленения и анализа. Очевидно, что определенные перспективы в изучении частной жизни тесно связаны с опросами уже крайне немногочисленных непосредственных участников и очевидцев событий военного времени.

В 2012–2013 гг. в рамках поддержанного РГНФ научно-исследовательского проекта «Частная жизнь советского человека в условиях военного времени: пространство, границы и механизмы реализации (1941–1945)» было проведено глубинное интервьюирование 40 участников и очевидцев Великой Отечественной войны, выступающих в качестве ее прямых свидетелей, обладающих собственным опытом переживания событий военного времени [2]. Продолжительность каждого интервью составляла от 43 до 247 мин., в среднем – 105 мин. 3 интервью продолжались менее 1 часа, 17 – от 1 до 2 часов, 9 – более 2 часов и 1 – более 4 часов. Выбор места и времени интервью предлагался самим респондентам, с учетом их возраста и состояния здоровья. Больше половины – 26 интервью – проводились по месту жительства респондентов – в их квартирах и домах, 11 – в здании ИСЭГИ ЮНЦ РАН, 2 – в здании Краснодарского краевого совета ветеранов, 1 – дистанционно с использованием скайпа. 31 интервью проводилось в Ростове-на-Дону (в том числе по скайпу с А.Л. Крюковой из хутора Сетраки Чертковского района Ростовской области), 7 – в Краснодаре, 1 – в Майкопе и 1 – в станице Динской Краснодарского края.

Подбор респондентов происходил через ветеранские организации Ростова-на-Дону и Краснодара, коллег и знакомых. Широко использовался также метод «снежного кома», при котором опрашиваемые сообщали координаты следующих возможных респондентов. В ходе предварительного разговора с респондентами обсуждались тема и цель проведения встречи, ее место и время. Необходимость использования «посредников» и рекомендаций для проведения интервью в значительной степени объяснялась соображениями личной безопасности в связи с получившими огласку случаями применения актов насилия по отношению к пожилым людям, краж и грабежей их квартир. Многие из них, особенно одиноко проживающие, обоснованно опасаются пускать к себе в квартиру посторонних людей, а состояние здоровья не позволяет некоторым самостоятельно выходить из нее. Один из наших респондентов лишился сразу двух своих орденов – один из квартиры вынес человек, назвавшийся журналистом и в ходе беседы подменивший боевую награду заранее изготовленным муляжом, второй просто кто-то снял с его пиджака на одной из встреч

ветеранов. Поэтому встретиться с ветераном войны, полностью утратившим к тому времени возможность самостоятельного передвижения, после ряда неудачных предварительных телефонных разговоров удалось только благодаря протекции хорошо знакомого ему руководителя одной из ветеранских организаций.

Тем не менее в ряде случаев все равно произошли коммуникативные неудачи, основной причиной которых являлось плохое состояние здоровья респондентов, прохождение ими медицинского обследования и лечения. Еще в двух случаях интервью завершились вскоре после начала, когда выяснились серьезные расстройства памяти респондентов вследствие перенесенных заболеваний. Дополнительные сложности в организации встреч с участниками Великой Отечественной войны возникали в преддверии очередных годовщин Дня Победы: многие из них, особенно руководители и активисты ветеранских организаций, оказались включены в программы праздничных мероприятий.

Отказ от встречи мог быть продиктован и опасениями, связанными с неуверенностью респондента в «правильном» использовании сообщенных им сведений. Одна из наших телефонных собеседниц, чьи координаты мы получили от ее ближайшей приятельницы, после неоднократного перенесения интервью, в конечном итоге, отказалась от него. Свой отказ мотивировала тем, что сейчас трудно понять события того времени, да и жизнь ее «не для парадного рассказа». Еще одним, имплицитно сопутствовавшим отказу обстоятельством оказалась ее этническая принадлежность. Будучи еврейкой, она не видела необходимости «все это мусолить заново» (имея в виду гонения против евреев), хотя из общего перечня предлагавшихся к обсуждению вопросов ни национальной темы, ни ее конкретных ответвлений не вытекало. Следует отметить, что опасения подобного рода присутствовали и в рассказах тех, кто согласился поговорить о «жизни на войне». Л.В. Ямщикова, щедро поделившаяся с нами своими детскими и семейными воспоминаниями, в завершении встречи обеспокоенно спросила, ничего ли ей и ее мужу не будет за то, что «наговорила здесь» [3]. У многих респондентов вызывали обоснованное сомнение само содержание и характер задаваемых вопросов. Настроившись на серьезный разговор о войне, не предполагавший «каких-то сантиментов», они искренне недоумевали, зачем так подробно их расспрашивают о семье, жилье, друзьях.

Возраст и состояние здоровья респондентов приходилось учитывать и в ходе проведения интервью, поскольку отдельные вопросы приводили их в состояние душевного расстройства, вызывали волнение и слезы. Несколько респондентов являлись инвалидами 1-й и 2-й групп, с ограниченными физическими возможностями, а 4 чел. скончались через несколько месяцев после интервью.

На момент проведения интервью возраст опрашиваемых составлял от 78 (1934 г.р.) до 99 лет (1913 г.р.). Начало войны они встретили в возрасте 7–28 лет, а ее окончание – 11–32 лет. Исходя из возраста и соответствующих ему социальных статусов, опрашиваемых можно разделить на несколько групп. Первую, самую небольшую, составляют респонденты 1913–1918 гг. рождения, встретившие войну взрослыми людьми. А.Ф. Акимов (1913 г.р.) и Н.П. Жуган (1917 г.р.) имели к началу войны семьи, получили профессиональное образование, один работал, отслужив срочную службу, второй был военным летчиком. Работала и Г.Ф. Макарова (1918 г.р.), проживавшая совместно с родителями (вследствие чего ее можно отнести к следующей группе).

Вторую группу составляют 11 респондентов 1921–1923 гг. рождения, у которых начало войны совпало с окончанием учебы, а также с военной службой и получением профессионального образования. В 1941 г. окончили училища: А.З. Карпенко (1921 г.р.) – военное, А.Г. Малхасян (1921 г.р.) – педагогическое, В.М. Мухортова (1922 г.р.) – медицинское; продолжали учебу в педагогическом институте Н.Ф. Резникова (1921 г.р.) и В.И. Бирюков (1922 г.р.), в летном училище – С.Ю. Ясанис (1922 г.р.); служили срочную службу на флоте Д.И. Бакай (1921 г.р.) и Н.М. Боровик (1921 г.р.), окончили 10 классов Л.М. Карпеева, В.И. Перетяцько и М.Д. Шибанов (все – 1923 г.р.). Вся группа служила в рядах действующей армии и относится к той возрастной когорте, которая понесла самые большие потери в годы Великой Отечественной войны.

Третья группа – 15 респондентов 1925–1927 гг. рождения, окончивших школу уже в годы войны. Были призваны в ряды действующей армии О.В. Бредихин, В.Г. Гречко (оба 1925 г.р.) и Г.К. Черчемболиев (1926 г.р.), окончили военное училище и продолжили службу

в действующей армии А.Ф. Гнетов и Э.И. Речестер (1925 г.р.), добровольно ушли на фронт Е.С. Тюкина (1925 г.р.), З.Г. Коваленко (1926 г.р.), А.Г. Малюк и А.П. Обозьянский (оба 1927 г.р.), стали работать А.И. Баляшина, В.А. Тихомирова (обе 1925 г.р.) и С.Я. Кремянская (1926 г.р.), начала учебу в вузе М.Ф. Гольдфарб (1926 г.р.). Н.Ф. Петрушенко (1925 г.р.) и В.И. Мартынов (1926 г.р.) были вынуждены пойти работать, не закончив школы (первый после детдома, а второй происходил из многодетной семьи), позже их призвали в ряды действующей армии.

Наконец, четвертую группу составили «дети войны» – 11 респондентов 1929–1934 гг. Они принадлежат к поколению, о котором сказано так: «Война остановилась на нас, мальчишках 1928 года рождения» [4]. Потому что его представители не призывались на фронт. Тем не менее, война наложила свой отпечаток на всю их судьбу. Закончили школу и продолжили обучение в училище или университете Е.В. Прибыльская (1928 г.р.), В.Н. Семина, А.Д. Исаев (оба 1930 г.р.), Л.В. Ямщикова (1932 г.р.), А.К. Агарков, И.Н. Калабухова, Э.Е. Розенблит (все 1933 г.р.) и В.М. Линник (1934 г.р.). Пришлось пойти работать, не завершив обучения, А.Л. Крюковой (1928 г.р.), М.И. Емельянову (1929 г.р.), Н.П. Шепеленко (1930 г.р.).

Приводимые демографические и социальные характеристики респондентов важны при осмыслении их опыта переживания событий военного времени. Например, их необходимо учитывать при обращении к религиозным представлениям советских граждан в годы Великой Отечественной войны. Согласно данным переписи населения 1937 г., возрастная когорта 1917–1920 гг. рождения, а тем более, младшие когорты, к которым относится большинство опрошенных, являлась гораздо менее религиозной, чем представители более старших возрастных групп, провести опросы среди которых уже нет возможности [5].

Больше половины опрошенных – 22 чел. – являются уроженцами территорий, в настоящее время входящих в состав Ростовской области, еще 6 чел. – Краснодарского края, 3 чел. – Украины. По 1 чел. родилось в Москве, Ленинграде, на Урале, а также на территориях, входящих в состав Нижегородской, Ярославской, Пензенской областей, Республики Башкортостан, Чеченской Республики и Казахстана.

Исходя из содержания интервью, отражающего личный опыт участия респондента в событиях Великой Отечественной войны, всех опрошенных можно также разделить на несколько групп. Самую большую группу составили фронтовики – 25 чел., в том числе 14 представителей сухопутных войск – пехотинцы, артиллеристы, связисты, сапер и шофер, а также 4 медицинских работника, 3 летчика и 1 авиамеханик, 2 военных моряка. 11 чел. являлись свидетелями нацистской оккупации, а 6 чел. находились в эвакуации (в том числе, 2 чел. находились на оккупированной территории после эвакуации). Фронт и тыл, оккупация и эвакуация создавали различные возможности для реализации тех или иных индивидуальных желаний человека, а представления о том, как они реализовались, пропущенные сквозь призму последующего личного опыта, формируют разные воспоминания о частной жизни в условиях военного времени.

В этой связи весьма показательны отношения, складывающиеся у респондентов с войной как историческим событием, непосредственными участниками которого они оказались. С одной стороны, часть из них осознает свою сопричастность большой истории, представления о которой меняются с течением времени. Не всех устраивают перемены, происходящие в облике войны под воздействием кинематографа и профессиональной литературы: «Нет, я, когда смотрю фильмы, я говорю: “Какие брехуны! Вот этого же не было. Почему не пишете того, что было на самом деле? Почему не возвращаетесь с ветеранами, их осталась “могучая кучка” чуть-чуть, вот этот золотой фонд России!”» [6]. Этот облик зачастую противоречит их собственным воспоминаниям, вызывая естественное раздражение: «Вы знаете, если б я бродила по улицам бы и видела все это, может быть и совпадало. Вот, как я видела то, что запечатлелось на всю мою жизнь. Это я сидела вот там, где на Книжной, вот там упала бомба. Глубокая-глубокая яма была посреди дороги, и вот как стоял немец и кидал дитя в эту яму, в пожар там, вот, это я запомнила и, наверно, и умру с этим, никогда не забуду. Вот, это я видела в окошко, я сидела тоже под замком, замкнутая. Куда-то эта женщина ушла, а меня замкнула. И вот это я сидела на подоконнике, и это я увидела.... Раздражает [*то, что пишется об оккупации*], это не так» [7]. И не только потому,

что в нем «нет правды». Новое знание о войне меняет отношение к ее участникам, переводя их из категории победителей в разряд обыкновенных стариков: «Но меня поразило другое: 70 лет Сталинградской битвы – принесли мне поздравление от Путина. Ворошиловский район и Ворошиловский военкомат – хотя бы цветочек принесли бы вот этот, гвоздичку. Понимаете? Ничего, ни сувенира! Ничего, понимаете? И Сталинград, вот это слово у них вот здесь [*показывает*] стоит! Поэтому они сказали, что шесть раз в году будет Сталинград, а остальное Волгоград. Сейчас нужен Сталин нам и не один, а два... Что меня еще обижает, и я вот это недовольна. Я же прошла такой путь ... И в результате мне пенсию участника войны не дали» [8].

Они борются с «вопиющей несправедливостью» своего положения, отстаивая правду о войне газетными статьями и интервью; выступлениями перед школьниками и молодежью; участием в создании школьных музеев: «Вот, я тут писала недавно статью, попросили меня, я и написала. Но и не только это. Я написала и вот в этот [*показывает*]. Я очень часто бываю в Таможенной академии, провожу там занятия День Победы, 23 февраля. В этот раз они нас не пригласили» [9]. «Да, да, вот меня приглашали в школы <...>, а потом сам. Приглашали на завод, где я работал...» [10]. «Писем нет, а фотографии еще есть. У меня же в музей берут и берут» [11].

Еще одной формой обретения правды о войне стал поиск книг, где личный пережитый опыт совпадает с оценкой происшедшего в тот период времени: «И что трагично было в этой самой Керчи – все же три армии [*погибли*]! <...> Ведь Сталина Жуков предупредил: “Да, готовьте десант на Керченский полуостров, готовьте срочно, надо помочь Севастополю”. И вот, стали. 44-ю армию с иранской границы переправили к нам, в Россию, и она оказалась в Керчи. На время этой операции. А он сказал нет, Сталин: “Готовьте срочно десантную операцию”. И загубили 300 000, вот тут написано [*показывает книгу о Керченско-Феодосийской операции*], солдат, офицеров. 170 000 [*чел.*] попали в плен. А сколько в каменоломнях [*осталось*]! 17 000 [*чел.*] ушло в каменоломни – без воды, без лекарств, без всего. Они там погибли. Страшное дело. Кто виноват в этой операции? Сталин виноват. Не нужно было ее делать, а он приказал» [12]. Для другой части наших респондентов война уже давно стала страницей прошлого, напоминая им о совсем другой жизни и ушедшем детстве: «Ну, как вспоминаю? Иногда разговор зайдет, когда-нибудь. В основном, ну, что с молодежью? Им это не нужно. Ну, вот так встретишь кого-нибудь и за войну там начнешь говорить, вот и весь разговор» [13]. «Ну, не то, что вот [*вспоминаю о войне*]... Ну, все это перед глазами. Я могу даже это все воспроизвести. И как папа на качелях катал, и какая маленькая была, и я даже помню фотографии свои маленькие, и братьев помню фотографии. У меня, например, старший стоит на корабле в белом костюме, в капитанке, и еще ему и сигарету [*дали*] – вот он, сфотографированный такой стоит. Стоит гордый у папы на корабле – это я хорошо помню. Вот, и у меня где-то есть фотографии» [14].

Тем не менее все они пытаются не забыть того, что произошло с ними в прошлом и сохранить именно ту память. В ряде случаев она обретает письменный канон, по которому респонденты сверяют свои нынешние воспоминания о войне. Двое из них на момент встречи оказались авторами нескольких художественно-документальных повестей [15–17 и др.]. Один – обладателем дневника, переданного в Государственный архив Ростовской области, а еще двое – начинающими мемуаристами. Написанные и начатые писаться по разным поводам («Я в прошлом году начал писать автобиографический очерк. Я его назвал так. Это приезжала племянница из Башкирии, я родом из Башкирии, ну и попросила, я ж всю войну на фронте был, а они сейчас молодые, ничего не знают, побольше узнать. И другая родня по жене – остались племянники и племянницы, тоже просят описать военное время, послевоенное время. Вот, и я начал писать» [18]; «Очень хочу расплатиться со всеми, кто обогатил мою жизнь» [19]), они имеют общую природу происхождения и подчинены одной цели – созданию рамок памяти, за пределами которых начинается другая, неизвестная им война. Наличие этой особой памяти наиболее отчетливо проявилось в ходе интервью, когда несколько респондентов не только апеллировали к тексту, тем самым, придавая рассказываемому бесспорный статус достоверности, но и сверяли с ним время, события и последовательность их свершения.

Все интервью проводились в свободной форме, с использованием заранее подготовленного опросника, от которого, впрочем, допускались различные отступления,

связанные с психологическими особенностями личности респондента и самим ходом беседы с ним. Большинство интервью, наряду с рассказами респондентов, включали и ответы на вопросы о разнообразных проявлениях частной жизни в 1941–1945 гг.: пространстве дома, отношениях внутри семьи и с соседями; чувственного мира и его эмоционального накала; индивидуальных стратегий выживания; веры и суеверий; организации досуга и его осуществления.

Как правило, в конце интервью предлагалось ответить на вопросы о том, была ли частная жизнь у человека во время Великой Отечественной войны, и если да, то в чем конкретно она заключалась. Многие респонденты дали отрицательный ответ на указанные вопросы. Так, фронтовой шофер Галина Федосеевна Макарова категорически заявила: «Нет» на вопрос о том, была ли частная жизнь на войне, а затем прояснила свой ответ так: «Нет, все вместе. Коллектив был, и дружные были такие вот, не было, чтоб там кто-то отделялся, все время вместе и вместе» [20]. Похоже ответил и Александр Григорьевич Малюк: «Конечно, все, как говорится, удачи, невзгоды – все было коллективное» [21]. Ему вторит Андрей Георгиевич Малхасян: «...на фронте же секретов нет от друзей! Сегодня жив, а завтра нет» [22]. Частное воспринимается ими как противопоставление общему, общественному, коллективному, служению которому должен был всецело посвящать себя советский человек – на фронте и в тылу, в военное и в мирное время. Поэтому его существование – неправильно, невозможно в условиях войны.

Однако те же самые респонденты, категорически отвергая возможность существования собственной частной жизни во время войны, рассказывают, например, о том, как их друзья влюблялись и женились на фронте [23]. Не идентифицируя, впрочем, данные случаи, несомненно, имевшие самый массовый характер, как проявления частной жизни. Отдельные респонденты признают существование частной жизни у сослуживцев, но не у себя: «У меня не было, но у девчат была» [24].

Валерия Александровна Тихомирова также ответила отрицательно на вопрос о том, была ли у нее собственная частная жизнь на войне: «Нет, совершенно». Однако ее мотивация при этом отличается от высказанных другими коллективистских принципов и носит сугубо нравственный оттенок. Она связывает частную жизнь с наличием интимных отношений с молодыми людьми, к чему в тот момент не считала себя готовой. Когда она решила уйти добровольно на фронт, «один солдат или офицер позвал меня и провел со мной такую беседу: “Ты хочешь сейчас уйти в армию? – Хочу! – Но учти, ты должна за одного из нас выйти замуж. – Какой замуж? – А как же. У нас только так, по-другому нельзя. Ты готова на это? – На это я не готова. Тогда иди и будь около матери, иначе у нас есть девочки такие, которые что? Ты уже взрослая, должна понимать, по рукам пойдут”». По словам В.А. Тихомировой: «Он меня так напугал, больше чем немцы. И думала, что буду с мамой, потому что я была главной для нее опорой». Респондент признается: «Я бы ушла на фронт, но вот, то, что замуж, для меня это все равно, чтобы сказали, мы выстегаем Вас плетью. Это было для меня что-то такое ужасное, даже сумасшедшее, хотя я уже была взрослая» [25]. Несомненно, что в приводимых высказываниях отражаются не только усвоенные с детства этические нормы, но и выработывавшиеся десятилетиями практики коммеморации в отношении военной темы.

У других очевидцев наличие у них частной жизни в годы войны не вызывает никаких сомнений. Но вот ее сущность и содержание определяются совершенно по-разному. Для медицинского работника Евгении Степановны Тюкиной частная жизнь на фронте реализовывалась «через любовь, через дружбу, через товарищеские отношения» [26]. По словам телережиссера Эвелины Евгеньевны Розенблит, пережившей и эвакуацию, и оккупацию Ростова-на-Дону, ее частная жизнь девочки-подростка заключалась в личных переживаниях: «Частная жизнь моя, я вот, Вам ее рассказала, она все-таки была детская. Вот мое восприятие войны и все страхи, которые были, и все трудности, я считаю, что в принципе от этих трудностей какая-то закалка идет...» [27].

В свою очередь, для хореографа и поэтессы Елены Валентиновны Прибыльской ее частная жизнь в годы войны, также пришедшейся на период юности, – это творчество: оказавшись в эвакуации в Перми, она смогла услышать знаменитых театральных исполнителей, и этот духовный багаж лег в основу ее будущей специальности. Понимая несоответствие индивидуального опыта коллективной трагедии, она стремится «вписать»

его в общий смысл происходивших событий: «Она, конечно, была частная жизнь, но все было внутри подчинено самому главному, понимаете, это невольно получалось. Т.е., мы были едины, мы болели всей душой за то, что на фронте, хотя мы жили в глубоком тылу, в Перми... я помню, привезли из Ленинграда детишек. Ой, это вот такие ручки, вот такие ножки, вздутые животы, лица как у скелетов, это страшно было. Их по детским домам, и начали потихоньку откармливать. А, в общем, обязательно была частная жизнь, и не только частная жизнь была. Самое главное, что творчество было, и было искусство, и оно было нужно, искусство» [28]. Очевидно, что различия в оценках частного отражают разницу не только в пережитых событиях, но и в последующей судьбе самих респондентов, их профессиональном, социальном статусе.

В ходе исследования выявились и гендерные особенности восприятия частной жизни, форм ее проявления и возможностей осуществления в условиях военного времени. Среди опрошенных 23 чел. являлись мужчинами, а 17 – женщинами. Как правило, вопросы, относимые к частной жизни, традиционно считаются «женскими», женщин быстрее можно «разговорить» на данную тему, причем легче сделать это оказалось женщинам-интервьюерам. Это определялись несколькими обстоятельствами. Во-первых, «неудобностью» самой темы, по большей части, воспринимаемой попыткой вторжения совершенно постороннего человека в личное пространство респондента. Причиной тому нередко становится смешение частного и личного, отсутствие границ между которыми придает сфере приватного далеко не исчерпывающий ее интимный характер. Только в одном рассказе женщины из «интеллигентной еврейской семьи» прозвучало четкое разграничение этих сфер: «Ну, во-первых, частная жизнь, как я понимаю, она свойственна и должна быть у любого человека. Например, я никогда не скучаю, даже если мне, например, нечего читать, я сижу и думаю, что-то вспоминаю. Я ходила в школу, я училась, я общалась с теми, кто жил в нашей комнате» [29]. Свою личную жизнь она связала с замужеством. Именно нежелание говорить о сугубо личном, «несовместимом» с жизнью на войне, привело к тому, что у большинства опрошенных женщин «частной жизни просто не было». Во-вторых, возрастом и условиями довоенной жизни респондентов. В своих суждениях о возможностях существования частной жизни и зримых очертаниях ее проявления они демонстрировали скорее более поздние представления, нежели непосредственные впечатления тех лет. Во многом такая ситуация обуславливалась отсутствием хотя бы какого-то подобия уединения в перенаселенных и малометражных комнатах, занимаемых семьями респондентов. За некоторым исключением все они делили жилое пространство с родными и близкими им людьми, что полностью исключало, по их мнению, малейшую возможность вести самостоятельную и неконтролируемую жизнь. Тем не менее даже в этом, казалось бы, полностью лишенном приватности пространстве «людовой скученности» находились возможности «подышать воздухом полей, побегать за домом, нарвать луговых цветов». В-третьих, большей склонностью женщин к рефлексии, находившей выражение в переписке и более поздней записи собственных воспоминаний о том времени, в которых наиболее отчетливо проявились гендерные особенности женской памяти о войне. В них больше довоенной атмосферы, биографических зарисовок, склонности к детализации быта, эмоциональной окрашенности запечатлеваемых событий. При этом в женских воспоминаниях о войне много и мужского, вернее, негендерного: цепкость взгляда, ровность оценок и беспристрастность суждений. Однако есть и нечто разительно от них отличное: пристальное внимание к интерьеру эпохи с его цветистыми перегородками комнат и милыми безделушками, передававшими особенности уклада жизни их владельцев; частным и личным проявлениям времени. Приводимые фрагменты интервью, записанных в ходе исследования и на самом деле отражающих не только непосредственное восприятие очевидцами событий военного времени, но и рефлексию всей прожитой жизни, представляют, разумеется, далеко не весь спектр оценок частной жизни.

Одной из главных трудностей проведения опроса оказалась внутренняя неготовность респондентов к восприятию войны в предложенном ракурсе. С одной стороны, частная жизнь рассматривалась ими как нечто глубоко личное, в силу чего она не могла быть предметом публичного обсуждения. С другой – недоумение вызывало ее сопряжение с войной, требовавшей концентрации всех жизненных сил и не оставлявшей времени для уединения. Ситуация существенно осложнялась и укоренившимися представлениями о

частном как о чем-то мало существенном, а зачастую и немного постыдном. Как сказал Эмиль Исаевич Речестер, интервью с которым оказалось одним из самых информативных по рассматриваемой проблеме: «Я Вам, как анекдоты, все рассказываю...» [30].

Однако когда в процессе разговора выяснялось, что частная жизнь все-таки была, и тому обнаружилось множество подтверждений, респонденты, как правило, занимали позицию стороннего наблюдателя, вспоминая эпизоды из чужой, мельком увиденной жизни. Рассказывая о каких-то моментах своей частной жизни, они представляли их как случаи, примеры того «как бывает»: «Если, в общем, то у каждого человека сложилось по-разному. У одних это было очень плохо, у других более или менее ничего. Я не знаю почему, но у меня отношения сложились хорошие, начиная с эвакуации, нет, начиная с соседей, с которыми мы эвакуировались всем двором» [31]. Многие из опрашиваемых, отрицая «взятые из кино и книг фривольные факты жизни на фронте», после завершения официальной части беседы «под запись» вспоминали, что «было и такое». В ряде случаев перезванивали и под воздействием состоявшегося разговора вспоминали «упущенное».

Традиционное восприятие частной жизни как «потайной», закрытой от глаз посторонних сферы жизни ставит исследователя в положение человека, «подглядывающего» за другими «в замочную скважину» [32]. В результате сам сбор необходимой информации сопровождается значительными трудностями, ее выявление в ходе опросов может создать впечатление о поисках компрометирующего материала, более присущих представителям «желтой» прессы, чем профессиональным историкам с их стремлением к академизму и представлением о высокой общественной значимости собственной деятельности. Требуется учитывать и ответственность исследователя перед респондентом, необходимость сохранения конфиденциальности полученных сведений, чтобы не навредить людям, оказавшимся в центре исследовательского внимания.

Примечания:

1. Зубкова Е.Ю. Частная жизнь в советскую эпоху: историографическая реабилитация и перспективы изучения // Российская история. 2011. № 3. С. 163.
2. В состав коллектива входили д.и.н. Е.Ф. Кринко (руководитель), Т.Г. Курбат, к.и.н. И.Г. Тажиудинова, д.и.н. Т.П. Хлынина. Результаты исследования нашли отражение в цикле статей и итоговой монографии. См.: Кринко Е.Ф., Тажиудинова Т.Г., Хлынина Т.П. Частная жизнь советского человека в условиях военного времени: пространство, границы и механизмы реализации (1941–1945). Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2013. 362 с.
3. Респондент: Ямщикова Лидия Владимировна, 1932 г.р. Интервьюеры: Т.Г. Курбат, Т.П. Хлынина. Место проведения: г. Ростов-на-Дону, квартира респондента. Продолжительность: 67 минут. Запись 14 мая 2013 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.
4. Иоффе Г. Городок наш ничего... // Российская история. 2013. № 2. С. 171.
5. Всесоюзная перепись населения 1937 г.: краткие итоги. М.: Институт истории СССР АН СССР, 1991. 239 с.
6. Респондент: Тюкина Евгения Степановна, 1925 г.р. Интервьюеры: Е.Ф. Кринко, Т.П. Хлынина. Место проведения: г. Ростов-на-Дону, квартира респондента. Продолжительность 105 минут. Запись 7 марта 2013 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.
7. Респондент: Ямщикова Лидия Владимировна.
8. Респондент: Тюкина Евгения Степановна.
9. Респондент: Тюкина Евгения Степановна.
10. Респондент: Речестер Эмиль Исаевич, 1925 г.р. Интервьюеры: Е.Ф. Кринко, Т.П. Хлынина. Место проведения: г. Ростов-на-Дону, квартира респондента. Продолжительность 146 минут. Запись 12 апреля 2013 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.
11. Респондент: Карпеева Лидия Михайловна, 1923 г.р. Интервьюеры: Т.Г. Курбат, Т.П. Хлынина. Место проведения: г. Ростов-на-Дону, квартира респондента. Продолжительность 50 минут. Запись от 15 октября 2012 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.

12. Респондент: Акимов Алексей Федорович, 1913 г.р. Интервьюеры: Е.Ф. Кринко, Т.Г. Курбат, Т.П. Хлынина. Место проведения: г. Ростов-на-Дону, квартира респондента. Продолжительность 125 минут. Запись 17 апреля 2013 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.
13. Респондент: Емельянов Михаил Иванович, 1929 г.р. Интервьюеры: Т.П. Хлынина, Т.Г. Курбат. Место проведения: г. Ростов-на-Дону, квартира респондента. Продолжительность 43 минуты. Запись 14 мая 2013 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.
14. Респондент: Ямщикова Лидия Владимировна.
15. Резникова Н.Ф. Ветка сирени, или Сыновьям о войне. Майкоп: Адыгейское отделение Краснодарского кн. изд-ва, 1990. 80 с.
16. Калабухова И.Н. Где мои тринадцать лет? Повести. Ростов н/Д.: Старые русские, 2006. 320 с.
17. Калабухова И.Н. В прощаньи и в прощеньи. М.: Дом еврейской книги, 2008. 254 с.
18. Респондент: Гнетов Александр Федорович, 1925 г.р. Интервьюеры: Е.Ф. Кринко, Т.П. Хлынина. Место проведения: г. Ростов-на-Дону, квартира респондента. Продолжительность 247 минут. Запись 3 апреля 2013 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.
19. Калабухова И.Н. Где мои тринадцать лет? С. 4.
20. Респондент: Макарова Галина Федосеевна, 1918 г.р. Интервьюер: Е.Ф. Кринко. Место проведения: г. Ростов-на-Дону, ИСЭГИ ЮНЦ РАН. Продолжительность 157 минут. Запись от 15 ноября 2012 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.
21. Респондент: Малюк Александр Георгиевич, 1927 г.р. Интервьюеры: Е.Ф. Кринко, Т.Г. Курбат. Место проведения: г. Ростов-на-Дону, ИСЭГИ ЮНЦ РАН. Продолжительность 135 минут. Запись от 29 сентября 2012 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.
22. Респондент: Малхасян Андрей Георгиевич, 1921 г.р. Интервьюеры: Е.Ф. Кринко, Т.Г. Курбат. Место проведения: г. Ростов-на-Дону, ИСЭГИ ЮНЦ РАН. Продолжительность 117 минут. Запись от 16 октября 2012 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.
23. Респондент: Макарова Галина Федосеевна.
24. Респондент: Карпеева Лидия Михайловна, 1923 г.р. Интервьюер: Т.Г. Курбат, Т.П. Хлынина. Место проведения: г. Ростов-на-Дону, квартира респондента. Продолжительность 50 минут. Запись от 15 октября 2012 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.
25. Респондент: Тихомирова Валерия Александровна, 1925 г.р. Интервьюеры: Е.Ф. Кринко, Т.Г. Курбат, Т.П. Хлынина. Место проведения: г. Ростов-на-Дону, ИСЭГИ ЮНЦ РАН. Продолжительность 130 минут. Запись от 22 октября 2012 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.
26. Респондент: Тюкина Евгения Степановна.
27. Респондент: Розенбит Эвелина Евгеньевна, 1933 г.р. Интервьюеры: Е.Ф. Кринко, Т.Г. Курбат. Место проведения: г. Ростов-на-Дону, квартира респондента. Продолжительность 107 минут. Запись от 18 октября 2012 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.
28. Респондент: Прибыльская Елена Валентиновна, 1928 г.р. Интервьюер: Е.Ф. Кринко. Место проведения: г. Ростов-на-Дону, квартира респондента. Продолжительность 107 минут. Запись от 30 октября 2012 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.
29. Респондент: Гольдфарб Мириам Филипповна, 1929 г.р. Интервьюеры: Т.Г. Курбат, Т.П. Хлынина. Место проведения: г. Ростов-на-Дону, квартира респондента. Продолжительность: 50 минут Запись 4 апреля 2013 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.
30. Респондент: Кремьянская Сильвия Яковлевна, 1926 г.р. Интервьюеры: Т.Г. Курбат, Т.П. Хлынина. Место проведения: г. Ростов-на-Дону, ИСЭГИ ЮНЦ РАН. Продолжительность 80 минут. Запись 16 октября 2012 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.

31. Респондент: Речестер Эмиль Исаевич.
32. Стоит ли копаться в «грязном белье»... (Российские историки размышляют над проблемами «истории частной жизни») // Родина. 1996. № 12. С. 80–85.

References:

1. Zubkova E.Ju. Chastnaja zhizn' v sovetskiju jepohu: istoriograficheskaja reabilitacija i perspektivy izuchenija // Rossijskaja istorija. 2011. № 3. S. 163.
2. V sostav kollektiva vhodili d.i.n. E.F. Krinko (rukovoditel'), T.G. Kurbat, k.i.n. I.G. Tazhidinova, d.i.n. T.P. Hlynina. Rezul'taty issledovanija nashli otrazhenie v cikle statej i itogovoj monografii. Sm.: Krinko E.F., Tazhidinova T.G., Hlynina T.P. Chastnaja zhizn' sovetskogo cheloveka v uslovijah voennogo vremeni: prostranstvo, granicy i mehanizmy realizacii (1941–1945). Rostov n/D: Izd-vo JuNC RAN, 2013. 362 c.
3. Respondent: Jamshhikova Lidija Vladimirovna, 1932 g.r. Interv'juery: T.G. Kurbat, T.P. Hlynina. Mesto provedenija: g. Rostov-na-Donu, kvartira respondenta. Prodolzhitel'nost' 67 minut. Zapis' 14 maja 2013 g. // Arhiv laboratorii istorii i jetnografii ISJeGI JuNC RAN.
4. Ioffe G. Gorodok nash nichego... // Rossijskaja istorija. 2013. № 2. S. 171.
5. Vsesojuznaja perepis' naselenija 1937 g.: kratkie itogi. M.: Institut istorii SSSR AN SSSR, 1991. 239 s.
6. Respondent: Tjukina Evgenija Stepanovna, 1925 g.r. Interv'juery: E.F. Krinko, T.P. Hlynina. Mesto provedenija: g. Rostov-na-Donu, kvartira respondenta. Prodolzhitel'nost' 105 minut. Zapis' 7 marta 2013 g. // Arhiv laboratorii istorii i jetnografii ISJeGI JuNC RAN.
7. Respondent: Jamshhikova Lidija Vladimirovna.
8. Respondent: Tjukina Evgenija Stepanovna.
9. Respondent: Tjukina Evgenija Stepanovna.
10. Respondent: Rechester Jemil' Isaevich, 1925 g.r. Interv'juery: E.F. Krinko, T.P. Hlynina. Mesto provedenija: g. Rostov-na-Donu, kvartira respondenta. Prodolzhitel'nost' 146 minut. Zapis' 12 aprelja 2013 g. // Arhiv laboratorii istorii i jetnografii ISJeGI JuNC RAN.
11. Respondent: Karpeeva Lidija Mihajlovna, 1923 g.r. Interv'juery: T.G. Kurbat, T.P. Hlynina. Mesto provedenija: g. Rostov-na-Donu, kvartira respondenta. Prodolzhitel'nost' 50 minut. Zapis' ot 15 oktjabrja 2012 g. // Arhiv laboratorii istorii i jetnografii ISJeGI JuNC RAN.
12. Respondent: Akimov Aleksej Fedorovich, 1913 g.r. Interv'juery: E.F. Krinko, T.G. Kurbat, T.P. Hlynina. Mesto provedenija: g. Rostov-na-Donu, kvartira respondenta. Prodolzhitel'nost' 125 minut. Zapis' 17 aprelja 2013 g. // Arhiv laboratorii istorii i jetnografii ISJeGI JuNC RAN.
13. Respondent: Emel'janov Mihail Ivanovich, 1929 g.r. Interv'juery: T.P. Hlynina, T.G. Kurbat. Mesto provedenija: g. Rostov-na-Donu, kvartira respondenta. Prodolzhitel'nost' 43 minuty. Zapis' 14 maja 2013 g. // Arhiv laboratorii istorii i jetnografii ISJeGI JuNC RAN.
14. Respondent: Jamshhikova Lidija Vladimirovna.
15. Reznikova N.F. Vetka sireni, ili Synov'jam o vojne. Majkop: Adygejskoe otdelenie Krasnodarskogo kn. izd-va, 1990. 80 s.
16. Kalabuhova I.N. Gde moi trinadcat' let? Povesti. Rostov n/D.: Starye russkie, 2006. 320 s.
17. Kalabuhova I.N. V proshhan'i i v proshhen'i. M.: Dom evrejskoj knigi, 2008. 254 s.
18. Respondent: Gnetov Aleksandr Fedorovich, 1925 g.r. Interv'juery: E.F. Krinko, T.P. Hlynina. Mesto provedenija: g. Rostov-na-Donu, kvartira respondenta. Prodolzhitel'nost' 247 minut. Zapis' 3 aprelja 2013 g. // Arhiv laboratorii istorii i jetnografii ISJeGI JuNC RAN.
19. Kalabuhova I.N. Gde moi trinadcat' let? S. 4.
20. Respondent: Makarova Galina Fedoseevna, 1918 g.r. Interv'juer: E.F. Krinko. Mesto provedenija: g. Rostov-na-Donu, ISJeGI JuNC RAN. Prodolzhitel'nost' 157 minut. Zapis' ot 15 nojabrja 2012 g. // Arhiv laboratorii istorii i jetnografii ISJeGI JuNC RAN.
21. Respondent: Maljuk Aleksandr Georgievich, 1927 g.r. Interv'juery: E.F. Krinko, T.G. Kurbat. Mesto provedenija: g. Rostov-na-Donu, ISJeGI JuNC RAN. Prodolzhitel'nost' 135 minut. Zapis' ot 29 sentjabrja 2012 g. // Arhiv laboratorii istorii i jetnografii ISJeGI JuNC RAN.
22. Respondent: Malhasjan Andrej Georgievich, 1921 g.r. Interv'juery: E.F. Krinko, T.G. Kurbat. Mesto provedenija: g. Rostov-na-Donu, ISJeGI JuNC RAN. Prodolzhitel'nost' 117 minut. Zapis' ot 16 oktjabrja 2012 g. // Arhiv laboratorii istorii i jetnografii ISJeGI JuNC RAN.
23. Respondent: Makarova Galina Fedoseevna.

24. Respondent: Karpeeva Lidija Mihajlovna, 1923 g.r. Interv'juer: T.G. Kurbat, T.P. Hlynina. Mesto provedenija: g. Rostov-na-Donu, kvartira respondenta. Prodolzhitel'nost' 50 minut. Zapis' ot 15 oktjabrja 2012 g. // Arhiv laboratorii istorii i jetnografii ISJeGI JuNC RAN.

25. Respondent: Tihomirova Valerija Aleksandrovna, 1925 g.r. Interv'juery: E.F. Krinko, T.G. Kurbat, T.P. Hlynina. Mesto provedenija: g. Rostov-na-Donu, ISJeGI JuNC RAN. Prodolzhitel'nost' 130 minut. Zapis' ot 22 oktjabrja 2012 g. // Arhiv laboratorii istorii i jetnografii ISJeGI JuNC RAN.

26. Respondent: Tjukina Evgenija Stepanovna.

27. Respondent: Rozenblit Jevnelina Evgen'evna, 1933 g.r. Interv'juery: E.F. Krinko, T.G. Kurbat. Mesto provedenija: g. Rostov-na-Donu, kvartira respondenta. Prodolzhitel'nost' 107 minut. Zapis' ot 18 oktjabrja 2012 g. // Arhiv laboratorii istorii i jetnografii ISJeGI JuNC RAN.

28. Respondent: Pribyl'skaja Elena Valentinovna, 1928 g.r. Interv'juer: E.F. Krinko. Mesto provedenija: g. Rostov-na-Donu, kvartira respondenta. Prodolzhi-tel'nost' 107 minut. Zapis' ot 30 oktjabrja 2012 g. // Arhiv laboratorii istorii i jetnografii ISJeGI JuNC RAN.

29. Respondent: Gol'dfarb Miriam Filippovna, 1929 g.r. Interv'juery: T.G. Kurbat, T.P. Hlynina. Mesto provedenija: g. Rostov-na-Donu, kvartira respondenta. Prodolzhitel'nost': 50 minut Zapis' 4 aprelja 2013 g. // Arhiv laboratorii istorii i jetnografii ISJeGI JuNC RAN.

30. Respondent: Kremjanskaja Sil'vija Jakovlevna, 1926 g.r. Interv'juery: T.G. Kurbat, T.P. Hlynina. Mesto provedenija: g. Rostov-na-Donu, ISJeGI JuNC RAN. Prodolzhitel'nost' 80 minut. Zapis' 16 oktjabrja 2012 g. // Arhiv laboratorii istorii i jetnografii ISJeGI JuNC RAN.

31. Respondent: Rechester Jemil' Isaevich.

32. Stoit li kopat'sja v «grjaznom bel'e»... (Rossijskie istoriki razmyshljajut nad problemami «istorii chastnoj zhizni») // Rodina. 1996. № 12. S. 80–85.

УДК 947.0

История и память: опросы очевидцев о частной жизни в 1941–1945 гг.

¹ Евгений Федорович Кринко

² Татьяна Павловна Хлынина

¹ Институт социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра РАН, Российская Федерация
344006, Ростов-на-Дону, проспект Чехова, 41
Доктор исторических наук
E-mail: krinko@ssc-ras.ru

² Институт социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра РАН, Российская Федерация
344006, Ростов-на-Дону, проспект Чехова, 41
Доктор исторических наук
E-mail: tatiana_xl@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена возможностям устной истории в изучении частной жизни советского человека в годы Великой Отечественной войны. Авторы раскрывают особенности методики проведения опросов, отмечают возникающие в ходе него трудности.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; интервью; устная история; частная жизнь.

Copyright © 2014 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Russkii Arkhiv
Has been issued since 1863.
ISSN: 2408-9621
Vol. 5, No. 3, pp. 163-190, 2014

DOI: 10.13187/issn.2408-9621
www.ejournal16.com

Publications Sources

UDC 929/947.0

[An Interview with Anatoly Konstantinovich Agarkov](#)

Conducting the interview; preparing the material for publication

¹ Evgeny F. Krinko

² Tatiana P. Khlynina

¹ Institute of Social and Economic Research of the Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

41, Prospekt Chekhov, Rostov-on-Don, 344006

Doctor (History)

E-mail: krinko@ssc-ras.ru

² Institute of Social and Economic Research of the Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

41, Prospekt Chekhov, Rostov-on-Don, 344006

Doctor (History)

E-mail: tatiana_xl@mail.ru

Abstract

The interview with Anatoly Konstantinovich Agarkov was dedicated to the history of his family, his military childhood, Nazi occupation, and his private life during World War II. Throughout the war, the respondent lived in Rostov-on-Don with his parents.

Keywords: A.K. Agarkov; World War II; military childhood; family history; private life.

Интервью с Анатолием Константиновичем Агарковым, 1933 г.р., проводилось 14 апреля 2013 г. в г. Ростове-на-Дону, в ИСЭГИ ЮНЦ РАН. Продолжительность составила 127 минут. Интервьюеры Е.Ф. Кринко, Т.П. Хлынина, расшифровка Т.П. Хлыниной. Анатолий Константинович также предоставил подборку своих стихотворений о войне на 18 страницах формата А4, набранных на компьютере, украшенных специально подобранными фотографиями и скрепленных в пластиковой папке для файлов. Стихи им были поделены на две основные темы: «Кадры из военного детства», полагаемые «подлинными свидетельствами войны», и размышления над когда-то запомнившимися мыслями, «передуманными фразами», отнесенные к «художественному вымыслу». Уже после интервью А.К. Агарков написал дополнительный текст о нацистской оккупации города, опираясь на рассказы друга, тети и сестры. В процессе подготовки интервью к публикации этот фрагмент по предложению А.К. Агаркова включен в общий текст, в котором им также произведены отдельные сокращения.

Вопросы интервьюеров выделены полужирным шрифтом. Редакторские исправления и добавления в текст внесены в квадратных скобках курсивом. В приложении приведены

извлечения из стихов А.К. Агаркова. Все они, за исключением последнего, отнесены к «Кадрам из военного детства», что позволяет считать их полноправным историческим источником.

Анатолий Константинович, давайте начнем с Вашего детства. Вы родились в Ростове-на-Дону в какой семье? Нам это важно, чтобы понять, как дальше жизнь складывалась у человека.

В какой семье?

Родители были рабочие или служащие?

Отец и мать без образования.

Работали?

У отца – четыре класса, как тогда говорили, церковно-приходской школы. Он 1904 года рождения. Мать считалась образованной, восемь классов закончила. Вот это то, что я помню и могу сказать. Училась она в школе № 13 на площади Свободы [1]. Кстати, потом там училась и моя дочь, и мои внучки там учились. Эта школа нам очень знакома, она еще бывшей гимназией женской до революции была. А во время войны, ну, не все время, 1942–1943 гг., там был военный госпиталь, и там мои родственники работали, тетка медсестрой работала. Вокруг площади Свободы, собственно, и проходило мое детство, в этом районе.

А жили где?

Жили мы до войны и во время войны на 15-й линии [2].

У Вас был собственный дом?

Собственный дом у нас был...

Кто строил?

Знаете, вот я где-то могу сказать и неправильно, потому что в том возрасте, когда еще были живые старики, меня это мало интересовало. Я вот так, как Вы, не спрашивал, а просто в разговоре что-то там улавливал. Взрослые между собою беседовали, особенно, знаете, на праздники, после этого дела там, вспоминали бабок, дедов. И вот эти отрывочные [сведения]. Я могу только что сказать – что этот дом частный, на 15-й линии, номер 32 он тогда был, сейчас там, по-моему, другой номер. Это, если Вы представляете себе план Ростова, третий дом от 1-й Инженерной улицы. Сейчас она называется Мясникова, тогда была 1-я Инженерная и 2-я Инженерная. Вот, по 25-й линии шел этот раздел, там до сих пор еще остались 1-я Пролетарская и 2-я Пролетарская. Еще до революции, может быть, в конце XIX в., мои две прабабки, а может, бабки, из Воронежской области по Дону приехали на барже в Ростов. Тогда Ростов бурно развивался, требовалась рабочая сила и вот простые [люди], не знаю, откуда, из Воронежской губернии, как говорили, приехали и в Ростове жили. И вот одна бабка, она проходит, по-моему, по фамилии Баржевая. Почему? Жила на барже на Дону. Она работала у Парамонова [3] рабочей простой, кем там – не знаю. У Парамонова была такая политика: хороших работников, в том числе и рабочих, он тогда, как у нас потом говорили, подкармливал, т.е. какие-то льготы давал. Например, я уж не знаю, вот в Нахичевани была выделена вот такая полоса земли такая, и моей бабке, значит, на этом участке помогали построить дом собственный, причем дом был построен деревянный из материала при разборке барж. Но они, знаете, были такие хорошие дубовые доски. Вот там был построен довольно просторный дом на этом участке, и вот эта моя бабка владела, по фамилии Баржевая. Потом она вышла замуж за моего деда Михаила, а фамилия его была Ефименко, ну да, это моей матери девичья фамилия.

В этом просторном доме сколько было комнат?

Было четыре комнаты.

А сколько человек жило?

А вот слушайте. Значит так, у этого моего деда Михаила, который женился на этой бабке-владелице, откуда он – я не знаю, было три дочери – это две мои тетки и моя мама. Первая – это старшая, моя мать Нина, вторая Зина, третья Оля. Почему три? Значит, дед все хотел мальчика, ну, чтобы был наследник. А вот знаете, как судьба или Бог там посмеивается и делает наоборот. Поумирали эти старики очень рано. Я их обоих не помню по материнской линии.

В 1933 г. я родился, у меня память хорошая. Помню, как мы еще жили в каком-то флигелечке во дворе, наша семья, потому что тот дом родительский две сестры Зина и Ольга

заняли. Они повыходили замуж, имели по одному ребенку. А моя мать, значит, она вышла за Агаркова Константина и почему-то жили уже там, не было места и во дворе флигелечек, сарай, приспособленный под жилье. Вот это я прекрасно помню. И потом мои родители построили дом такой, добротный, с выходом уже на улицу, и вот уже войну мы, собственно, пережили в этом доме.

А у Вас своя комната была?

Нет, там у нас в доме было четыре комнаты: две маленьких, как бы считалось спальни. До войны ту дальнюю, что выходила на улицу, там отец с матерью ночевали, а мы с сестрой, ну да, собственно, мы жили во второй спальне, но еще была у нас бабушка, отцова мать. Она, значит, я даже и не помню, она – то у нас ночевала, то ее куда-то выселяли, в кухню там. Вы знаете, очень так было отношение сыновей, причем у нее было три сына, и у старшего Кости, она, собственно, и жила.

Семья была большая?

Ну, у нас было двое детей, значит. А у тех сестер было по одному. Сестра на пять лет старше меня, одна 1928 года рождения, я 1933 года рождения.

Фото 1. Семья Агарковых: мать, Нина Михайловна, держит на руках Анатолия, отец, Константин Федосеевич – его сестру Римму. Справа – бабушка Наталья Александровна Смешнова. Осень 1933 г.

В школе учились?

Родителям спасибо, что уже как-то. Они были необразованными людьми, скажем так, из рабочих, но такая, скажем, у рабочих прослойка грамотная. Хоть отец и не грамотный, но он прекрасно разбирался во всем. Ему перед войной сделали операцию какую-то сложную, короче говоря, он был невоеннообязанным. И вот я помню, что во время войны его, как там были правила, если я не ошибаюсь, каждые три месяца вызывали на медкомиссию. Так и не мобилизовали. Так вот и прошла война.

А братья отца служили на фронте?

А братья – да. Средний дядька Андрей, он 1906 года рождения, наверное, уже поболее образованным был, потому что я знаю, когда началась советско-финская война в 1939 г., он добровольцем пошел на финскую войну. И воевал он там лейтенантом. Хотя он там

никакого военного образования [*не имел*]. Ну, я не знаю, какие-то может быть там были курсы или что. И он все, а эта бабушка, его мать жила у нас, и он все писал, война-то продолжалась три месяца: «Еду, еду в эшелоне». Вроде и на фронт, и все никак не доедут. Но когда он вернулся, он сказал: «Да это я так, нарочно». Он участвовал в боях, там кое-что рассказывал.

Мы очень с сестрой любили читать и вот, значит, от сестры ли я это [*увлекся*]. Отец – он сапожным делом занимался частично, что-то шил там. «Римма, – кричит, – подай там!» На печке стоит смола какая-то. А она, значит, вот так держит книгу, а второй рукой достает этот материал. Он: «Ты что!». Хватал эту книгу: «Зачитанные! Идиоты!». Были сцены. Т.е. семья у нас была вот такая, но я благодарен тогда, когда подрост, родителям, что они научили меня труду.

Фото 2. Учащиеся шестого класса школы № 26 г. Ростова-на-Дону. Анатолий Агарков в верхнем ряду в центре. Январь 1946 г.

Семья верующая была? В Бога верили?

Знаете, насчет веры я не досказал. Дядька Андрей вернулся с первой, с этой финской, потом, значит, через два года началась Великая Отечественная [*война*]. Буквально в первых месяцах его уже мобилизовали, и он служил в кавалерийских частях корпуса генерала Кириченко [4]. Я помню, фамилию он называл – Кириченко. И он вообще был кавалерист, потому что... Вот я не экстрасенс, но я просыпаюсь утром и говорю во всеулышание: «Сегодня мне снился дядя Андрей». Шла война, 1942 г., зима. Иду в школу, возвращаюсь, сидит дядя Андрей у нас в семье. Я помню, что у него шашка была, и говорил он простуженным голосом еле-еле: «Вот, наша часть прошла через Ростов, я отпросился буквально на два-три часа посетить своих родных». Вот так он.

Потом, в 1942 г. во время бомбежки дядьке Андрею осколок бомбы попал в коленную чашечку. Это уже было в ноябре, в самых предгорьях Кавказа, где точно, я не скажу. Он красочно рассказывал, как это происходило, как они в штабе там сидели и вдруг кричат: «Воздух, самолеты!». «Мы выскакиваем в огород и где-то близко взрыв бомбы, я чувствую, меня ударило по ноге, я лег, смотрю в небо, а вокруг капуста, кочаны. Я сорвал лист, обмахиваюсь капустой, а начальник другой где-то недалеко лежит и кричит: “Андрей, ты живой?” А я говорю: “Да, кажется, живой”. А потом самолеты улетели, а я встать не могу. Глянули, короче говоря, отправили в госпиталь. Там, значит, врач осмотрел фронтовой и говорит: “Надо ампутировать ногу”. А я шашку выхватил: “Зарублю! Не дам ампутировать ногу, лечи так”. Врач плюнул, ушел, я там день лежал, никто меня ничего [*не лечил*], потом пришел другой врач». В общем, ногу оставили, гангрена миновала его, может очень быстро

там уколы делали. Потом его переправили через Каспийское море пароходом туда в Среднюю Азию, и после освобождения в 1943 г. он вернулся в Ростов уже комиссованный. Дальше он не воевал, он был здесь, на Ворошиловском [*проспекте*] какая-то была база разрушенная. Я помню разрушенный дом, он в подвале сидел. Начальником, по-моему, был какой-то продовольственной базы. Была база по снабжению фронта, потому что фронт был совсем недалеко от Самбека [5] и, значит, приезжали машинами, там грузили, отвозили на фронт. Но что у них было – было очень много американских подарков, т.е. это подарки уже для военных были. Помню, что стояли такие трехлитровые банки с засахаренными фруктами. Один раз, когда была какая-то гулянка, он приходил к нам и кое-что приносил. И вот это я пробовал, мне запомнилось, что засахаренные плоды, может быть, какие, которые сейчас как-то там называются, тогда мы не знали. Потом там было написано eggs, черепашьи яйца, по-моему, порошок такой желтый. Его взбалтывали, потом на сковородку, получалось. Ну, знатоки говорили, что все это дрянь, не сравнить с нашим естественным продуктом, но, однако, это было хорошее дело.

А письма с фронта он писал домой?

Дело в том, что он был женат, мой дядька Андрей, до войны, но разошелся с женой. И она потом за другого замуж вышла, и поэтому мы были ему самые родные. Ну, как? Я не помню, как. Иногда, может, что-то и писал. А вот третий дядька мой, дядька Митя, он закончил мореходку уже, он 1914 года рождения. Третий брат закончил мореходное училище, вот это, Ростовское [6], и был он техник-механик, что-то такое, по судам. Короче говоря, он работал в проектно институте «Гипростройдормаш» до войны, а потом, когда началась война, его с каким-то заводом эвакуировали в Ташкент, бронь он имел, как работник военного завода. Но в 1943 г., по-моему, или даже в 1944 г. бронь сняли, и он потом служил в Черноморском флоте. Он был механиком на корабле, крейсере «Красная Абхазия» [7]. Вот, он нам присылал открытки, присылал пару фотографий, как он там в этой бескозырке, значит, но потом не знаю, куда-то эти фотографии исчезли. Я подозреваю, что родственники утащили. По пьянке там, на праздник начинали показывать фотографии, потом все шли к столу, а потом, через несколько дней смотрели, какой-то фотографии не стало, потому что не у всех же они были. Вот, он нам присылал, а у него, у дядьки Мити, было двое детей, но они тоже что-то там разошлись. Вот, там переписки не было.

А разошлись во время войны или до войны?

По-моему до войны, но я не берусь. Они жили далеко, нет, не берусь сказать. А вот еще Вы что-то спросили?

Про религию: верующие или не верующие?

А, да. Ну, значит, иконочки были у бабушки моей, Наташи.

В комнате?

Да, она над своей кроватью там вешала...

Эта та бабушка, которую Вы время от времени перемещали?

Да, собственно говоря, жила у нас. Но в первую оккупацию она с нами была, а во вторую оккупацию ее уже не было. Ее забрал младший, дядя Митя, в Ташкенте она жила, и вернулась тоже она из эвакуации после освобождения. Но помню, что она была в таком плохом состоянии, что ее на носилках принесли с вокзала. Они там так голодали в Ташкенте, что у нее была дистрофия. Она была, как вот говорили, из Бухенвальда скелет. Вот так ее принесли. И хотя мы тоже ели не досыта, но у нас она быстро поправилась.

Иконки у нее стояли?

Иконки у нее, даже помню икона была. Были какие-то два чудотворца, я не знаю, что там было, по-старославянски было написано. А еще у нее была иконка металлическая, такая медная Богородица с младенцем на руках, там рельефно так, барельефно выдавлено. Вот эту иконку я сохранил, и она висит у нас в квартире над кроватью. Она потемнела, я чистил, чистил, но все равно видно. Дело в том, что это уже XIX в. иконка, как я понял...

Вы сохранили ее как произведение искусства или как память о бабушке?

Ну, тут все: и память о бабушке...

А сами не верили в Бога? Для Вас это было значимым?

Родители никогда там перед иконами [*не стояли*], в церковь не ходили, скажем так, и я крещен не был, но, когда свистели бомбы во время войны, то мама моя кидалась там: «Матушка Богородица, пронеси и помилуй!». И мы все, даже не понимая чего, тоже

кричали: «Богородица, помоги и прнеси! Боже, нас помилуй!». Вот, отношение людей к вере...

А повторяли просто за ней, или откуда-то знали слова молитвы?

[Смеется] Ну, психология человека, ну как. Кто нас учил ругаться в детстве? Никто, однако, я все, извините, ругательства знал. Вот даже я помню: услышал какое-то слово на улице, думаю, вот это ругательство! Мне было 6–7 лет, я уже знаю три. Для чего это? Я может, был просто любознательным. Я всем очень интересовался, я сам научился читать, т.е. сестра была старше меня на пять лет, вот, она уже училась в школе, а я еще сидел дома. И с голоса я на память, значит, запечатлевал в памяти длинное стихотворение. Например, было стихотворение что-то: «У нас на границе, граница на замке». И очень длинное было стихотворение про наших пограничников-героев, как они задерживают диверсантов. И был какой-то праздник, мать взяла меня на работу к себе, там как коллективное отмечание...

Фото 3. Слева – Станислав Адуховский, справа – Анатолий Агарков. Май 1949 г.

А мама, где работала? На заводе каком-то?

Нет. Она, в основном, была домохозяйкой. Иногда она поступала временно работать где-нибудь продавщицей, там вот такое. Я помню, что там рабочий класс, подвыпившие все. Она ставит меня на стул: сейчас мой сын мол, а я говорю, сам буду говорить: «На границе. Стихотворение в двух частях». Сейчас ничего не могу вспомнить, ни одного даже слова.

«На границе тучи ходят хмурые»?

Нет, длинное что-то говорю и помню, что когда я закончил первую часть, все: «Ура!». Стали мне хлопать, схватили меня, начали целовать, а я кричу: «Да подождите, это еще не все!». А все уже включили патефон, музыка, т.е. я уже всем надоел, но я по простоте не понимал, а мать говорит: «Да замолчи! Хватит тебе орать, все ты уже рассказал». А я: «Да я же не все рассказал!» Дома я мог расстелить карту мира на полу и два часа лазить по этой карте, это когда я уже научился читать. А раньше, помню «История Древнего мира»...

Учебник?

Учебник сестры. Я брал, открывал, там какие-то древнеегипетские иероглифы, какие-то рисунки. Меня это завораживало буквально! А вот эти буквы, какие-то значечки, для меня тоже имели магический смысл. Ну, когда не знаешь. Вот, что такое «я», например? Вот, я смотрю, не знаю что это «я», а я начинаю ее писать там куда-то. В конце концов, с помощью кого-то, конечно, я выучил буквы. Знал: «а» – это а, «б» – это бэ. Ну, как мы учим буквы: бэ, вэ, гэ, мэ. Эм мы как-то не говорили, а говорили: мэ. Вот, я, оставаясь один часто, доставал и смотрел книгу и думал: ну как же это читать? Я, бэ, у, дэ, у. И потом, в какой-то момент для меня вдруг что-то сверкнуло: нужно говорить, как бы я сейчас с точки зрения грамотности сказал: нужно, когда читаешь, произносить не название буквы, а звуки. Не бэ, а б. Я начал: я б у д у. О! Потом я вдруг понял, что если я так быстро буду говорить, то уже

будет слово. Вот так я сам научился читать. Это было мне лет пять, наверное, вот так вот. Я этим очень гордился, но это никому не было нужно. Я расстилал карту мира, меня завораживало: залив там какой-то Королевы Мод. Ну, что это? Спрашивал, никто не мог сказать. Или там: Магелланов пролив. Почему?

Поскольку я научился читать, начал рано книги читать. Причем не всегда там, что положено по возрасту. У нас отец как-то был на каком-то собрании, в общем, обычно книги у нас не покупали, были так, одиночные книги, а это приносит сразу две книги: «Ляо Чжай», перевод с китайского, «Рассказы о чудесах» – я помню подзаголовок [8], и вторая – «Метаморфозы» Овидия [9]. Там значит, этот гекзаметр мне читать было невыносимо, но там были, извините, иллюстрации: Ио, нимфа в неглиже бежит, за ней там сатир гонится. «Это детям еще нельзя смотреть», – у меня забирали [смеется]. А рассказы «Ляо Чжая» о чудесах они промухали. И тогда я стал там, а это была большая красивая книга, такая, в красном переплете, знаете, ледериновая [10]. Когда она была новая, она была замечательная, потом я ее истрепал. Там были и такие бытовые рассказы с эротическим содержанием, скажем так [смеется]. Я даже сам это не дотумкал, а читал, мне даже самому не очень нравилось, потому что не интересно. Ну, мальчишкам – что там, чтобы про войну было, про рыцарей каких-нибудь, про пиратов, ну, по крайней мере, про моряков, про путешествия. А тут, значит, не поймешь о чем. Некий И – удачливый вор, я помню, например. Вот, значит, как он там воровал и был очень удачливый. Причем, это все на двух страницах, короткие новеллы, но в переводе с китайского. Видимо, это была редкость. Короче говоря, был у меня такой приятель Юрка Волков. Он был на два года старше меня и многому меня научил такому, полезному. У него отец был железнодорожный какой-то работник или служащий, они жили напротив, там жакт [11]. Я не знаю, как там перевести, но говорили: жакт. Это общий двор и очень много квартирок таких вот, как у нас флигелек был, так там жили люди. А были и более такие, качественные дома, кирпичные дома. Там Волковы и жили. Меня он, помню, в шахматы научил играть, приглашал всегда, мне у них нравилось: всегда так чисто там было, и в шкафу книги стояли, т.е. интеллигентные люди были.

Вы обратили внимание на чистоту, а в Вашем доме была чистота?

Ну, я скажу, да, мать у меня была чистолюбивая и все, но у нас была другая чистота, такая, бедная, понимаете? Ну, если пол там давно красился, Вы понимаете, [он] облезлый. Ну, подмести там [можно], у нас не валялся мусор. Но не так, как у них, заходишь, там – ковер, дорожки. Причем, у них, по-моему, три женщины было неработающих, родственницы. Он мне книжки давал почитать, а потом: «Ты мне дай что-нибудь почитать». И я ему дал вот эту, «Ляо Чжая» почитать. И вот, потом сестра, она была старше меня, говорит: «Я иду через жакт, смотрю, Юрка Волков читает, вокруг него еще какие-то пацаны и все хохочут. Я подошла и слушаю: там эротика сплошная». Для детей восьмилетних это, тогда, знаете, запрещалось, считалось хулиганством. И, значит, она выхватила эту книгу: «Откуда вы взяли? – Это Толя дал почитать». Сестра прибежала и мне дала немножко за это. А я и не знал. Когда она ее спрятала, я ее нашел, сам потом искал эти рассказы. Там было несколько рассказов, ну я, может, и скажу кое-что. Сейчас это кажется настолько наивным и примитивным...

Особенно на фоне того, что сейчас показывается...

Да, но тогда было другое время, 1938–1939 годы, что Вы! Вот, жил-был какой-то мальчик. Он был аккуратно, хорошо сложен, но на самом тайном месте у него было с тутовый червячок [смеется]. Вот так, догадывайся, что. И как он очень страдал из-за этого, и как у него было свидание с девушкой, а она потом увидела, что у него там с тутовый червячок и стала плакать, а потом явилась какая-то волшебница, навела ему какие-то лучи на это место, и у него стало все нормально. И девушка была счастлива, и он был счастлив. Вот такого содержания рассказы. И вот за такой рассказ я получил по мордасам, даже не зная, что я совершил такой проступок.

А почему Вы не эвакуировались?

А как-то нас никто и не эвакуировал.

А как Вы узнали, что началась война?

Вы слишком многого хотите от меня. Вы же поймите, что, во-первых, мне же тогда было 8–9 лет. Во-вторых, я был далек от вот этих вопросов, что Вы сейчас задаете. У нас, у

мальчишек, была своя жизнь немножко, скажем так. Полная свобода, недосмотр, шлялись, где хотели, с утра до вечера. Ну, иногда за это получали там трепку, ну, такая была жизнь. Некогда было там нами заниматься. Это раз. Во-вторых, что я только могу сказать? Вот, моя мать была мобилизована. Вот, как раз пойдут более серьезные вещи, как тогда говорили, на рытье окопов. За городом рыли противотанковые рвы, окопы, и она там надорвалась...

Это было в 1941 или в 1942 гг., не помните?

Нет, по-моему, это было в 1942 г.

Жарко уже было или зима была?

Нет, это было летом...

Летом 1942 г.?

Моя мать стала жаловаться на нестерпимые боли в боку. Ну, во-первых, как тогда на это смотрели? А может, она симулирует, не хочет идти на рытье окопов? Может быть, это мои домыслы или разговоры такие были? Приходили врачи, ставили диагноз. То говорили «колит», я не знаю до сих пор, что это такое. То еще что-то говорили «аппендицит». В конце концов, ее положили в больницу, и лежала она здесь на [проспекте] Соколова, там, внизу. Сейчас там онкодиспансер, Соколова, 9...

А раньше что там что?

А была тогда больница водников, по-моему, если я не ошибаюсь. И вот там, она говорит, был один врач очень хороший, такой маленький старичок, еврейчик, как она говорила. Она называла имя, отчество, но я не помню. Один, говорит, хороший врач попался. Он ее послушал, обследовал и говорит: «Милочка, да у Вас же почка опустилась от поднятия тяжестей». Вот этим она страдала. Как-то там они ее подвязали, постельный режим, она там несколько дней лежала. И были просто бомбежки. Но начались сильные бомбежки Ростова [12]. Громадная тонная бомба попала в Дом Советов. Причем он же так, как бы из многих зданий, и вот в тот участок, который выходил на [улицу] Станиславского. Я помню после войны, дом-то громадный был, его одной бомбой не разрушишь, а посередине там была вот такая громадная развалина. Объявили: значит, граждане-больные, все расходитесь по домам, больница закрывается. И вот она в таком охающем состоянии пришла домой, это уже перед самой оккупацией. Вот это я помню. А никто нас не эвакуировал. Все соседи, что вокруг нас жили, никто не эвакуировался. Только семья Юрки Волкова – да. Его отец, его на фронт не брали, он по брони был, из железнодорожников. Он такой ходил, видно, что человек интеллигентный. Вот, они эвакуировались, их семья, а больше никто не эвакуировался. И еще там у нас еврейская семья была – Гордоны, вот они эвакуировались. Но он был каким-то начальником, по-моему, и, значит, их организованно [вывезли]. Ну, как происходила эвакуация? Куда-то там организованно должны были собратся, подавали вагоны или состав или пароход там какой-то. Нам – никуда, я это не могу сказать.

А как оккупация началась?

Вот, с первой оккупации что помнится. Самое начало войны, я помню, было так. Хорошее летнее время, хорошая погода, вот, как сейчас, скажем. Солнце, очень тепло. Мне было восемь лет, а я учился в школе с семи лет, уже закончил первый класс. У таких мальчишек, как у меня, вся одежда была – одни трусы и все, босиком, даже маек никаких. Но не без того, что у кого-то было, но я предпочитал в одних трусах только бегать. И вот это до полудня, а было воскресенье, я пробегал. Приходит дядя Леня, это муж тетки Зины моей, мы все три семьи жили в одном дворе, от бабки Баржевой что досталось, а бабка и дед – они поумирали в 1930-х гг., что-то я даже не помню. Я потом высчитывал, сколько им лет было: лет 50, не больше. Причем что-то один умер и через несколько лет другой умер. Я их не помню, не знаю. И вот, значит, в полдень, в 12 часов или чуть позже приходит дядя Леня, не знаю, где он там был, собирает тяпки, лопаты: «Я на огород». Я говорю: «Дядя Леня, а мы пойдем с Вами!» «Какое, куда мы пойдем? Ты слышал, война началась!» Я говорю: «Не слышал». А у нас, по-моему, был приемник. Или не было? Нет, у нас ничего не было. И так вот, люди, которые жили вокруг, ничего [не знали] и только к вечеру, помню, испортилась погода, стал накрапывать дождь, я сел у окна на улицу и обратил внимание: все стали кругом бегать, вот так вот, все торопливо бежали туда – сюда.

Нет, подождите, что-то было. Отец включил приемник, и была такая передача: не первый раз, там немецкие империалисты или как там развязывают войну с Россией, но

пусть они не забывают, что при такой-то императрице Елизавете Петровне русские уже брали Берлин [13]. Значит, и в этот раз победа будет за нами, как там сказал... или это позже? Видите, я тут уже могу накладки [делать]. Вот, Сталин же сказал: «Победа будет за нами!» Или это Молотов сказал? Я уже тут [путаю], но помню, что вот так началась война. И мое лично было очень легкомысленное отношение. Говорю: «Мама, война, а что вы в таком горе? Ну, была уже война с Финляндией. Ну, дядя Андрей там ехал-ехал, не доехал». Я думал, что и эта такая будет. Потому что я еще не представлял, что такое экономический, военный потенциал той же Финляндии, Германии. Все казалось это так примерно одинаково. «Да, ты понимаешь, – мать говорит, – что такое война? Хлеба не будет!». А я: «Ну, что, хлеба не будет! Будем печенье кушать, пирожные, булочки». Т.е., я понимал очень буквально: не будет хлеба – т.е. не будет вот этого хлеба, 90 копеек которого стоила буханка, а все остальное будет, якобы. Вот так вот начиналась война. Потом дядю Леню быстро в августе мобилизовали, дядька Андрей ушел. Ну, это уже другое.

Фото 4. Работа над интервью: Т.П. Хлынина, А.К. Агарков, Е.Ф. Кринко. Июль 2014 г.

Занятия в школах продолжались? Вы учились осенью?

Да, у нас занятия были прерывисто. Первый класс я закончил нормально. А в 1941 году уже 1 сентября мы пошли в школу нормально, но где-то в ноябре начались налеты. В основном тогда, в 1941 г., немцы налеты делали на вокзал, больше на Батайск. Батайск считался такой [крупный] железнодорожный узел, там много составов было. Причем и наши бомбили во время немецкой оккупации больше Батайск. Я помню, первое время объявляли тревогу: «Воздушная тревога! Сирена!». А уже было холодно, мы одевались. У нас за старым домом, где жили тетки, сад был. И вот как-то, шла уже война, я иду в свой сад и слышу какие-то чужие голоса. Думаю: кто там? Смотрю, там масса народу, заборы все снесены, и роют траншею. Прямо вот так вот, через наш сад, через соседский сад, и там, и там, а заборы все сняли, деревянные, и этими заборами, досками перекрывают щели, и сверху насыпают землю. Это уже было прям решение райисполкома, горисполкома. Нас не спрашивали. Мы же не были владельцами, мы были арендаторами у государства этой земли, на которой жили. Но аренда писалась бессрочной. Но – аренда, понимаете? [смеется] Т.е., официально мы не могли продавать землю. Мы могли свой дом продать, но не землю, на которой [он находился], хотя все понимали, что и земля тоже продается. Но официально, юридически это нигде не оформлялось, т.е. государство, если надо было, могло снести и построить там какой-то большой дом или там сооружение какое-то. Ну, Вам взамен предоставлялась жилплощадь, как-то, конечно, шли навстречу, договаривались. И мы,

значит, как тревога – бегали в эту щель. Одевали, тогда стеганки были, такие телогрейки прошитые, и мы, значит, там. Они и в мороз нам были хороши, и в любую погоду. А потом нам надоело туда бегать, и я помню, что последний раз мы уже с отцом ночевали почему-то на пороге, завернувшись в эти телогрейки. Он говорит: «Слушай, а ведь они идут не Ростов бомбить». А вот так можно было видеть разрывы, прожектора, поэтому хоть и ночь, но как-то мы видели этот налет. И мы, помню, с отцом залезли на крышу нашего дома, чтобы хорошо [видеть]. С крыши хорошо виден Батайск, и вот мы видели, как немцы бомбят Батайск. А потом, значит... трудно мне, я не хочу просто выдумывать. Я помню, что перед самой оккупацией, были же по карточкам хлеб, там все продукты, и кто-то сказал: «Идите на 20-ю линию, там без карточек дают хлеб». Мы побежали туда, но, видно, мы прибежали...

Кто побежал – Вы, мама, папа?

Я с матерью был. По-моему, еще не берусь [сказать], тетка. Или они потом ходили – сестра, тетка? Вот, я почему это хочу [сказать] – я написал в своих стихах этот случай, поэтому пересказываю. Вот, мы уже зашли в магазин, еще наши бойцы ходили, и красноармейцы с винтовками прошли строем куда-то в сторону Дона, на лошадях там, брички проехали. Мы зашли уже. Потом стало подозрительно тихо, пусто везде, а очередь эта в магазин стоит, жметя, но кое-то уже там стал разбегаться. И вдруг кто-то говорит: «Да Вы посмотрите в окно, это же немцы едут!». Глянули – вот так, с 20-й линии на площадь Карла Маркса, вот так поворачивают по [улице] Советской вправо туда, в сторону центра города. Ну, Вы представляете? Вот там до сих пор есть какая-то хлебная фабрика, и вот к ней был магазин. Это здание там до сих пор существует, там долгое время был обувной магазин, если Вы знаете, а сейчас не знаю вообще чего. И мы все побежали, но, конечно, там не всем было видно. Я смотрю, там что-то мелькает, едут немецкие машины, танки, мотоциклы, и ни стрельбы никакой, ничего нет. Вот это я помню. Вот это было [14].

Я читала, там были два красноармейца, которые зашли в магазин [речь идет о стихотворении респондента].

Да, да, вот это вот там. Значит, они там зашли, сидели, кушали хлеб там этот. И вдруг, когда увидели – что делать? Самые рядовые, обыкновенные такие, молодые парни. Ну, я сейчас плохо помню. Мне и не давали [увидеть], там окружили, гвалт был. Короче говоря, один старик там стал: «Сынок, пойдем ко мне, я тебя переодену, переждешь». Он: «Я дезертиром не могу быть, совесть не позволяет. – Да, какое, наши вернутся или ночью проберешься на ту сторону...». А он – нет, значит. И он выскочил, слышим потом – стрельба. Потом, когда проехала эта колонна немцев, вышли. Мы вышли, смотрим – никого. А туда дальше идем, вот там, где был поворот парка [имени] Фрунзе, это уже в последний момент его застрелили. Да, трупов много валялось везде, как-то уже и не обращали внимание. Знаете, человек ко всему привыкает. Просто ужас какой-то.

Не хоронили?

Нет, в те моменты, когда... Ну, во-первых, это, как говорится, люди посторонние ж бежали мимо. А потом вообще считалось подходить к убитому – это плохой тон, понимаете? Потому что: «Ты чего его там обшариваешь?», – [говорили люди], которые шли. Всякие же были случаи. Мне, например, мать говорила: «Не подходи никогда к убитому, знаешь, не надо. Если он убитый, чем ты ему поможешь?». А потом, значит, пришли мы домой, и в тот же день, я уже [не помню], какие-то отрывочные [воспоминания], загорелась нефтебаза внизу. У нас 15-я линия, недалеко Дон, там крутой спуск. Черный дым и сильный такой восточный ветер. Черный дым идет туда, на запад, и вдруг какой-то взрыв, доски полетели. Отец говорит: «Да это бочки взрываются с бензином на нефтебазе». А потом вдруг открывается наша калитка, и мужчина совсем чужой ведет женщину, а она ранена, и у нее из головы кровь сильно течет. «Что такое?», – мать выскочила. «Помогите, – говорит, – снаряд разорвался недалеко, и ее осколком ранило в голову. А я не знаю, спрашиваю ее, откуда Вы, чего. Она шла, я тоже был там. Ее ранило и не знаю, что делать». Ее завели в дом, мать начала рвать простыни, завязывать ей голову, а нам кричит с сестрой: «Бежите в подвал, прячьтесь! Это обстрел уже, наши стреляют по Ростову, из орудий». Оттуда, из Батайска, с той стороны, как тогда говорили.

Помню, что накинули эти телогрейки и побежали, вот я тоже это написал. А почему? Я потом, после войны вот так рассказывал приятелям, а они: «Ты должен это обязательно написать». А я думаю: да кому это нужно? А потом, уже от нечего делать, став стариком,

пенсионером, я вдруг обнаружил дар, что я могу рифмы подбирать [*смеется*]. Я никогда стихи не сочинял, чтобы там с натугой какой-то, знаете, как профессионал – вот, сидит целый день – нет. Если у меня все получалось, я вскакивал, что-то записывал, иногда быстро, а если не шло быстро – это заканчивалось, и я менял тему. Мы побежали, был взрыв, я все это описал в стихах. Вот так началась для нас оккупация. А потом решили, спрятались там, рядом к нашему дому по 13-й линии примыкал молкомбинат. Это был склад молкомбината, было какое-то полуподвальное помещение, там всякая молочная продукция хранилась. И там тоже – как убежище, там было написано: «Бомбоубежище». Официально, не то, что нельзя было никому, там уже не было никакой продукции, всегда были двери открыты. Мы там прятались, потому что все-таки, что такое щель? Эта земля, да еще зимой. Там очень не комфортно было, скажем так. [*Хотя*] мы не болели ничем во время войны, вот, что очень характерно. Я совсем раздетый выскакивал и что угодно, и никогда не было никакой простуды, никаких ни у кого не было ни запоров, ни аппендицитов, ничего. Потому что, если бы это случилось, лечить было некому, не было не только там поликлиник, больниц, но не было и аптек. Не знаю, кто болел там, лечились там какими-то народными средствами, какие-то отвары, взвары, потом эти [*смеется*] банки ставили.

А потом мы решили пойти, у бабки там хорошая подруга жила, где сейчас радиаторный завод на улице Каяни. Вот, за этим радиаторным заводом какой-то поселочек, между антенным полем и армянским кладбищем. В этом поселке жила ее подруга, бабка говорила: «Да у нее там большая площадь, она всегда говорила, приходите, если что». Вдруг начался очередной обстрел, и мы побежали. Началась какая-то паника в семье, мать выскочила на улицу, свистит снаряд, она вот так прислонилась к стене и стоит, раскрыв рот. А отец: «Нина, побежали!». А она и не слышит ничего. Он ее схватил за руку, потянул, т.е. уже какой-то, ну, как бы это выразиться, психоз, что ли. Бежали уже, как говорят, вылупив глаза. Вот так вот и у нас было. И мы побежали. Я помню, что мы подбегаем к [*улице*] Советской, и едут мотоциклы, немцы едут по Советской. Все в черных кожаных каких-то одеждах, такие мотоциклы громадные. Мы это немножко переждали, когда они пройдут, и перебежали, а я стал оглядываться и смотрю, как они по площади Карла Маркса поворачивают вверх туда, на 20-ю [*линию*]. Еще на 20-й нос к носу столкнулись с группой немцев.

Прибежали мы к этой знакомой, жили у них несколько дней. Бежали мы в панике, я не помню, мальчишка был. Ну, наверное, что-то съестное брали с собой. К чужим людям в то время, представляете себе? Да, еще был случай. На 16-й линии, когда мы бежали, мы потом обнаружили, что бабки нет. Бежали, а она, как пожилой человек, отставала, позади всех и нет. А случилось так: вот, большой армянский дом на 16-й линии, почему-то мы называли его армянским. Ну, там много армян жило и не только армян. И вот там мужчины, как раз обстрел был, они выглядывали из какого-то выхода из подвала, тоже бомбоубежища. И увидели: мы уже пробежали, а сзади бабка эта семенит, они подскочили, схватили бабку: «Куда ты, старая? Давай, значит, в убежище!» И затащили ее в этот подвал. И она там сидела потом. Мы побежали сами, а бабка сама пришла невредимая, все. Но мы тоже переживали, думаем: «Может, ее убило по дороге?»

А потом, когда мы жили у той, я уже и фамилию, и имя не помню этой тетки, работал водопровод, но работал очень плохо. Так, знаете, струйкой вода шла. И вот у них там, где-то в глубине улицы они жили, а на углу по Каяни была колонка водопроводная. Я когда бывал иногда в «Горгазе», всегда обращал внимание: вот, там, на углу, колонка, где мы жили, а какой дом, я не мог вспомнить. И она, значит, пошла к этой колонке за водой. А около колонки стоит немец с винтовкой, часовой и стал кричать ей: мол, матка, они женщин «матка» называли – это по-польски «мать». Вот, почему-то они по-русски старались польскими словами, думали, нам тоже не очень было понятно. «Матка, вэк, вэк», т.е. «убирайся». А она: «Да чего ты, слушай, мне вот ведра набрать надо». Еще так приличное было расстояние, винтовку поднимает и ба-бах в нее. А у нее была длинная, широкая юбка, теплая такая, и она, видно, вот так развевалась. Короче говоря, пуля пробила ей юбку. Она бросила ведра эти, и бежать домой. Прибегает домой: «Ой, ой, – показывает, – неужели попал? Вот мерзавец, а!» То ли он хотел напугать, то ли он не попал просто. В общем, уже никуда не вылазили. Потом еще прошло несколько дней, и я вылез на улицу. Смотрю, вот там видна ограда армянского кладбища, и прямо около ограды похороны проходят. Причем

я смотрю, там мелькают головы, я понял, что это немцы, и священник махал, по-моему, что-то там читал. Ну, доносилось, далековато было. Т.е. немцы там хоронили своих убитых. Вот это все, что я видел.

Потом произошел случай: живем, живем, а питание – какое там? Утром: «Садитесь, чай пить! Толя! – Да я не хочу!». А сам же голодный! Ну, неудобно как-то, мы же знаем. Ну, там тебя насильно посадят, ты там немножко поел, т.е. жили впроголодь. И мать говорит: «Мам, ты бы сходила, там у нас есть запасы: и картошка, и пшено, принеси, что мы на их шее сидим?» Тут она пошла, а уже наши были в городе, и она попала в переplet, вернулась, и мы после этого сразу пошли домой. Я помню, мы подходим к нашему дому, и я издалека уже вижу: лежат человек пять убитых перед нашим домом, гражданские, и у одного, я уже рассказывал, поднята вверх рука. Так по этой руке я и увидел, что они как были, так и лежали.

А как эти трупы появились около нашего дома? Наш дом третий от угла был, и, видимо, на углу 15-й линии в первую оккупацию ночью стоял немецкий часовой. Я не знаю, что он там стоял, потому что там столько линий. Я видел, что только я видел, и все. Они не ходили, по крайней мере, по нашим дворам, никто не ходил. Как-то утром смотрим на улицу: на той стороне лежит один человек, вот так на боку, поднятый воротник, полупальто какое-то или полушубок. Знаете, как будто спит, вот так на боку, лег и укрылся воротником. Поднятый, твердый такой воротник, знаете, как раньше были такие добротные пошивки наши. Вот так и лежит. Валенки на нем, на бок, в такой позе и лежит. Мы поняли, что это труп, потому что он лежит и лежит, не шелохнется, ничего. А потом все время какая-то стрельба идет, близко ли далеко, на все не будешь реагировать. А потом, через день – два прямо на дороге, прямо напротив нашего дома человека три или четыре, молодые парня лежат, буквально друг на друге лежат, и видно, что они на бегу, они убегали...

Гражданские?

Гражданские. Убегали со стороны [улицы] Инженерной, и их скосила очередь пулеметная или автоматная. Они вот так вот: один лежит, другой сзади него, а третий через них обоих и рука вот так задрана, три или четыре человека. По-моему, четыре. Они все лежали и лежали, мы уже возвращаемся домой, уже наши зашли, и вот мы вернулись домой, посмотрели на этих – лежат. Я запомнил, что никто их не обшаривал особенно почему-то. Потом, как я помню, в первую очередь, с трупов снимали обувь, особенно если она была не старая, понимаете? Можно носить. А это – никто ничего, как-то еще совесть была у людей, что ли. У тех, у обыкновенных людей, которые вокруг жили. Но все же страшно нуждались. Потому что и до войны жили [плохо], у меня не было там двух пар обуви, была какая-то одна. Зашли мы в наш дом, я помню, что у нас был аквариум с рыбками – сплошной лед, и красные рыбки внутри замерзли. Я очень горевал по поводу этих рыбок. А потом, значит, я не ходил, но говорили, что немцы много расстреляли на 40-й линии, потом много расстреляли на [улице] Верхненольной. Вот эти кадры...

Но Вы не ходили?

Нет, я не ходил. Эти кадры обошли потом весь мир, и даже на Нюрнбергском процессе этих главных военных преступников показывали эти кадры ростовские. Почему? Просто сразу 29 ноября оказался кинооператор. Ведь тоже кинооператоры не ходили за каждым во время войны. Может, на армию полагалось один – два кинооператора. Помню, дня через два подъехала грузовая машина к этим убитым около нашего дома, все это я видел. Трое или четверо молодых парней с шутками, прибаутками стали брать эти трупы. Вот так, значит, кинет в кузов. Он ба-бах! Меня прямо ужас от этого звука брал. Смотришь: это вроде человек, вроде как на нем все должно быть мягкое, человеческое тело, там кожа, мясо. Кидают, а он ба-бах, знаете, такой звук. Вот так они всех покидали, потом сели в эту же машину, вот так, впереди, около кабины сидения. Один достает кусок хлеба из кармана, разломил, стал всем раздавать, сидят, жуют. Потом похлопали по кабине и поехали вниз по 15-й линии, видимо, еще где. Вот так они по улицам собирали трупы. А потом, я уж не знаю как, пошли похороны смотреть в парке [имени] Фрунзе [15]. Я помню, что штабелями стояли гробы, штабелями, деревянные, правда, ничем не обшитые. Обычно же красной материей обшитые, а это просто из досок грубо сколоченные гробы, и вот так они, много их стояло. Вот это первую выкопали братскую могилу на том месте, где сейчас это захоронение. Был какой-то митинг, я помню: «Смерть немецким оккупантам! Отомстим!», – произносилось.

И вот эти гробы постепенно туда [*опускали*]. И разговоры, слушали же: «Сюда привезли этих, которых расстреляли на Верхненольной». Тоже, вместе с бойцами – там все. Вот так вот, это была первая оккупация.

Вы потом про черные бушлаты описываете. Видели моряков?

Да, это между двумя оккупациями. Вот, занятия уже в школе были, школа еще целая была, на 13-й линии, если не ошибаюсь, школа № 10. Почему? Потому что потом я учился на 10-й линии, школа № 26. Я потом уже стал путать. Это была самая ближайшая школа к нашему дому, и там меня отвели в 1940 г. А почему? У меня как-то все друзья были старше меня. Там Гарик Зеленин, Борис Жаботинский, ну, Юрка Волков, тот вообще на два года, он в другой школе учился. Он уже как-то был вроде друг-товарищ, но немножко постарше, поэтому вроде уже расстояние было какое-то [*смеется*]. А те уже – вот Гарик, Борька – мы чуть что – дрались, в глаз там [*могли дать*], и ругались, так как все были свои. Потом мирились на следующий день. Они все были 1932 года и вот в 1940 г. пошли в школу. 1 сентября вечером, ну, не вечером – днем приходят, и Гарик с таким [*выражением говорит*]: «Да, у нас такой класс, у нас учительница, у нас доска, мы там то-это, мы писали. Некогда мне с тобой, пойду домашнее задание делать». Все это с таким пафосом. Я завидовал страшно. Я пришел домой и стал плакать: «Мама, отведи меня в школу». А она: «Да ты чего? Сиди там». Ну, в общем, я ныл, выл там, а потом я же до [*школы*], сестра учила там немецкий язык, а почему немецкий? Это, значит, позже было, в пятом классе. Она учила что-нибудь, а я запоминал, она не могла вспомнить, а я потом подсказывал. И потом я сам же научился читать, и уже с этим багажом я пошел в школу.

А как пошел? Помню, 2 сентября мать меня утром [*повела*], а сестра уже в пятый класс стала ходить. А первый класс у нас вела учительница первая моей сестры и меня Флоренция Каспаровна Аюян – армянка, замечательный человек. Она отучила [*сестру*], уже знала нашу семью, и вот к ней 2 сентября ведет меня в школу мать. Белая рубашка на мне, какие-то штаны. Я говорю: «Мама, ну, как? Надо же завтрак!». Да, в газету завернули два яйца, там хлеб, помидоры. Я иду вот так вот. Она ведет меня за руку, подходим к школе, а другой рукой я этот завтрак прижимаю к груди. А перед входом в школу тротуара не было, а так, [*участок*], поросший травой, дикой травой, лебедой какой-то, как тогда называли – длинная, вьющаяся трава. А еще перед школой вдоль стены сидят такие гаврики, как я, пацаны, такие все хулиганистые были, и хохотали там, смеялись над всем, над чем угодно. Короче, смотрят на меня, и я, надо же, цепляюсь ногой за эту лебеду, падаю на грудь и раздавливаю этот завтрак. Сразу на белой рубашке появились эти пятна, мать давай скорее ругать [*смеется*]: «Как я теперь тебя покажу Флоренции Каспаровне?». Вытерла кое-как носовым платком. А тут же хохот [*раздался*]: «Гля, ты, Кабася!» – на меня. Я, наверное, был полный до войны, «Кабася» прозвали. Потом я был веснушчатый, меня сразу «Рыжий» прозвали, и еще у меня была кличка «Халва» почему-то. Не знаю почему, может быть, я где-то сказал, что люблю халву. Короче, привели меня к Флоренции Каспаровне: «Флоренция Каспаровна, и воет, и воет дома, ну, спаса нет. Пусть он походит к Вам в класс. День – два, ему надоест и все, ну, я Вас прошу». Она: «Ну ладно, хорошо». А я на полном серьезе. «Так, где свободное место? У нас новый ученик, посадим». Сзади все занято, самое хулиганье сзади сидит. Впереди свободные места. Всегда в школе первые парты свободны. «Ну, вот, садись с этой девочкой рядом. – Я не хочу с девочкой. – Нет, садись сюда». Ладно, я сел.

Вот, начался первый урок, она изобразила на доске в косую строчку: «Будете писать единицу, смотрите». И написала с интервалом: носик, потом палочка и с интервалом потом в одну клеточку. А эта девчонка рядом сидит, ее фамилия была Жарова, я помню, она стала писать и вот так закрывается. Я говорю: «Жарова, а чего ты закрываешь свою тетрадку? – Чтобы ты не подсматривал. – Да, ладно, Господи!». И я уже, наверное, имея опыт, что-то я делал дома, я правильно написал с этими интервалами. Она же изобразила это, как забор, без всякого интервала. Не ухватила, что надо интервал, а от меня прячет, чтобы я не списал. Вот учительница стала проверять: «Агарков, у тебя правильно, а у тебя, Жарова, неправильно». И вот это она расплакалась, что у ней неправильно. А она, [*учительница*], объяснила ей, что ничего страшного, надо делать интервалы, зазоры, а ты не сделала. Потом эта девчонка мне показывала фокусы: «У тебя есть копейка?». Я говорю: «Есть», и достаю копейку. Она: «Дай сюда, фокус». Раз, в рот: «Проглотила. – Да ты что!». Открывает рот, я

заглядываю, и вдруг замечаю, что копейка приклеилась к небу [смеется]. И вот так мы развлекались. Вот что я помню. А потом еще...

Яйца с собою брали домашние? Куры у Вас были свои или покупали?

Нет, не было, это, наверное, покупали. Ну, Вы уж такие тонкости [спрашиваете], я не знаю, почему. Вы, наверное, хотите что-то обобщить о народном хозяйстве. Наверяд ли я что-нибудь...

Нет, нас интересует повседневная жизнь во время войны, как Вы жили.

А, повседневная жизнь. А потом, значит, что было, я уже не помню почему-то. Но Минька Ивчатов, сейчас ему тоже недавно 80 лет исполнилось, одноклассник мой, он заведующий отделением в больнице № 6 в Нахичевани, он мединститут заканчивал, рассказывает такое: ты, говорит, собрал свои книги в портфель среди урока и пошел к двери, а Флоренция Каспаровна говорит: «Агарков, ты куда?». А я якобы говорю: «Да, я это все знаю, мне неинтересно». А она: «Нет, уж раз пришел в школу, будь добр, садись и сиди, учись». Но я лично этого не помню. Когда он мне это рассказывает, причем, когда мы с ним встречаемся, он несколько раз одно и тоже мне рассказывает, я говорю: «Миша, да ты мне сто раз уже это рассказывал, и я не помню, что это было. Наверное, ты это выдумал! – Нет, это было». Ну, а потом я даже был отличником за первый класс, и вот так я закончил первый класс.

А про черные бушлаты – Вы их сами видели или это потом рассказали?

Нет, конечно, художественное произведение, Вы же сами понимаете, оно позволяет и даже требует какого-то не вымысла, скажем так, а более широкого развития. Я, например, не могу сказать, что я знал, что этот моряк идет и грустит, да? А я написал, что он грустит. Но это же не называется, что это такая-то выдумка, ложь там...

Нет, конечно, но самих моряков Вы видели?

Да, да! Зимой с 1941 на 1942 годы между двумя оккупациями очень много в Ростове стало именно моряков военных [16]. Почему военных? Они ходили строем, с оружием, пели песни. Вот эта школа № 13 на площади Свободы – вот там они занимали ее, капитально, и нашу школу занимали, но как-то ненадолго. Очень много, фактически, все школы были заняты, вот почему мне врезались в память именно вот эти военные моряки, матросы. Они вот в этих [бушлатах]. Зима, может быть, была не такая суровая, но снег был, все, как положено. Помню, что они шли строем от этой школы, пели: «Ты не плачь, не горюй, моя дорогая, если в море утону, знать судьба такая». Вот это мне запомнилось, и я отразил [в стихах]. А потом, значит, они на фронт ушли или поехали, под Самбек. В народе ходили, как говорится, слухи, потому что газет мы не получали, радио тоже не было. Газеты вывешивали где-нибудь в людных местах – вот там, около базара на 20-й линии. Было еще «Окно ТАСС». Витрина была большая на повороте с 1-й Советской [улицы] к площади Карла Маркса. Значит, вывешивали карикатуры, крупно нарисованные и стихи всякие. Обычно карикатуры были [авторов] Кукрыниксы или К. Ротова, а стихи, как правило, были Маршака, но без подписи. Я помню такие, что, например, там еще начало войны, немцы все еще Одессу штурмовали, там же много румынских войск было. И вот там были соответствующая карикатура и стихи: «В лоб снаряды, пули в спину, дыбом волосы встают, так союзничку-румыну немцы духу поддают». А потом еще что-то: «Гитлер хвастал: буду в танке есть московские баранки». Что-то: «...ударил по танку, он согнулся, как баранка». Да, еще помню, очень мне понравилась, там была соответствующая карикатура уже исторического плана. Я уже тогда историю любил, исторические романы читал: «Гитлер ждал ответа от Наполеона: “Чем, скажи, с Россией я закончу бой?” Тот ему ответил из могилы сонно: друг мой, я подвинусь, ты ложись со мной». Вот это был где-то август-сентябрь 1941 г. Все-таки предвидение было у нашего руководства. А стихи были Маршака, как я потом узнал. И вот, я что-то перебил сам себя...

Вы про моряков говорили...

Да, и вот, значит, слухи ходили, ну, а слухи какие? Что штурмуют наши Миус-фронт, а немцы еще бросали листовки «Миус-фронт – колоссаль! Из русской армии наделаем котлет».

В городе бросали листовки?

Так люди говорили, скажем так. Я лично этих листовок в руках не держал. Ну, такие бравурные, чтобы страху нагнать, посеять панику, такая цель была. И вот стали с фронта привозить раненых моряков.

А Вы видели раненых или только говорили?

Да, я что скажу. Опять в этой школе № 13 прекратили занятия, в госпиталь переоборудовали. Моряков привозят на машине грузовой, начинают их сгружать. Они, как правило, все забинтованные, без рук, без ног там, на костылях. И вот там происходили такие драматические сцены, может быть, у кого там из раненых нервы не выдерживали: «Предательство, мы уже ворвались в Таганрог, а нас никто не поддержал. Немцы нас окружили, и мы еле вырвались». Вот откуда у меня появилась эта строчка, понимаете? Мы не знали насколько это [правда], может это преувеличивалось, может быть, они ворвались в какую-нибудь деревню. Но то, что их очень уважали, что они славились храбростью, лихостью в бою, понимаете? Да это еще со времен Гражданской войны, по моему, шло. Немцы боялись моряков, я знаю, что они даже преследовали семейства моряков во время оккупации. Если узнавали, что где-то есть семья моряков, то немецкие солдаты по собственному почину шли выяснять отношения, как говорится. Вот такие ходили слухи.

И вот, стали привозить раненых, очень много. Они там, лечение же проходило, на костылях потом ходили по улицам. И вот, что я там описал, были такие шулерские игры: наперстки, веревочка еще. Вот сидит, как обычно, инвалид, а почему инвалид? Их милиция старалась не трогать, так, если кто там [другой], милиция могла и забрать, а то сидит: «Подходи!». Веревочку разбрасывает – так, петельки, петельки. Угадаешь петлю, значит, деньги лежат там, сколько-то, значит, выиграл. Не попадешь в петлю – проиграл. Это шулерские номера были, и ловили, как говорится, таких, ну, легковерных, и потом обирали их. Или также эти наперстки: были три таких чашечки или стаканчика непрозрачных, и вот он шарик там кидал, быстро менял: угадай, под каким колпачком шарик, а потом оказывалось, что там вообще шарика нет. Вот такие мне запомнились всякие сцены.

А как вторая оккупация началась, помните?

Вторая оккупация уже, как сказать, более весома происходила. Бомбежка помню такая, что 11 июля была последняя тревога объявлена в Ростове, и уже отбоя не было. Бомбили центр города, нашему Нахичеваню доставалось мало первые дни. Но потом, в самые последние дни отступления, когда поток отступающих [военнослужащих] Красной армии хлынул через переправу на Зеленом острове, тут они уже стали бомбить и наши улицы, по ним отступали наши части, красные. И особенно на 29-й линии – ужас, что творилось. Там потом, когда фронт прошел, мы ходили – там было все сплошь забито сгоревшей техникой, все улицы перед 29-й. Иногда и обгоревшие трупы красноармейцев попадались – не так, напрямую, а где-то в ямах каких-то. Один, мы видели, труп в Дону плавал, около завода. И мы ночью слушали: всю ночь стучали топоры. Мы на 15-й [жили], все-таки от 29-й прилично. Ночью, если было тихо, было слышно: «Тук, тук, тук, тук». Ну, вот, отец говорил: переправу ремонтируют. Только что-то там сделали, еще темно, уже пошли наши повозки, там, машины, все пошло, пошло, пошло. Утро наступало – все гонят: быстрее, быстрее, пробки уже образуются. Бросают лошадей на улице, машины бросают. Шины снимают, и водители на этих шинах переплывают Дон. Как только 9 часов утра, появляются немецкие самолеты. Я говорю: «Это они кофе попили». У них война – не война, а завтрак должен быть вовремя. Это у нас так, по крайней мере, люди так говорили.

Откуда такие представления?

А из этих разговоров все [смеется]. Конечно, ну откуда я мог [знать]? Просто говорили, спрашивалось [объяснение]: почему немцы прилетают в 9 часов? Уже даже сами наши красноармейцы говорили: в 9 часов прилетят. Быстро эту переправу на 29-й [линии], в конце концов, разбивают. [Наши] тяжелую технику вообще бросали, а на чем попало перебирались на тот берег, отступали и отступали. Драматично, конечно, было очень. Был, значит, такой случай. В наш двор зашли два красноармейца: «Мамаша, что-нибудь покушать можно?». А мы – я, мать, бабка, нет, бабки не было, была тетка – напекли целую пачку пышки. Тогда так называли. Тогда на базаре продавали не муку, а мучка называлась – это вот обметали какие-то там сусеки. Т.е. это была мука уже с примесью песка что ли,

хрустела не всегда, но частенько. Короче, женщины взяли и отдали двум бойцам. А они, видно, что шофера что ли, стояла машина. Они сели в эту машину, грузовая такая, полуторка, пустая или что-то везли, не помню. И вот, они на 15-й линии, доехали до 19-й линии, и немецкий самолет спикировал, и прямо в эту машину бомбой попал. Мы потом ходили, смотрели. Видно, бомба какая-то небольшая была – развороченная машина, сгоревшая вся, а этих трупов не было. Или убрали их, или они убежали перед тем, как взрыв был.

Как вошли, значит. Среди дня летнего вдруг пошел слух такой: немцы или кто там едут по Инженерной [улице]. А у нас перед Инженерной построили баррикаду из кирпичей: стена, знаете, ну, с пулеметными гнездами, но никто эту баррикаду не защищал, когда наши отступали. Короче говоря, что я там увидел? Первое, это ехали на велосипедах, но не немцы, а словаки. У них была такая [форма] цвета хаки, говорили, что это у них английское сукно, цвета хаки были шорты короткие, жарко было. Все женщины говорили: «Вот, бесстыдники, в трусах!». Молодые парни, все молодежь. Кто-то там дверь приоткрыл какую-то и закрыл в каком-то доме на Инженерной. Один сразу соскочил, подбежал и стал стучать автоматом по этой двери. Открыли, он что-то стал орать, вот так рукой размахивает: то ли не смей смотреть, я не понял, какое-то неудовольствие было. И вот это первый день мы видели. Проехали, но мы уже никуда не ходили. Еще мы их не видели, уже немецкий «мессершмитт» прямо на бреющем полете над нашим двором [пролетел], развернулся далеко и опять заходит на наш двор. И вот он чуть за нашу дымовую трубу не цепляет. Проносится, у него была какая-то желтая окраска, черно-желтая, кресты черные с желтой такой окантовкой. Прямо чуть ли не в 10 метрах от тебя проносился, уже перед самым приходом [немцев], то ли он высматривал какие-то цели или просто лихачество свое показывал.

А потом, на следующее утро, рано утром стук в нашу калитку, в наш двор. Открываем – два словака заходят. Один был в комбинезоне, в синем таком, оружия у него никакого не было, у него в руках была граната немецкая, на длинной деревянной ручке, и он ее все время подбрасывал и ловил за ручку. А рядом с ним был солдат во всей, как положено, форме цвета хаки, винтовка у него была на ремне через плечо. Они прошли по нашему двору, а в этом доме, где жили тетки, там был у них погреб, и снаружи земля уже обвалилась, и там как бы яма была под домом. Один подбежал, сразу стал туда заглядывать, подзывает: «Партизан, партизан, есть?». «Нет, никаких партизан у нас нет, вот, все». Зашли на веранду к тетке, у нее какие-то старые ржавые ножницы валялись на столике, на веранде. Один из них схватил эти ножницы, пощелкал ими и бросил, значит. По-моему, в наш дом даже не заходили и ушли. А потом стали целой гурьбой, уже и калитка не закрывалась. А у нас во дворе перед домом росла жердела [17], старая такая, у нее метра три над землей была такая ветка. И вот, значит, заходит группа человек 5–6. Видно, шли мимо строем, как увидели жерделу – полезли на нее и давай шмонать, прямо тут же едят. Потом какая-то команда с улицы, они прыгивают с дерева, пошли дальше.

Вот, как я понял, у нас Нахичевань занимали словаки, и с ними разговаривали, это славяне, спрашивали: «А сколько тебе лет?». Он говорил: «23 лет». Вот так отвечал. Все были вот такого призывного возраста, молодежь. Это интересно Вам? Я обобщаю даже, но это мое личное мнение. К ним все прилипало, все что-то хотели унести. Заходили к нам в комнату, в наш дом и матери: «Матка, памятьуй». Она не поймет, что значит «памятуй». Потом поняли: дай на память. Вот, он смотрит, если там хорошие ножницы, или откроет, посуда ему понравится, какая-нибудь чашка, он заберет, понимаете. С какими-то извинениями иногда, что-то начинает говорить, объяснять и уходит [смеется].

А немцы тоже так поступали, как словаки?

Немцы как-то...

Не видели немцев?

Нет, ну потом шесть месяцев, конечно, мы видели, но это уже были не фронтовые части, как Вы понимаете, а всякие там тыловики, управление железной дорогой, железнодорожники немецкие.

Кто лучше и кто хуже себя вел: тыловые или фронтовики? Можно сделать такие выводы или нельзя?

Вы знаете, вот такие выводы вообще нельзя, наверное, делать, обобщать. Потому что люди разные, и они по-разному себя ведут. Один там, как те же немцы, они там могут пройти мимо, молча, а другой может к чему-то придраться, начать тебя дубасить, не поймешь, за что.

Были такие случаи?

Да. Со мною, например, был такой случай: мы с моим другом Стасиком часто ходили в парк Октябрьской революции, около театра [имени] Максима Горького. В этом парке было очень много немецких автомашин грузовых, не [с] фронта, фронт уже был далеко, Там, видно, хорошо было с маскировкой, с воздуха не видно, и там много стояло фургонов. А у них была такая современная техника. Знаете, машины очень мощные, громадные, и много там было всякого обслуживающего персонала. А мы, значит, чем с моим другом увлекались? Мы собирали коробочки из-под сигарет немецких. Они были такие пестрые, красивые...

Да, у Вас описано.

У меня там целый чемодан, я помню, набрался. Потом они со временем стали в негодность приходиться, ломаться. В конце концов, мать их все взяла и сожгла. Но иногда были очень красочные, особенно, когда свежие, в серебре, в золоте что-то. Египетские виды, табак же в Германии не растет, его откуда-то привозили. Египетские, турецкие папиросы, нет, папирос у них не было, сигареты. Мы такие вот вещи собирали. И мы один раз в этом парке шли, и вдруг выскакивает немецкая собака, овчарка: «Гав!» И за нами. Громадная такая собака. Ну, что такое немецкая овчарка Вы представляете? Мы бросились бежать, Стасик бежал впереди, а я сзади. И вот эта собака меня догнала и, что я помню, сильный толчок, я кубарем лечу на эту тропинку или дорожку. Мне мать шила из противогазовых сумок одежду – рубашку и вот эти шорты, мы тогда не называли шорты, а просто короткие штанишки. И вот эти короткие штанишки у меня были разорваны сверху донизу, так, что я потом шел домой и так их держал. И какой-то крик по-немецки, и сразу собака отбежала. Я смотрю, там, вдали стоит немец, он мне так запомнился: раздетый, в трусах и сапогах, значит. Что-то мне стал кричать, грозить мне вслед пальцем, а собака к нему подбежала и ждет команду. Т.е., этот немец ее отогнал. Если бы не этот немец, черт бы что со мною эта овчарка сделала. Вот, был такой случай, поэтому тут судить, кто лучше вел себя [нельзя].

Мой друг детства Стасик рассказывал. Жил он на 1-й линии в частном доме с матерью и младшим братом. Отец его, инженер-строитель, болел и умер в 1942 году. В начале второй оккупации зашли к ним в дом несколько немецких солдат. У Стасика в доме был граммофон и пластинки в специальном чемоданчике: песни в исполнении Шульженко, Утёсова. Немцы граммофон включили, слушали песни, а когда стали уходить, прихватили чемоданчик с пластинками с собой. Мать Стасика побежала за ними по улице, просила вернуть пластинки и плакала. Вдруг к ней подходит откуда-то немецкий офицер и как-то спрашивает, почему она плачет? Она отвечает: «Да вон те ваши солдаты забрали у нас пластинки». Офицер что-то зычно крикнул тем солдатам, они тут же вернулись и отдали матери Стаса чемоданчик. Офицер поставил солдат по стойке «смирно», сердито их отчитал, потом что-то скомандовал, и они бегом умчались.

А в конце второй оккупации поселились у Стаса в доме два немца, да не простые немцы, а полевая жандармерия. Я их один раз видел: такие здоровые, мордастые бугаи, на груди у них болтались большие продолговатые изогнутые бляхи с надписью: «Feldpolizei». У них был мотоцикл с коляской. Вечером они приезжали со службы, привозили каждый раз водку, колбасу, консервы, шоколад. После ужина с возлияниями (хозяев не угощали) они начинали разговор с хозяйкой: «А где твой муж? – Он умер. – А кто он был? – Инженер. – Инженер? При всем при этом?». Жест вокруг рукой, в смысле: все очень скромно. Да у нас инженер – это большой человек, у него вилла, автомобиль, прислуга. И уж окончательно захмелев, высказывались в таком смысле: «Криг шайзе [18], если Гитлер хочет воевать, пусть сам лично дерется со Сталиным, кто кого? И тогда все простые немцы пошли бы по домам».

Моя родная тетка Зина и моя родная сестра рассказывали. В конце второй оккупации от знакомых узнали: немцы взорвали «Крупорушку» – Крупозавод на [переулке] Крепостном, внизу у Дона, и народ тащит оттуда крупу. Взяли санки, мешки и помчались на

Крепостной переулочек. А там перед «Крупорушкой» оцепление из немцев, никого не пропускают. Тетка Зина и так, и сяк пыталась, подошла к одному: «У тебя киндер [19] есть? – Есть, в Германии. – А наши киндер голодают, кушать нечего, пропусти». А он: «Злато есть? Дай злато». У тетки было на пальце тоненькое золотое колечко, сняла, отдала, но с условием, что он пропустит ее обратно уже с грузом. Заходят тетка Зина с моей сестрой на этот завод – там сплошные развалины. Одна кирпичная стена накренилась, вот-вот рухнет, а под ней узкий лаз и внизу гора крупы – перловки. Тетка в этот лаз не смогла протиснуться, а моя сестра, ей 14 лет, худенькая, пролезла. Стала перловку в ведре подавать тетке, а та насыпать в мешок. Вдруг подходят какие-то немцы, закричали: «Опасно! Вэк, вэк!» Стали выгонять, вытащили сестру из этой ямы и даже помогли дотащить мешок с крупой до санок. Привезли этот мешок домой, развязали, а в крупе много мусора: камешки, песок. Потом промывали, мучились. Ведь и с водой была проблема. Для хозяйственных нужд растапливали снег, таскали воду ведрами из Дона.

Моя двоюродная тетка Неля (правильно – Нелли), я уже о ней говорил, рассказывала. В конце второй оккупации поселились у нее четверо немцев. Из большой комнаты ее с маленьким (3 года) сыном выперли в крошечную кухню, а в большую комнату заходить запретили. Чем эти немцы по службе занимались неизвестно, только каждый вечер, а то и днем у них было застолье, веселились. пили, крутили патефон, но никого из женщин не приводили. И вот однажды ночью была сильная бомбежка. Наши бомбили, бомбы разрывались близко. Непрерывная стрельба, грохот, взрывы, а эти немцы пьяные, поют песни, хохочут. Тетке стало очень страшно, кругом какой-то ад, сумасшествие, ребенок на руках плачет, ревет. С ней случилась истерика. Кричит на немцев: «Да замолчите вы, проклятые дьяволы! Чтоб вы провалились, креста на вас нет!» Немцы выскочили из своей комнаты к ней. Видимо, поняли все буквально: чтобы показать, что они не дьяволы, а христиане, вынимали из-под рубашек нательные крестики, становились на колени и крестились. Тетка Неля была красивая, и с ребенком на руках она, наверное, с пьяных глаз, казалась им самой Мадонной.

В самые последние дни второй оккупации пошел слух, что немцы забирают мужчин, гражданских, и без всякого повода убивают их. Причем, делает это самая, что ни есть фронтовая голь по собственной инициативе. Среди фронтовиков тогда уже было много немолодых, сорокалетних. Увидят мужика: «Ком!» Отведут в безлюдное место и шлепнут. Объясняли это так: «Завтра Рус Иван сюда придет, их мобилизуют, дадут в руки винтовки, и они будут в нас стрелять. А так мы их заранее без помех поубиваем». Так сказать, немецкая рационализация. Вот так под самый конец немцы «умничали». Нужно сказать, что к слухам мы относились довольно критически. Сами этого не видели, но считали, что могло и быть. Когда уходившие с немцами предатели говорили: «Идут красные, убивают всех, “до ноги”», мы не верили. Но, когда говорили, что немцы собрали 200 человек служивших им русских полицаев и всех расстреляли, мы, зная немецкие порядки, охотно верили. И вот на фоне этих слухов заходит в наш двор немец, и винтовка у него не как обычно, на ремне за плечом, а в руках, и что-то высматривает. Мы это сразу учли. Макар, наш дворовый кобель, исчез, как призрак, ученый, его уже пытались застрелить. Отец на всякий случай ушел в самую дальнюю закрытую нежилую комнату. Немец зашел в наш дом, а на наше счастье в это время топились печка, от нее шло такое благодатное, такое дефицитное тепло. И немец дальше печки уже не пошел. Долго молча около нее стоял, грелся. Потом, видимо, подобрел, также, молча, ушел. После его ухода мать впала в обморочное состояние, ее покинули силы. Ведь если бы немец обнаружил отца, то еще бы и заподозрил в нем партизана, и тогда всем конец.

Вот такими вспоминаются нам немцы-оккупанты, хоть тыловики, хоть фронтовики: наряду с сентиментальностью (изредка), стремлению к порядку – жестокий и циничный прагматизм. В своей массе они равнодушно относились к страданиям нашего мирного населения. Согласитесь: словосочетание «русская душа» звучит понятно и естественно, а «немецкая душа» – звучит нелепо, неестественно, режет слух. И не верьте бывшим солдатам вермахта, когда они разглагольствуют, что были «честными зольдатами», выполняли приказы и убивали только в бою. Не зря ведь евангелисты современной Германии, бывшие оккупанты, чувствуя уже недалекую кончину, приезжают в нашу страну, каются, просят прощение за совершённые злодеяния. Верующие, они боятся божьего суда и божьей кары.

Вы описываете в стихах ситуацию про Августина и Маньку...

Это художественный стих чисто. Это же уже не идет под рубрикой «Кадры из военного детства». Ну, то просто, то, что некоторые женщины имели какие-то сношения с немцами, это не секрет. Но в массовом количестве этого, конечно, не было. А потом, что я могу об этом сказать на моем уровне? Хотя так, конечно, общаться приходилось. Вот, Вы говорите: «Кто лучше относился?» Нас никто не спрашивал, открыли ворота, заехали, целая ватага немцев: «Матка, где у Вас дрова, где чего?». Знаете, все ж это было тяжело [*достать*], дефицит, [*а они*] сразу все сожгли за один вечер, не думая и не слушая никого, вели себя нагло, как хозяева. Но не было каких-то зверств, я не видел, но и мы ведь им же не сопротивлялись и не делали никакого вреда. А если бы мы им что-то сотворили, они были очень жестокие. Я вообще считаю, что это нация такая. Не зря же, вот я читал «Безобразная герцогиня Маргарита Маульташ», исторический роман, автор Лион Фейхтвангер. Там эта Маргарита Маульташ – она была безобразная, и местные крестьяне в Германии, ну, не совсем Германия, это Тироль, ну, все равно, немцы живут, говорили: «Да, если бы у нас в деревне родилась такая уродина, ее бы еще во младенчестве сбросили бы в пропасть». Представляете себе, что такое германская нация!

О событиях в Змиевке [19] знали тогда что-нибудь? Или потом узнали?

Нет, мы не знали. Во-первых, от нас это было далеко. Во-вторых, на нашей улице как-то не было евреев. У нас там были одни, они эвакуировались, он был служащий, начальник там и все. Армян у нас очень много, ну, армяне – это же наши люди [*смеется*], как говорится.

Давайте вернемся к мотивам, которые побудили Вас создавать стихи. Это только настойчивые просьбы Ваших друзей или все-таки у Вас была какая-то внутренняя потребность? Почему Вы все время возвращаетесь к образам детства?

Вы знаете, сколько у меня неоконченных, брошенных [*стихотворений*]? Не хватило, как говорится, тям, чтобы напечатать. Это что-то надо было, а если пишу-пишу, а потом прыг-скок. Самому не нравится, что получилось, я даже уничтожаю. Господи, я не Пушкин, не Высоцкий, никто там архивы мои собирать не будет. Просто, понимаете, то было более счастливое время. Если так, с высоты смотреть, во-первых, у нас всегда ностальгия о прошлом. Даже великие писали, что настоящее уныло, что пройдет, то будет мило. Есть такие стихи у Пушкина. Вот, я не ответил, да?

Нет.

Во-первых, скажем так, война была, такая война, как была Великая Отечественная война. Вот, прошло 70 лет, а она, как говорится, незаживающая рана, боль. Поколение уже фактически вымерло, мне уже самому в этом году 80 лет исполнится, и моих ровесников поумирало уже очень много. Это, понимаете, наша героическая страница нашей истории. И я уже чувствую, что сопричастен этой истории, я уже как бы носитель какой-то этой истории. Раньше, 20–30 лет назад, Вы бы мною совершенно не заинтересовались, потому что были участники, герои, которые шли в атаку, ранения получали, гибли там, убивали немцев, защищали Родину. А о таких, как я, Господи, что о них писать? Ну, прятались там где-то по подвалам, выглядывали, что-то видели, что-то помнили. Ну, и кому это надо?

А когда Вы осознали вот эту сопричастность себя к истории? Вы же не сразу это почувствовали? Стихи в основном написаны в 2000-х гг. или раньше?

Я раньше писал понемножку просто.

Времени не было?

Началось, я скажу, так. Вот я – любитель поэзии. Отчасти все, конечно, с натяжкой. Иногда бывает, надоедает, бросаешь. Любитель всяких песен, особенно вот таких, которые мне нравятся. Трудно сказать. [Песня] «Черные ресницы, черные глаза» была во время войны – мне нравится. А когда «На позицию девушка провожала бойца» – мне абсолютно не нравится. Как-то мне кажется она слишком слащавая, неправдоподобная, понимаете? Там: «Темной ночью простились...». Вроде боец самостоятельно пошел на фронт, сам по себе. Не так же было. Вызывал военкомат, собирали в команды, и там прощаться не давали, да и некогда было.

Вы решили внести правдоподобие в существующие образы?

Я начинал вот так вспоминать. Многие я помнил в молодости, и не мог вспомнить какие-то строчки, слова. И я тогда думаю: да подожди, а давай я сам сочиню. Вот так, например, была история с песней, она у меня, кстати, здесь. Она у меня идет под рубрикой «Народные песни». Была такая песня «Коля – тракторист». Я тогда служил в Новгороде Великом, в армии, офицером. Я закончил военно-инженерное училище, и туда был послан, потом в Подберезье под Новгородом. И там ходили на концерты. Знаете, какие-то местные, а, может, приезжали из Питера, из Москвы «варяги» с концертами. Тот же приезжал Кадочников, приезжал Бернес, Жаров – вот такие, но это было как-то неофициально. И на этих концертах они пели песни, которые мы первый раз слышали, может, и последний раз. И вот там была [песня] «Коля – тракторист». Я мотив запомнил и слова. Только я запомнил, что вот: «Только он под горочку спустился, немцы показались впереди». А к чему это и чего? Потом: «Полоса несжатая стояла, Колю-тракториста все ждала». И я потом задался целью, и сам или, может быть, у меня было вдохновение какое-то, как я говорил, «муза пришла в это время», и я за день, за два эту песню сочинил в собственной редакции. Но я оставил там эти слова, которые я запомнил. Думаю, это же, наверное, не плагиат, потому что если там и есть плагиат, то может каких-нибудь 5 %, остальное все я сам. Неужели это у меня где-то там, как на фотоаппарате, память какая-то вторая? Теперь она у меня всплыла. Но, наверное, нет. Потому что я оперировал своими данными, то, что я где-то читал, видел. Да я и не анализировал, почему. Как-то шел и стал петь песню «Прощание славянки». Меня все время мучил вопрос: вот есть марш «Прощание славянки», а слова? Вот еще вальс «Осенний сон», я просил, мне даже по Интернету искали – все без слов. А со словами? Пришлось самому сочинить.

Вы дописывали в истории то, чего Вы не помнили, посредством этих стихов?

Да, я не был свидетелем, но на тему, которая меня жгуче интересовала. Без темы я писать не могу. Ко мне иногда подходили: вот у кого-то там день рождения, сочини. Я говорю: «Слушайте, так я не умею. Я не берусь и не буду. – Ну, давай: а теперь мы поздравляем и еще тебе желаем...». Я говорю: «Сочиняйте лучше сами, я такие стихи сочинять не буду».

Как Вы говорите? Сохранились ли письма у нас? Нет, очень долго у нас сохранялась открытка от дяди Мити с Черноморского флота. Она была чуть ли не на простой бумаге, не такие, как сейчас. И там была изображена такая карикатура: с портретом Гитлера какой-то осьминог с фашистским знаком, а его штыками пронзают со всех сторон, один, значит, красное знамя, другой – американский флаг, третий – английский, французский, со всех сторон. И, значит, такие стихи: «Конец кровавых махинаций, фашистский зверь зажат в тиски, удар объединенных наций его разрубит на куски». Вот эта открыточка у нас почему-то долго сохранялась, и вот эти письма, которые пытались сохранить – в белье, в комодке лежали почему-то, я не знаю. И там, когда что-то ищешь, я наткнулся на эти письма. И я там долго прятал газету. Я ее нашел, газета «Молот» за 22 июля 1941 года. Там стройка была, где я работал, и раскопали целую кучу старых газет. Стали все расхватывать, и я успел взять эту газету. Я ее долго сохранял, а потом все это исчезло. Просто женщины делали уборку, и весь этот хлам они сожгли.

А часто Вы свои стихи кому-нибудь показываете, читаете?

Вот, я сам изобрел такую форму оформления стихов. Это делается просто. Теперь у меня есть компьютер и я сам, с прошлого года. А раньше я шел в мастерскую, где эти ксероксы, мне это набирали, набор текстов делали, и я потом размножал сколько [надо]. И под моим руководством, я все подбирал, как оформить, дотошно смотрел, чтобы это было таким шрифтом, например, номер 18. Особенно я придирчиво относился к правописанию, иногда сам в тупик ставился, не знал: вот, надо черточку или не надо, надо запятую или не надо. Но если пропускал, то потом корректировал и заново распечатывал. У меня получалась вот такая чистая заготовка в нескольких экземплярах. Потом я вот эти вот картиночки, какие-то фотографии или из каких-то книг, я шел туда, где этот ксерокс...

А подбирали картинки как?

Я сам, по теме, чтобы как-то совпадало. С уменьшением получались вот такие маленькие, на ксероксе их размножали. Я потом вырезал, наклеивал, получалась заготовка.

Потом опять шел на тот же ксерокс и оттуда в любом количестве, хоть десять экземпляров, хоть пять, хоть два мне делали. Иногда удачно, иногда нет.

Вы были военнoслужашим?

Да, я закончил военно-инженерное училище, Ростовское, в 1954 году. Вообще, если Вас интересует моя биография, коротко: в 1940 году поступил в первый класс, в 1947 году закончил семь классов. В 1943 году была немножко чехарда. Мы пошли, у меня друг самый лучший Стасик, мы до сих пор переписываемся, т.е. дружим до сих пор. Там немножко приврали, короче говоря, во втором классе я вообще фактически не учился. Ну, засчитали, и поэтому в 1947 году я закончил семь классов. Жизнь была тяжелая, короче говоря, а у Стасика отец был инженер-строитель, но он тоже умер во время войны. У него была тяжелая болезнь, ему нужен был рацион специальный, и, когда была голодуха, он умер в 1942 году. Короче, он мне говорит: «Давай, поступим в техникум строительный, хорошая специальность». Отец почему-то хотел, чтобы я в машиностроительный пошел. Он говорил: «Вот я вижу, как этот прораб на стройке мечется там, бедолага, я не хочу, чтобы ты такую жизнь вел». А я все-таки пошел в строительный. Техникум закончили мы в 1951 году 18 лет, на следующий год все равно идти в армию. А тогда мы уже знали, что в Ростове есть военно-инженерное училище. Мы поступили в военно-инженерное училище. 18 лет мне, а Стасику было 19. Я еще допризывного [возраста], потому что с 19 лет тогда брали. Мы его закончили. Я – мостостроительное отделение, такое было, группа там более приближена – теоретическая механика, строительная механика, т.е. как строить мосты. И даже нам выдали и военный диплом, и гражданский диплом одновременно, т.е. я стал дважды техникум-строителем. Я имею диплом техника-строителя за техникум, тоже Ростовский, который на Братском, туда дальше, на Доломановском, и военно-инженерное училище. В 1954 году закончил, меня послали в Новгород Великий. И вот там два года я прослужил. Но уже тогда я узнал, что в Ленинграде есть Военная академия тыла и транспорта, там есть дорожный факультет. И я написал туда заявление, все это очень предварительно, за год делалось. Потом, где-то через год, получил ответ, что я приглашаюсь на сдачу приемных экзаменов, мне положен месяц отпуска перед экзаменами при части, а 1 августа я должен явиться для сдачи приемных экзаменов. Все это было сделано, были всякие препятствия.

Как Вы считаете, во время войны частная жизнь у человека могла быть? Вот у Вас, как у ребенка, частная жизнь была?

Да была, конечно. Ну, смотря что называть частной жизнью, и где ты во время войны. Вы ведь не ставьте так вопрос широко. Если я на фронте или в армии, конечно, я считаю, я и сам военный человек, я три года в училище был, у нас там очень была, так скажем, тяжелая служба. Очень трудно. Я всегда календарь вел, сколько дней осталось до отпуска, сколько дней осталось до окончания училища. Потому что в 6 утра зимой подъем, в 5 утра летом, четыре месяца лагеря у нас были, от мая по 1 сентября. А в мае еще, знаете, такие бывают холода, что мы, помню, в палатках спали, двое ложились на один матрас, а вторым матрасом накрывались. Дожди как зарядят и ничего. Начальник училища заставлял каждое утро в Темерничку всем нырять, сам впереди бежал. Его кличка, его Налим прозвали. Вот такая грудь у него была, вот такое пузо [смеется], старый пограничник, полковник. Он бухался, говорил: «Когда Налим упал в Темерничку, речка сразу из берегов вышла»...

Это после войны, а во время войны? Когда Вы бегали безнадзорным. У Ваших родителей была частная жизнь, своя, личная жизнь?

Ну, жизнь была какая? На выживание. Я помню, что все время я ходил полуголодный. Вы понимаете состояние? Когда ты никогда не наедаешься. Ты встаешь, а тебе есть хочется. Ты вроде ел, а есть хочется. И, конечно, какая тут личная жизнь? Все было направлено на то, чтобы где-то достать эти несчастные продукты, каким-то образом заработать или как мы, например, вот там. У меня тоже это в стихах отражено. Таскали эту пшеницу из Александровки, там, когда немцы второй раз занимали Ростов, стоял эшелон с пшеницей, его наши подожгли перед отступлением. Он там горел, не горел, вдоль этого состава вот так лежала сплошная пшеница на земле. Половина черная, половина нормальная. И вот мы мешками брали, на чем могли, но у нас ничего [не было], потом там такое место было, знаете, там ямы сплошные, и все это на горбу, на плечах, кажется, кто, сколько мог унести. Мы это несколько дней таскали, мы потом с этой пшеницей фактически жили всю оккупацию. На базаре продавали вот такие мельницы, засыпаешь и крутишь. Там что-то

высыпает, какая-то сечка. Но зато из нее пекли какие-то пышки, ели. Вот это была частная жизнь.

А игры какие-то детские были?

Игры... Ну, мне было уже 8–9 лет. У нас, я там помню, развлечения были такие, что мы враждовали улица на улицу. Причем, когда стали взрослыми, мы были хорошими знакомыми, мы пожимали руку друг другу. А когда мальчишками были, я помню, мимо боялся ходить, потому что, если натыкался, они гурьбой собирались и лупили меня. А когда кто-то из них шел, я там кричал: «Эй, скорей!» И тоже гонялись за ними. А так, в нашем саду, было все разгорожено, мы кидались камнями, они в нас, мы в них. Взрослые увидят – попадало. Ну, женщина выходит из квартиры, а тут камни летят с неба. «А, хулиганы!», – кричала. Мы разбегались.

Возвращения наших войск во время оккупации ждали? Верили или не верили, что вернуться?

Ну, конечно, ждали. Слухи же всякие ходили. Я, конечно, не берусь, как это, какие-то делать сообщения, скажем так. Это люди другого уровня должны. Я же не знал ничего, фактически, но мои впечатления, что слухи ходили, что немцев разгромили под Сталинградом. Слухи ходили и не только эти. Вот, о моей тетке Неле, она занимала комнату на 31-й линии. Одна такая маленькая, кухня темная, а вторая большая, сквозной вход, большая. А я к ней частенько ходил – по какому поводу. У нее был совсем маленький сын, мой двоюродный брат Юрка, 1939 года рождения. Отец – летчик военный, Галаджев. Потом уже после освобождения, чтобы я не путал, передали, она получила письмо из части, что ее муж Борис Галаджев погиб под Сталинградом. Даже описывают, что загорелся самолет, и как все выпрыгнули, успели, а он не успел выпрыгнуть и сгорел в самолете.

Как вселялись немцы? Никого не спрашивали, мог кто-то там придти и открыть двери, я не знаю. Помню, как у нас было: пригнали машину, вошли в комнату: «Матка, давай растапливай печку, а то у Вас холодно». А когда растопили печку, они стали вшей трусить над ней. Ну, я по порядку, про тетку Нелю. Я приходил к ним частенько, чтобы ей отлучиться куда-то. Я оставался с этим Юркой. Все-таки два-три года, нельзя бросать одного. А потом она меня всегда кормила за это. Наливала тарелку супа, что-то там к чаю. Я с удовольствием кушал, а потом приходил домой, если я там уходил на полдня, жили мы территориально недалеко, приходил домой, а мать говорила: «Ну, тебя там Неля кормила?». Я говорю: «Нет. – Вот какая, а? Ну, садись». А я думал: вот, какой я хитрый, и там поел, и здесь поел. Вы же понимаете, когда тебе на первое дают, как мы говорили, брандохлыст, это такой супчик, не поймешь из чего, а на второе давали пшеничную кашу или перловую кашу, ну масло, но масло было какое? Подсолнечное. А еще там всякие маргарины были, еще черт знает, смалец какой-то был, сейчас мы такого и не знаем. И должен я сказать спасибо донской рыбе, Дону. Вот, нас выручала донская рыба. Всегда или очень часто у нас к обеду подавался чебак.

А кто ловил?

Вот, слушайте. Чебаки – это крупные, вот такие вот, часто самки с икрой, и запекались они в собственном жиру. Мать ставила куда-то, технологию не скажу. А приобретали мы так: мы шли, обычно собиралась кампания в несколько человек, шли к рыбакам на тоню. Тоня называлась – это такое место, где рыбаки базируются. Вот, и во время войны были, я не знаю, какие-то мужики, может, старики, какие-то пацаны, какие-то женщины, бабы какие-то, все в спецовках, в таких сапогах. Они выбрасывали эту рыбу со своих баркасов, рыбы было в Дону много. Говорили потому, что трупов много. Я не знаю. Даже сейчас это шепотом говорю. И вот там очень дешево у них можно было эту рыбу купить. И мы оттуда таскали время от времени, но это какое-то время было. Потом появилась власть крепкая, это все стали запрещать. Стали в артели, под учет взяли. И вот, как мать отрежет кусок чебака, я не умел рыбу есть. Надо мной все смеялись. Говорят: «Эх, ты, еще казак!» Это, конечно, смеялись. Говорят, что Агарковы – это казачья фамилия. Я не берусь на 100 %, но попадаетея по городу частенько. Не умел есть. Я всегда эту рыбу ел вилкой. Мать говорила: «Да разве вилкой рыбу едят? Дай мне хвост», – говорила бабке. Хвост самый костлявый. И вот она быстро, руками – раз, раз, раз, и горка костей мелких, крупных. Все, через некоторое время у нее кроме этих чистых косточек, горки, ничего не было, не оставалось. Я всю рыбу расковыряю и кусочек в рот, вот она мне уколола язык, и все, я уже не буду.

Мне тогда всегда давали ребрышки и икру давали. Я после этого не люблю рыбу есть вообще.

Спасибо Вам, что время нашли для беседы.

Приложение

Из стихотворений А.К. Агаркова

* * *

В последний день морозный оккупации немецкой
Шла наша бабка от знакомых, где мы прятались, домой,
Свернула только на Пятнадцатую с Советской,
Как слышит: «Матка, взг!», и видит немца пред собой.

Она назад, а там уж наш боец с винтовкой,
Кричит: «Ложись!» и матом от души огрел.
А немец сзади бабки, автомат наизготовку,
Упала бабка, тут же выстрел прогремел.

Боец наш к немцу через бабку на дорогу,
А тот лежит, убитый наповал,
А бабка наша невредима, слава Богу.
Боец взял автомат, перчатки с немца теплые сорвал.

Кричит на бабку: «Черти здесь тебя носили!
Убьют! Давай отсюда убирайся поскорей!»
Она за угол на карачках, там ее красноармейцы подхватили,
Смеются, обнимают и зовут мамашею своей.

Запыхавшись, к нам вскоре бабка прибежала,
Кричит: «Все! Наши в городе, пошли домой!»
Смеется, радуется, плачет: «В “переплет” попала!»
И причитает: «Жалко немца, он такой был молодой».

Но на нее прикрикнули родные:
«Кого жалеешь, старая карга?
Тебя самую шлепнут за слова такие,
Убили не парнишку, а фашиста и врага».

* * *

На Пятнадцатой линии нашей ломать баррикады
Немцы пленных пригнали: раздетых, голодных, худых.
Их совсем не кормили немецко-фашистские гады,
Нам, мальчишкам, смотреть было страшно на них.

Мы о пленных в момент по дворам сообщили
И, в ком совесть была, стали все, что могли, собирать.
Сердобольные бабки большую кастрюлю картошки сварили,
Подтащили картошку к несчастным, и стали ее раздавать.

Но солдат-конвоир, настоящий нацистский ублюдок,
Заорал, подскочил, и прикладом тем бабкам поддал.
Никаких оправданий не приемлет подобный поступок:
Опрокинув кастрюлю, картошку, подлец, растоптал.

* * *

Когда драпали немцы, взорвав «Макаронку», я
Побежал по Шестнадцатой линии вслед за толпой.
Там мука высший сорт и помола отличного тонкого,
За такое сокровище дрался б насмерть любой.

Ошалевший нацист предо мной пистолетом размахивал,
А толпа напирала, и не мог отступить я назад.
Но, клянусь, в этот миг не испытывал страха я,
За оклунок муки принять муку был рад.

Возвращался ни с чем, но зато погеройствовал вроде бы.
Вижу, как першероны обозные фуры везут:
С оккупантами вместе уходят предатели Родины.
Очень скоро в Ростове будет немцам капут.

Вижу, как «руманешти» лопатят усердно развалины,
Рядом тлеют останки сгоревших немецких машин.
На сей раз хорошо поработали соколы Сталина,
Достают трупы немцев из-под этих руин.

У базара солдат продает сигареты со спичками пачками,
Над его ж головою призыв партизанский висит:
«Помогайте, товарищи, бить ненавистных захватчиков!»
В сквере куча крестов деревянных немецких горит.

* * *

Война на пороге, у нашего дома,
И немцы в Ростове пока.
А линия фронта по берегу Дона.
Мороз, и замерзла река.

А мы по подвалам, снаряд – он не спросит,
Бабье, старики, детвора.
Стрельба все сильнее, и ветер доносит
Такое родное «Ура!»

Про сон и нормальную пищу забыли,
Но очень хотелось нам пить.
Когда чуть утихло, мы с мамой решили
На Дон за водою сходить.

Гнездо пулеметное, немец плюгавый,
Нестрашный и немолодой.
Мы просимся: «Пан, поднимите шлагбаум,
Пройти разреши за водой».

Небритый, немый тот «пан» отвечает:
«Нельзя, Иван будет пук-пук».
«Нет, найн, неправда, Иван не стреляет
В своих же детей и старух».

Мы к проруби с мамой идем, беспокоясь,
Усеян убитыми лед.
В крови полушубки, видать, напоролась
Разведка на тот пулемет.

И ходят средь мертвых войны вурдалаки:
Гражданский и немец другой,
И шарят в карманах, убитых в атаке,
Рискуя своей головой.

И с полными ведрами мы за шлагбаум,
Где немец к реке пропустил.
Вдруг выстрел винтовочный близко так грянул,
Я воду чуть-чуть не разлил.

Убитая птичка упала пред нами,
А немец, довольный, заржал:
«Ком, matka!» И топал, смеясь, сапогами,
И я поскорей побежал.

Вот так мы водичку домой доставляли.
Конечно, могли нас убить.
Герои? Газеты о них сообщали,
Мы ж просто хотели попить.

* * *

Я убит под Ростовом
С ротой в полном составе
Летом сорок второго
На донской переправе.

Мы опять отходили;
Немцы, асы и профи,
Каждый день нас бомбили,
Выпив утренний кофе.

Над рекой каруселью
Вились «юнкерсов» стаи.
Неподвижно целью,
Лежа, в них мы стреляли.

На мосту, за ночь сбитом,
Нам и дым не потрафил:
Расстрелял с «мессершмитта»
Наглый летчик люфтваффе.

От прямых попаданий
Вновь горел мост разбитый;
Никаких оправданий
Не приемлет убитый.

* * *

Мне снятся бой, налет, войны знакомые картины;
Сквозь сон стрельба далекая и близкая слышна.
Вдруг в наши окна стук и голос тетки Зины:
«Вставайте, выходите, кончилась война!»

Все небо предрассветное в сполохах и зарницах;
Макар наш рыжий, он мудрец среди собак,
Зовет нас, бегая, в щели скорей укрыться,
И наше поведение не поймет никак.

А мы, веселые, не прячемся, над ним хохочем,
Идем на улицу Советскую, на главный наш проспект.
Салют стихийный все сильнее над городом грохочет,
Как будто бы штурмуют стратегический объект.

Народа толпы, звук гармошки, радостные лица,
Загнулась, наконец, проклятая война.
Не по указке сверху, от души, от сердца каждый веселится,
А пьяных нет, поскольку нет ни водки, ни вина.

Мы были счастливы в тот день, начавшийся задолго до рассвета.
Но пусть простит нас грешных и бесхитростных страна:
Мы не кричали с пафосом: «Да здравствует Победа!»
Мы говорили просто: «Кончилась война!»

Загнулась подлая война...

Коля-тракторист

Лето было жарким и суровым:
Враг напал на наш Советский край,
А в полях водил свой трактор новый
Тракторист веселый Николай.

Хоть война гремела недалеко,
Коля хлеб колхозный убирал,
Как был сбит в бою наш храбрый сокол,
С горечью и болью наблюдал.

Летчик, приземлившись с парашютом,
Раненный смертельно, умирал.
Коле он в последнюю минуту
Донесенье важное отдал.

Коля с другом-трактором простился,
Донесенье спрятал на груди.
Только он под горочку спустился,
Немцы показались впереди.

Окрик: «Халът!» Побег в одно мгновение,
Вражьих автоматов злобный лай;
Истекая кровью, донесенье
Все-таки доставил Николай.

Доложил он командирам точно
Все, как было, и навек умолк.
Он погиб, но донесеньем срочным
Был спасен от окруженья полк.

А на небе солнышко сияло,
Чтобы нива урожай дала.
Полоса несжатая стояла,
Колю-тракториста все ждала.

15.09.2006

Примечания:

1. Главная площадь Нахичевани-на-Дону (в настоящее время – в составе Пролетарского района г. Ростов-на-Дону).
2. При планировании Нахичевани улицы, перпендикулярные Дону, в подражание Санкт-Петербургу назвали линиями.
3. Парамоновы – богатая ростовская купеческая династия, владевшая предприятиями, пароходами и торговыми складами.
4. Генерал-майор (с 27 августа 1942 г. – генерал-лейтенант) Н.Я. Кириченко с 26 июля 1941 г. командовал 38-й кавалерийской дивизией, с 4 февраля по 5 апреля 1942 г. – 14-м кавалерийским корпусом, с 10 июня 1942 г. – 17-м казачьим кавалерийским корпусом, 27 августа 1942 г. преобразованным в 4-й гвардейский казачий кавалерийский корпус.
5. Село Самбек Неклиновского района Ростовской области находится в 60 км от Ростова-на-Дону и в 20 км от Таганрога. После освобождения Ростова в середине февраля 1943 г. противнику на полгода удалось здесь задержать дальнейшее продвижение Красной армии. Линия фронта проходила по рекам Самбеку и Миусу, впадающим в Таганрогский залив. Прорвать Миус-фронт и освободить Таганрог советские войска смогли только 30 августа 1943 г.
6. Мореходное училище появилось в Ростове-на-Дону еще до революции. В 1923–1944 г. оно называлось Ростовским-на-Дону политехникумом водных путей сообщений, в 1944–1992 гг. – Ростовским-на-Дону мореходным училищем им. Г.Я. Седова. В настоящее время – Институт водного транспорта им. Г.Я. Седова.
7. В состав Черноморского флота входила канонерская лодка «Красная Абхазия».
8. «Ляо-Чжай» (полностью «Ляо-чжай-чжи-и», в переводе с китайского: «Повести о странном из кабинета Ляо») – книга китайского новеллиста Пу Сун-лина, по прозвищу Люцюань (1622–1715), широко использовавшего фантастику народных сказок.
9. «Метаморфозы» – поэма древнеримского поэта Овидия, рассказывающая о различных превращениях, произошедших со времени сотворения мира.
10. Ледерин – материал для переплетов, имитирующий кожу.
11. Жилищно-арендное кооперативное товарищество – объединение граждан с целью аренды жилых домов у местных советов и предоставления жилой площади в этих домах своим пайщикам.
12. Бомбардировки Ростова в ходе летнего немецкого наступления на юг начались 8 июля 1942 г. С 10 июля они приняли систематический характер, по 3–4 налета в день. 21 июля город бомбили в течение суток.
13. В ходе Семилетней войны в царствование императрицы Елизаветы Петровны русские войска в 1760 г. захватили Берлин.
14. Здесь и далее А.К. Агарков описывает события первой немецкой оккупации, начавшейся 21 ноября 1941 г.
15. Похороны погибших проводились 1 декабря 1941 г.
16. Для прорыва Миус-фронта и освобождения Таганрога в Ростов-на-Дону были переброшены 68-я, 76-я и 81-я отдельные морские стрелковые бригады, сформированные из моряков Черноморского флота, Каспийской флотилии и курсантов военно-морских учебных заведений. В ходе тяжелых боев с 8 по 16 марта, наступая со стороны Матвеева-Кургана, они понесли большие потери.
17. Жердела – сорт мелкого абрикоса.
18. Буквально означает: «Война – это дерьмо».
19. В августе 1942 г. в Змиевской балке на окраине Ростова-на-Дону германскими оккупантами были уничтожены около 27 тыс. чел., значительную часть которых составляли евреи.

УДК 929/947.0

Интервью с Анатолием Константиновичем Агарковым

Проведение интервью, подготовка к публикации

¹ Евгений Федорович Кринко

² Татьяна Павловна Хлынина

¹ Институт социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра РАН, Российская Федерация
344006, Ростов-на-Дону, пр. Чехова, 41
Доктор исторических наук
E-mail: krinko@ssc-ras.ru

² Институт социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра РАН, Российская Федерация
344006, Ростов-на-Дону, пр. Чехова, 41
Доктор исторических наук
E-mail: tatiana_xl@mail.ru

Аннотация. Интервью с Анатолием Константиновичем Агарковым было посвящено истории его семьи, военному детству, нацистской оккупации и частной жизни в годы Великой Отечественной войны. Весь период войны респондент жил с родителями в Ростове-на-Дону.

Ключевые слова: А.К. Агарков; Великая Отечественная война; военное детство; семейная история; частная жизнь.

Copyright © 2014 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Russkii Arkhiv
Has been issued since 1863.
ISSN: 2408-9621
Vol. 5, No. 3, pp. 191-207, 2014

DOI: 10.13187/issn.2408-9621
www.ejournal16.com

UDC 929/947.0

An Interview with Nadezhda Fedorovna Reznikova

Conducting the interview; preparing the material for publication

¹ Evgeny F. Krinko

² Tatiana P. Khlynina

¹ Institute of Social and Economic Research of the Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

41, Prospekt Chekhov, Rostov-on-Don, 344006

Doctor (History)

E-mail: krinko@ssc-ras.ru

² Institute of Social and Economic Research of the Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

41, Prospekt Chekhov, Rostov-on-Don, 344006

Doctor (History)

E-mail: tatiana_xl@mail.ru

Abstract

The interview with Nadezhda Fedorovna Reznikova was dedicated to issues related to her military biography and private life during World War II. At the front, she met her father and future husband.

Keywords: N.F. Reznikova; World War II; family history; private life.

Интервью с Надеждой Федоровной Резниковой (1921–2014) проводилось 10 января 2013 г. в г. Майкопе, на квартире респондента. При проведении интервью присутствовали сиделка и невестка. Продолжительность интервью составила 122 минуты. Интервьюеры Е.Ф. Кринко, Т.П. Хлынина, расшифровка Т.П. Хлыниной. Вопросы интервьюеров выделены полужирным шрифтом. Редакторские исправления и добавления в текст внесены в квадратных скобках курсивом.

Надежда Федоровна, где Вы родились?

Родилась в Казахстане, в северной части его. Кустанайская область, село Федоровка, там я совсем маленькая была...

А родители кем были?

...это мы оттуда уехали. Ну, а они – в селе Аральском, это тоже Казахстан, но более глубоко, чем северная часть. Мама с папой – учителя, я вообще такого происхождения, у меня дедушка был священником, Алексей Григорьевич...

А фамилия?

Сотников. Вот, у меня на фотографии есть [*показывает фотокарточку из домашнего альбома*]. Вот, и бабушка, Мария Григорьевна. Он рано умер, потому что мы сюда тогда на

Кубань приехали, здесь, уж я не знаю, с чем это было связано. Вот, но мы в Казахстане были аж до Семипалатинска, и в Семипалатинске жили, так, что мне трудно сказать, как. Но это по маме сужу и папе, что они как-то прижились там, а нас очень хорошо казахи, киргизы встречали.

А как и почему в Казахстане семья оказалась?

Ну, вот, бабушка с бабушкой, я не знаю, почему они оказались там.

И Вы жили все вместе? И бабушка, и бабушка, и Вы с родителями?

Да.

В одном доме?

В одном доме.

У Вас свой был дом?

Ну, нет, послушайте меня. Я родилась в 1921 году. И в этом году холера бушевала. Дедушка ходил и отпевал умерших. Вот тогда эти священники, духовенство, содержалось на приношениях прихожан. Она говорит: «Это было самое для меня тяжелое время», – бабушка. Она с нами прожила, она тридцати лет осталась без мужа, и всю жизнь посвятила нам, Мария Григорьевна Сотникова. Она была сиротой, когда он на ней женился. Как это там складывалось, мне трудно судить, я еще тогда была совсем маленькая. Вот, знаю, что бабушка иногда нас возила... в село, забыла, какое. Там дед этот, бабушкин брат тоже был священником. Но там во время этой холеры ходил, отпевал людей и заразился, и умер. Но дело-то в том, что он вот заразился и умер. Уж такие меры предосторожности – он не принимал никаких, а в семье никто не заразился. Вот.

В школу Вы там же пошли? Или когда переехали?

Немного училась в Аральске.

А в каком году? В каком году переехали потом?

Этого я не помню.

В 1920–1930-е годы?

Ну... в 1920-е годы, конечно.

А куда переехали?

Мы переехали и попали на Кубань.

А в какой населенный пункт?

Подождите. Значит, папа тогда там работал в станице Махошевской...

Это уже здесь, недалеко.

Это Краснодарский край. Значит, мы сюда попали. Вот, и он был директором школы, мама была завучем в школе. Вот, а школа колхозной молодежи, называлась ШКМ. Я там, все-таки, наверное, училась до 3–4 классов, что я помню очень плохо. Вот, а потом, когда мы уехали на Кубань, хотелось нашим в тепле пожить, в русском населении, с русскими, и они уехали на Кубань. А здесь такие плавни были, что комары заедали по весне, и очень мы болели все тропической малярией. И я, в том числе, и бабушка слегли, и на вокзале в Сальске, это Ростовская область, потом, понятно [стала], нет, в Тихорецке бабушку положили даже в больницу...

Это по пути, когда ехали, слегли?

По пути, ехали сюда. Вот, а потом, значит, она все боялась, что мама с папой ее оставят. Там это что! Папа очень нежно относился к собственной матери, Марии Григорьевне Сотниковой. Вот, и, конечно, как-то там получилось сообщение оттуда, он поехал, и мы оказались в [поселке] Целине Ростовской области. И из-за того, что мы уже какое-то такое время [пробыли], трудно было в Казахстан ехать назад. Там родина, по сути дела, вот. И папа здесь работал в Целинском районе сначала...

Тоже в школе?

В школе, директором был школы колхозной молодежи.

А Вы учились там же?

Я не училась, я сейчас расскажу. Мой, значит, папа работал. Приезжали сюда уже при моей памяти оттуда, чтобы школе дать, повесить мемориальную доску: «Возведена Федором Созонтовичем Крючковым». Но потом, я не знаю, мы потеряли эту связь. А я, в силу того, что, видимо, три или четыре класса закончила здесь, а тут была только начальная, меня устроили в Сальске к знакомой учительнице. И я училась до десятого класса отдельно от родных.

В Сальске?

В Сальске Ростовской области. Только ко мне они приезжали, а я к ним, и все. А так я одна училась. Начальную школу я, видимо, закончила там, где папа директором был, ШКМ – школу колхозной молодежи. Это были духоборо-молоканские массивы, протестантская вера. Вот, откуда они взялись – я не знаю. Там были очень строгие законы, благожелательность большая, честность, благородство. Но советскую власть они...

Не жаловали?

Не жаловали, не жаловали, я так думаю. Но папа с мамой, когда приехали, организовывали там школы. Он перезнакомился со многими и оттуда, там населенные пункты были расположены в 3–4 километрах друг от друга. Вот эти духоборо-молоканские массивы. Так вот, он обошел эти все населенные пункты, в школу набирали там [детей], организовывал все это папа. И они там арку такую установили в населенном пункте, у которого очень красивое название – Хлебодарное. Потом было Хлеборобное, это позже, потом Ольшанка, понимаете, все как-то вот так. Я это мало как-то знаю – населенные пункты, но я знаю, что папа школу в Хлебодарном организовал, и из соседних поселков приходили в школу дети. Я знаю: в самом Хлебодарном папу за квартал увидят – мужчины шляпы снимают. Детишки там устраивались к кому-нибудь на дом. Так мама с папой вечерами, там снег, степи сальские, и заносилось все снегами по самые трубы. И ребятки здесь были на квартирах. Так они, чтобы видеть, как дети учатся, что по вечерам делают, брали фонарик керосиновый и подходили к какой-то хатке. Там обязательно какая-то дорожка была, и они буквально на бугорок снежный забирались, садились и съезжали прямо в хату среди снежных холмиков. Их там встречали, они смотрели, чем ребятки занимаются. Одним словом, к ним там было довольно легендарное отношение. Они держали с ним связи, да, вот, до Майкопа. Например, Николай Сергеевич Сахнов – он работал одно время в МТС, село Красногвардейское, здесь. И он, значит, узнал, что папа здесь и его навестил. Если бы Вы видели эту встречу [плачет] папы с его бывшими учениками! Талантливые были дети, очень организованные, неразбалованные, чувствовалась дисциплинка там. Да...

Фото 1. Н.Ф. Крючкова (Резникова) с отцом Ф.С. Крючковым

А родители были коммунистами?

Нет. Я Вам скажу, как сложилась судьба. Мама – она закончила епархиальное училище. Еще...

В Казахстане?

Нет, не в Казахстане. Я не знаю, где она его оканчивала. Но епархиальное училище. Папа был священник, дедушка был священником и епархиальное училище, школа благородных девиц, как-то там, я не знаю. Не помню, вот. И мы увидели после ее смерти дневник: «Как трудно перестраивать свое мировоззрение».

Мама писала?

Мама писала. Ну, а потом она настоящим преподавателем стала. Здесь она заняла ведущее положение. У нее была удивительная способность. Она начинала говорить, у нее в классе была мертвая тишина. Никаких не было там разговорчиков туда-сюда. Тишина была, они слушали, открыв рты. И вот этот Николай Сергеевич Сахнов, его бывший ученик приезжал. И...

Вам трудно говорить. Разволновали мы Вас.

Это одноклассник, ничего, его одноклассник. В школе он учился и отыскал здесь его, и приезжали они, часто виделись. Но я уже была замужем, взрослый человек, закончила в Сальске железнодорожную школу, а полгода десятого класса заканчивала в Целине. Видите, я была очень оторвана от семьи, вот.

Надежда Федоровна, а Вы были единственным ребенком в семье или у Вас были братья и сестры?

Значит, так. У нас была очень большая семья. Мама родила нас десять человек. Никаких аборт не было, это считалось...

Греховным?

Грехом, греховным. Вот, и она даже ходила к врачу, говорила: «Что такое, я не знаю, что делать? – У Вас так на роду написано, у Вас ничего не изменишь». Она вот, Верочка была первая, она умерла, это я не знаю. Вторая была я, в 1921 году [родилась], здесь на Кубани. Не помню, где мы тогда жили. Значит, родилась и, дедушка, значит, [когда] здесь была холера, умер, а бабушка и вся семья остались живы. У нас еще был брат после меня, Женя, он тоже умер, а все остальные живы. Когда мы уходили на фронт: папа, я, брат – добровольцами... Папа уже был, он повестку через военкомат не получал и говорит: «Ну, я – русский человек, я не могу не защищать русскую землю». Так он говорил.

Вы учились в институте перед войной?

Училась в Ростовском педагогическом...

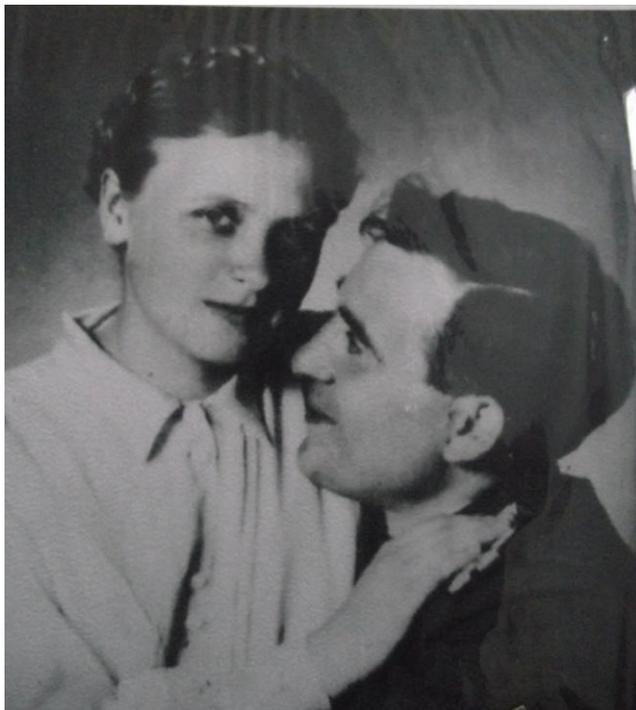

Фото 2. Н.Ф. и П.Е. Резниковы

Окончили школу и поехали учиться?

Нет. Там, значит, так было. Папа ушел на фронт, а я ушла в 1942 году, в июле, когда немецкие войска к нам подходили. Ну, я – комсомолия была, конечно. Вот, значит, и я за полгода, полгода училась в Целине. Нас очень помнят в Целине до сих пор, нашу семью. Это удивительно, наши там прикипели, так и жили. А я начала учиться, но от такой семьи, когда мама осталась одна с такой семьей и бабушка, то надо было помогать, работать, и я ушла и стала работать. В 5–7 классах преподавала русский язык и литературу, мама писала мне планы, сидела со мной, готовила уроки, а я потом шла в школу. И так мы побыли до 1942 года вместе, а когда нас начали бомбить сильно, это железнодорожная станция была, и в Целине была авиаэскадрилья. Нас сильно бомбили и я, чтобы сохранить семью, увезла их в село Лопанка [*Целинского района*]. И вот к этому сторожу школы, который взял, Иван Григорьевич Шевченко, у него тоже было много детей, и он говорит нам: «Ну, где Вы будете [*искать*] пристанище с такой семьей, давайте ко мне». И, значит, они там жили, а в это время меня вызвали в горком комсомола и говорят: «Вы будете работать в газете». Я говорю: «Я не знаю, что там делать. – Научитесь».

Горком какой – Сальский?

Это в Целине, поселок Целина. Горком комсомола или как он там назывался, я не знаю. Там был райком партии, значит, райком комсомола, видимо. Вот, и говорят: «Будете работать в газете». «Сталинское знамя» [1] она называлась. Я пришла туда, не знаю, с чего начать и как, о чем. Ну, меня послали в первую командировку, а я и сельхозмашины не знала, как следует-то. В колхоз поехала в командировку, там готовятся к весне. Приехала туда, и меня водили, показывали, но я ничего не запомнила. Думаю, что ж я буду делать. А там была очень хорошая председатель колхоза Ирина Николаевна Никульшина. Я ее запомнила, потому что она меня взяла к себе на ночь, и я первое, что увидела – огромный портрет Алексея Максимовича Горького, а рядом стоял посылочный ящик. Говорю: «Что это такое, Ирина Николаевна?». А она говорит: «Мы переписываемся с Алексеем Максимовичем. Когда устанавливали здесь колхозы, мы познакомились с ним». Недалеко от Целины был совхоз «Сеятель», и там познакомились. Из-за того, что там организовывали первое советское хозяйство, так называемые кулаки ее подняли на вилы, на сенокосе. Это было при Алексее Николаевиче... Вот, уже забываю даже отчество Горького, Алексея Максимовича Горького. Вот, и он действительно писал об этом, там в каком-то журнале, я помню. Но до меня это все, как до журналиста, не доходило – какая это ответственность, какие люди! Это случайно как-то все само. Ну, и, значит, мы потом долго с ней переписывались, до войны я бывала у нее. Это была патриотка настоящая. Она устанавливала советскую власть в совхозе «Сеятель». И она жила до последнего времени в Ростове, туда родные переехали ее, и она там жила у детей своих. Но теперь ее, наверное, уже нет в живых. Это было, наверное, лет 15 тому назад, когда я с ними уже не была, [*даже*] больше. И эта семья мне запомнилась по портрету Алексея Максимовича Горького и ее переписка. И чтобы мне взять – они не хранили эти письма – хоть одно письмо! Взять там что-то. У меня в голову, как журналисту, так сказать, газетчику [*это не пришло*]. Я тогда себя этим не значила. Меня туда послали и все.

Вот, посадили меня туда, как грамотную, в Целине, перед тем, как немцы пришли, в кабинет какой-то. У нас на поселок Целина оставался один приемник, я по ночам принимала сводку Советского Информбюро, а ко мне по утрам заходил замполит эскадрильи и брал эту сводку для своей эскадрильи. И вот он повлиял на меня очень, вот, когда это чувствовалось, что движутся успешно немецкие войска. Мы-то были воспитаны так, что этого не случится, а на самом деле мы уже канонаду слышали. Я об этом немножко пишу, поэтому я Вам даю, там у меня короткие есть замашки [*речь о книге автобиографической прозы «Ветка сирени»*]. Вот, он пришел, значит, и говорит: «Мы сегодня вылетаем. Немецкие войска близко. Но я настолько загружен! Я бы Вас с собой взял, но я не знаю и сам». Темное лицо такое. Он примерно папиного возраста был уже, пожилой человек, и говорит: «Я Вам советую, уходите с частями Советской армии. Я бы Вас с собой взял, но самолет перегружен. Не могу я рисковать Вами. Но я Вам помогу с проходящими частями связаться, и если Вы решите, то отходите с ними».

Я, значит, оставалась тогда в поселке Целина одна, мама с папой в селе Лопанка с детьми со всеми, потому что там не бомбили. И я, значит, действительно, когда слышим

канонаду, я видела ночью, перед тем, как я решила, что буду отступать с Советской, с Красной армией, как тогда называлась... И, значит, почему я так, надо ниточку поймать... Ну, вот, я рано-рано утром шла по поселку Целина с еще одной нашей сотрудницей газеты, она машинисткой была, Клава Похова. Я о ней немножко там упоминаю [в книге]. К ним бежала. Раннее утро, но луница огромная такая, светлая, и где-то громыкает уже канонада, слышно. Жутко! Вот, собаки мне запомнились, они сидели возле своих домов, смотрели на луну, подняв морды, вытянув, и страшно выли. Вот, говорят, что они чувствуют беду, я была свидетельницей этому. Они выли! И я забежала за Клавой, и рано утром политрук зашел за мной, мы с ним распрощались, и он устроил нас в проходящий медсанбат. Эвакопункт он был, эвакопункт. Медсанбат, туда на какой-то обоз лошадиный и там лежало по два раненых на каждой повозке. Вот, и мы туда попали и отступали с этими частями до [Северной] Осетии. Да... и я оторванной оказалась от такой большой семьи, а папа тоже отступал с частями Советской, Красной армии. И где он, что он – я не знала.

Папа не уехал с мамой и семьей в Лопанку?

Нет, папа уже из Целины мобилизован. Не мобилизован, а просто сам ушел на фронт.

Он еще в 1941 году ушел?

В 1941 году.

Там оставались все остальные дети, мама и бабушка?

Да, мама, бабушка и целая семья.

А Вы одна?

А я одна была в Целине. Но такой был у нас [порядок]. Я по ночам же работала, принимала сводку, шла... У нас, мы так: подопрем дверь колом, каким-нибудь тяжелым бревном и все, это весь замок был. У нас, собственно, и брать нечего было. У нас было единственное что – большая библиотека [небольшой перерыв, вошедшая сиделка предложила Н.Ф. Резниковой выпить чаю, чтобы отдохнуть]...

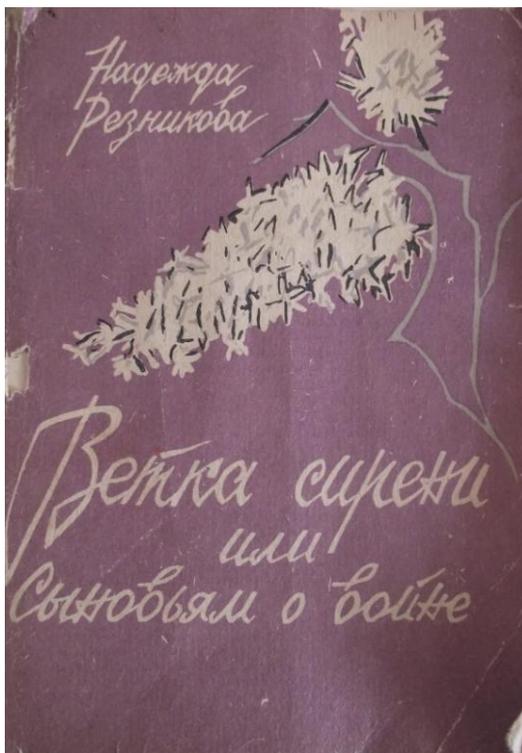

Фото 3. Обложка книги Н.Ф. Резниковой «Ветка сирени или Сыновьям о войне»

...Осталась без большой семьи и без папы, одна, и тут-то меня осенило. И тут меня осенило: раненых много, идет, поступает много. Осетия нас очень по-братски приняла. Она устроила нам в школе место. И мы были отрезаны, между прочим, от основной части. Она нам отары овец подгоняла, у нас было до двухсот человек раненых. И кто я? Я никто [смеется]. В медсанбате – кто я? Ни медик, ни, как следует, не учитель. Я потом

заканчивала учительский [институт], и дальше у меня уже не пошло: семья и все. И, значит, одна. И тут-то я задумалась, когда увидела, сколько и как страдают раненые, что в таком состоянии они не знают, где родные, как у них сложилась судьба. И я думаю: а кто ж я? И у нас был очень тяжелораненый, я должна вспомнить: Макаренко, имя, отчество не помню. И меня посадили, как санитарочку, он был ранен в живот – вот, я ему помогала. Он очень ко мне хорошо относился. Когда нас немцы подперли, как следует, со стороны [села] Чиколы [2], танковые части, и говорят, вот-вот зайдут в Алагир, в то время мы были в Осетии. И значит, мы со своими повозками и ранеными перебрались в этот Садон [3]. Так вот, этот Макаренко с нами был. Потому что он тяжелый был, мы его транспортировать никуда не могли и оставить не могли. Он был, наверное, комсостав, по-моему. Не знаю уж, какого он звания. Одним словом, он говорит: «Я Вас прошу: напишите письмо моей жене. Моя семья эвакуирована в Армению, в город Ленинакан [4]. И сообщите, что я живой. Потому что, мне, когда сюда отвозили, говорят: “Вас уже зачислили в смертники, умершие”». И я написала туда письмо. Написала, а потом тут же наши... И я думала, а что со мной будет? Ну, положим, а как я буду искать родных: где они, что с ними стало? Они оставались в Целине, под немцами. И папы нет. Такая большая семья и вдруг никого нет! И тут я получаю письмо, перед самым отъездом из Садона: «Дорогая дочка...». От этой женщины, жены Макаренко: «Ты войдешь в наш дом, как родная [плачет]. Если приедешь, если у тебя случится что-нибудь непоправимое, не найдешь родных, приезжай к нам. У меня две дочки». А я написала, что мы раненых все-таки смогли эвакуировать в Баку. Значит, ослики, по Военно-Грузинской дороге, носилки привязывались к одному и другому ослику, там и там. И на них лежачих раненых устраивали, и они, значит, отправлялись в Баку.

Это осенью отправлялись?

Сейчас я Вам скажу...

Зимой, наверное, дорога закрыта была?

Подождите. Ну, почему он так сказал? То ли дожди были осенние. Он говорит: «Там такая ужасная дорога, что завалы». И папа попал, потом мы узнали, в саперный батальон. И был, как раз, когда я его отыскала в горах, он оказался в нашей армии. Это было легче отыскать. Поэтому, когда я 25 километров из Садона через Садонский перевал шла в аулы Дунта и Камунта [5], то туда отправлялись из-под Нальчика окруженные наши части, те, кто прорывались. Один из раненых говорит: «Слушай, девочка, – когда я их там организовывала, – ты не из Целины?». Я говорю: «Из Целины». «А Федора Созонтовича знаешь?». Я говорю: «Это мой папа. А где он?». «Батальон 1605». Кажется.

Фото 4. Удостоверение члена Союза журналистов России

Саперный?

Саперный. Вот, он попал туда. «Жив ли он или не жив, я не знаю». Так сказал, и когда я написала этой женщине в Ленинакан, от Макаренко, что так и так, вроде не знаю, что с папой. Так вот, она написала мне в ответ, что ты нам, как родная. Столько этих писем было, но в Вознесенске нас разбомбили, у меня был баульчик небольшой, там лежали письма от раненых, от родных, и все это разнесло, очень жалко.

А раненые Вам писали?

Конечно.

Писали, да?

Писали, я же уже в медсанбате была.

А Вас на какую должность приняли в медсанбате?

Санитаркой. Санитаркой сначала, а потом меня сделали регистратором. Какое-то время я ж успела учиться латыни. В школе у нас была Фрида Григорьевна, фамилию я не помню. Немка она. Она, когда немцы стали приближаться, уехала с девочкой, по-моему. И я все-таки успела в учительском институте [*поучиться*]: латынь у нас преподавал пожилой человек – седой, белоголовый, очень хорошо преподавал латынь. Я даже, когда уезжала из школы, у меня почему-то в аттестате записано было: «Склонна к литературе и немецкому языку». Почему-то я его запоминала. Я даже могла, сейчас уже, наверное, не могу, глаза плохо видят, но отдельные слова – все запоминала. Поэтому меня посадили санитаркой в медсанбате на регистратуру. Потому что там иногда встречались рецепты: tetonas – я уже знала, что это столбняк. Понимаете, им это было важно, и написать это самое – все это я могла, понимаете?

А номер медсанбата не помните?

99-й. Он сначала эвакупункт [*был*]. У нас несчастная судьба была, у нашей армии. Она в составе была...

Это какая армия?

Сейчас, 37-я.

37-я, Козлова?

Нет, Власова [6].

Фото 5. Удостоверение Почетного гражданина Шовгеновского района

Да, сначала Власова.

Власова, знаменитая. И когда говорят, я до сих пор, как следует, не знаю, было одно время – что предатель, другой раз – что не предатель. Вроде бы она сдавалась немцам. И наши – те, кто остались в армии, [*говорили, что*] эта 37-я армия – сохранившая знамя армия, только это позволило ей легализоваться. Часть, которая теряла знамя, расформировывалась. Вот, а мы остались. Там есть [*имеет в виду книгу*]. Сначала 99-й головной полевой эвакупункт, потом просто медсанбат. И эту армию перебрасывали, как хотели, куда хотели. Потому что были мы, как Вам сказать, уже не такими сплоченными, кадровыми, как другие армии, которые сохранили свое и командование, и знамена там, и все. А у нас ничего тогда не осталось, как я потом выяснила, и нас туда-сюда перебрасывали. И мы в составе потом 3-го Украинского фронта оказались. Мы были на Закавказском, Северо-Кавказском, 3-м Украинском, Степном... Четыре или пять, там написано, я не помню уже, фронтов. Поэтому, когда я кинулась, у меня ж никаких документов, ничего нет. Я вот так пришла, и меня туда-сюда мотали. Ну а потом, когда запросили, меня в медсанбате нашем приняли кандидатом в члены партии. И вот, по ГлавПУР РККА меня отыскивали, в какой я части по-настоящему была и т.д. Я-то этому тогда не придавала значения! У меня муж, вот он [*показывает фотокарточку*], Павел Ефимович Резников – десять лет он

беспризорничал при родных маме и папе. И когда там начал ухаживать – то, се. Он был женат, но он дважды развелся с ней и ушел в армию. Как бы...

Перед войной развелся еще?

Перед войной. Он дважды развелся. Он был человек, познавший ночлежки, понимаете, всякие подвалы и так далее, когда беспризорничал.

А как Вы с ним познакомились?

Уже в армии, подождите.

Он раненый тоже был или как это случилось?

Нет, я Вам сейчас расскажу. Он был военным корреспондентом армейской газеты «Советский патриот». И как-то мы готовили трехлетие нашего полевого эвакуационного пункта. Меня вызвала начмедчасти [7] Бэлла Мироновна Мазуровская и говорит: «Наденька, ну, давай подумаем, доченька, как надо сделать. Надо что-то вроде литмонтажа». А я думаю: «Боже мой!». Я, в общем, как-то не очень готова была ко всему этому. Но я что-то все-таки написала. И вот, это было в Садоне, когда познакомились. Когда я подала ей свою писанину, в это время военный журналист Павел Резников был в частях – и к нам. Как всегда, заглянул в наш медсанбат. Они все были друзьями, вот. Бэлла Мироновна говорит: «Ну-ка посмотри, что тут девочка наша написала». Он посмотрел: «А мне здесь делать нечего». Вроде бы так сказал. «Ну-ка, давайте я посмотрю». На девять лет был старше меня. «Ну-ка, я здесь посмотрю, как они там готовятся». А я с девочками поговорила, как они помнят, как они отступали, как сейчас наступают. Они были, в основном, медсанбат был, в основном, сформирован, я так поняла, на Западной Украине. Вот, там, где Тамбовщина, там, и т.д. И вот это все вспоминали, как отступали, как их бомбили, как они выжили, все. У меня был тогда каллиграфический почерк, и меня, значит, когда надо было, [использовали], сейчас я не могу писать этой рукой совсем ничего, две первые буквы напишу, дальше точки, только точки. Ну и, значит... [разволновалась].

Сейчас, возьму себя в руки... Да, и говорит: «Ну-ка, посмотри, что тут». Он говорит: «Давайте, я посмотрю». Посмотрел, потом: «Ну-ка, что Вы там приготовили?». И мы показали. Ну, каждый рассказал. Мы взяли, единственное наше было, со сцены, значит, шагали наши солдаты вроде бы, кричалась советская какая-то песня военная. И девочки на этом фоне выходили и говорили. Но ведущий этого литмонтажа говорит: «Вы останетесь. А здесь, извините, придется многих поменять». Он с режиссурой был знаком каким-то образом, народным театром руководил в свое время: «Ну-ка, вставайте, – ведущий, – а все остальные...». Все нам там перекроил. Я, конечно, расстроилась и говорю: «Мне даже перед девочками неловко». В основном-то девочки были в медсанбатах. «Как же быть?». Он: «Ничего, я сам с ними разберусь». Но вроде бы он удался, этот литмонтаж, с его помощью. И когда я сходила, там сценки делали. Мне, я сходила с трибуны, начали аплодировать. В каком-то амбаре это все организовали. По обе стороны лежали раненые, а потом наши сидели там, медсанбатовцы. У нас мало мужчин было, в основном это водители, их было человек шесть, и санитары хирургического отделения, потому что там надо было выносить. Я один раз там была: остова, части человеческого тела. Я схватила одну ногу, думаю: «Ну что я, не понесу ногу». И вдвое согнулась. Такая тяжелая нога оказалась, мне показалось.

Ну, так вот, с тех пор мы и были знакомы. Я стала сходить. Это же в 1943 году. Да, в 1943. Меня [вызывают]: «Автора! Автора! Автора!». Начали аплодировать, и я снова вернулась сюда. А тут приехали начсаншколы [8], там, хирург Каде. Приехали и повтор, члены Военного совета, в том числе генерал-майор Сосновиков Владимир Васильевич, пожилой очень человек, старше моего папы. И я, когда сходила, он сказал: «Ну-ка, идите сюда». Я подошла, они так за столом стали раздвигать местечко, чтобы я рядом уселась. А я вижу, что им трудно это сделать, всем хотелось посидеть с генералом рядом. Я говорю: «Извините, у меня здесь папа». Я к этому времени папу нашла и забрала в медсанбат благодаря Николаю Николаевичу Метельскому – первому начальнику медсанбата нашего, которого я запомнила. Очень красивый военврач 1-го ранга, тогда еще кубики носили. Так вот...

Вы сказали, что потом папу забрали к себе, в медсанбат...

Так вот, я его забрала. Тут есть тоже [в книге]. Там так было. Да, и таким образом этот член Военного совета, когда какие-нибудь случались мероприятия, меня почему-то

[направлял]. Я откровенно, искренне говорила то, что видела, то, что знала. И меня на всякие мероприятия начали выталкивать. Ну и значит, [про] Садон же я Вам расскажу. Я возвращаюсь, Вам легче будет ориентироваться, потому, что я сейчас многого не помню. Надо же, 90 лет мне приехали отмечать шовгеновцы, аул Шовгеновский здесь есть [9]. Приехали те, кому я нашла Героя Советского Союза Хусена Андрухаева. А я его так начала искать, потому что передовую статью в «Правде» читала и написано: «Герой Советского Союза Андрухаев Хусен Борежевич, адыгеец». И все. И больше никаких там данных. Вот видите, как все вверх ногами летит. Одним словом, вот таким образом я с Павлом Ефимовичем познакомилась. Он меня на прицеле держал все время и однажды сказал: «Вы, наверное, будете моей женой». А я: «Кончится война, увидим».

А что значит: «На прицеле держал»? Он с Вами встречался, писал Вам письма?

Ничего не встречался. А что встречаться, когда он приезжал в командировку, уезжал и все. Там же это строго было. Ну, вот. Я посмотрела: он показался мне немножко сумасшедшим. Думаю, чего это он тут мне, рядовой девчонке-санитарке, такие вещи говорит? Это несерьезно.

Он Вам не понравился?

Я даже не скажу. Мне было неловко. Николай Николаевич Метельский подошел к нему, когда он был у них в командировке в медсанбате, и говорит: «Слушай, Павлик, пойдем, посмотрим, как у меня одна девочка пишет». У меня каллиграфический почерк был в свое время. И они подошли, он посмотрел: «Это Вы так пишете?». Я говорю: «Да». Вот и все! Это и было первое знакомство. А потом, когда в 1943 году приезжают к нам из политотдела армии два майора Усанов и Свистунов. Они искали человека с красивым почерком для оформления документов политсостава, который поступал к ним. В 1943 году, начиная с этого, меня начали, почему-то заметили, и, значит, начали вызывать на всякие эти мероприятия. Причем, если Вы бы знали, как я волновалась! Это у меня было с детства. Я всегда, и в школе – вызовут отвечать, а я вся как на электрическом стуле! Даже в институте. Я сначала сдавала [экзамены] в девятом классе, а затем в десятом. У меня в девятом классе: я все на «пять» сдала и выходила, и все бросались ко мне: почему я в слезах? А посмотрят, там пятерки. «Да у тебя ж пятерка, что ты волновалась!». Не знаю, вот такая вот была вся, ступок электроэнергии.

О папе. Я все-таки вернусь к Садону. И вот, когда мне назвали часть – раненый назвал часть, в которой они с папой были, 1605 там, кажется, батальон – я начала искать. А оказалось, я потом узнала, что это мы в одной армии. Когда в одной армии, легче отыскивать. Мы оказались на одном фронте и в одной армии. Я Вам рассказывала о Ленинанкане, женщина мне написала: «Войдешь в наш дом, как родная». Я обрела какую-то почву под ногами. Потом, однажды, когда мне он [раненый] сказал: «А наши, по-моему, из-под Налъчика выходят из окружения, на осетинские аулы Дунта и Камунта», я влетаю к Николаю Николаевичу Метельскому. Дурная была [улыбается]. И говорю: «Николай Николаевич, папу нашла». «Как нашла?». Я говорю: «Так, так и так». Он говорит: «Я ж не могу тебя никуда посылать». «Ну, я пойду его искать». Мне названы армии, мне названы аулы, куда он может попасть или раненым или каким. Но он отпустил меня. Я иду, ущелья под самое небо, по узенькой тропинке иду. И спрашиваю: «Какой батальон, какой батальон?». И в ауле Галоне [10] меня задержали. Говорят: «Какая-то девчонка ходит и спрашивает, какие части». И значит, меня в политотдел, туда, в армейское начальство. Я захожу, все ему рассказала, как было. Он выругался почему-то крепко, извинился и говорит автоматчику: «Отведите эту девочку назад в Садон».

Назад?

Назад, в Садон. «Это ж сама пошла. Сама! Это надо ум иметь, чтобы самой в неизвестном месте идти папу искать. Надо было подумать!». Ну и, значит, отправил [назад]. И Вы представьте себя, через несколько времени к нам в медсанбат военфельдшер приводит группу больных и раненых из аулов Дунта и Камунта. Я к нему, потому что мне были названы эти населенные пункты. «Ну как же вот, так и так». Он: «Я сейчас иду с партизанами осетинскими в Орджоникидзе (тогда назывался, сейчас – Владикавказ) за медикаментами». Мы же оказались отрезанными, у нас раненых кормить нечем было. Так осетины пригоняли отары нам овец, и мы их на баранине держали, без хлеба.

Всем опротивела эта тогда баранина. Это вкусное мясо, оказывается, было. Ну вот, и я с этим. Он назад вернулся через недельку, пешком же они там все ходили, где ж там в горах [*ездить*]. И говорит: «Ну, пошли». Меня Метельский Николай Николаевич отпустил. Я пошла с ним, и мы через сутки, это нужно 25 километров идти – Садонский перевал, 25 километров высотой там, горный хребет перешагнули. Смотрю – внизу там костры горят. В Садоне мы соблюдали правила маскировки, а там нет. Думаю: «Ага, тут как-то надежней». Спустились туда с этим военфельдшером, он водил меня по каким-то палаткам. Говорил: «Да вот, веду, не знаю, в никуда. Ну, давайте, где у нас сейчас штаб».

Сейчас точно не помню, или в ауле Дунта, или в Камунте я явилась и увидела первый раз саклю. Это удивительное сооружение. Это как-то: земля, земля, земля, вот, очаг и вверху дыра, и вот туда дым поднимается. А там и тепло, и светло, и все нормально оказалось в этой сакле. Но вообще-то мы подсвечивались – из снарядов артиллерийских готовили эти гильзы свободные и делали светильники на ночь для раненых. Ну вот, стала там с ним разговаривать. Да, нашли мы. Значит, ребятки в этой сакле лежат, после наряда пришли отдыхать, а тут девчонку привели какую-то. Конечно, они все поднялись, им интересно. Начали мне на стол баранину выставлять, много поставили, как они называются, котелков с едой. Это смешно было [*смеется*]. И этот замполит со мною или политрук, я уже теперь не помню, там, наверное, есть у меня [*в книге*], не помню. Несколько человек, которых не смогла упомянуть, всю жизнь жалею, которым я обязана. Этому пареньку-автоматчику, он мне сказал первый: «Ты, знаешь, кто ищет, тот всегда найдет». Когда он меня отводил первый раз, как какую-то шпионку, которая спрашивает: где, что. И потом замполит, его не помню. Он говорит: «Знаешь, что?». Я говорю: «Я нашла, выходит отец у Вас». Он говорит: «Ликвидируют завал на Грузинской военной дороге. Но мы сейчас его оттуда отзовем». Сидим мы в сакле, заходит через какое-то время человек. Папка у меня интеллигентный был человек такой, внешне симпатичный. А тут заходит существо черное от костров. Он что-то был то ли сержантом, то ли старшиной, я уже не помню, а может, рядовым. Видите, как невнятно говорю...

Нет, все хорошо слышно.

Дело в том, что сейчас сложно мне. Понимаете, я перешагнула когда 90 лет – ну, как шагнула в другой мир. У меня что-то память отбило, трудно сейчас вспоминать порядок, все это. Я тут на всяких этих пишу. Мы так к раненым своим, как сейчас относятся медики, мы так не относились. Для нас они были – братья, отцы, деды, кто угодно, и мы над ними дрожали в основе своей. А сейчас здравоохранение... Ну, в Адыгее мне жаловаться не следует, потому что ко мне тут определенное отношение, хорошее отношение. Я тут заслужила «Заслуженного работника культуры России», там ордена, медали. Вообще-то моя первая награда была медаль «За боевые заслуги» – это за переправу раненых через Днепр плотами [*разговор о фотографиях*].

Когда отец вошел в саклю, Вы его не узнали сразу?

Нет, я бы его не узнала.

А он Вас узнал?

И меня он не узнал, потому что он уходил, я еще была, оставалась дома.

А как Вы друг друга узнали?

Так вот, слушайте. И вдруг папа заходит. Я встала, так как я его искала. Я говорю: «Папа!». А он не поймет, откуда я здесь взялась, не поймет: «Кто ж теперь с ними остался? Со всей этой оравой? [*плачет*]. – Мама с бабушкой». Немцы заходили: «Матка, млеко, яйки». А она не понимает, что они говорят [*Разговор о фотографиях, в котором участвует сиделка, об изображенных на них людях*].

А с мамой и бабушкой Вы не переписывались?

Ну, как же, все время.

А как Вы их отыскивали? Вы им сразу же написали?

Ну, как только нас освободили, я сразу написала. Мне сказали, что они живы, здоровы – мне самое главное. И я тогда написала, чтобы они помогли семье – в райком партии. Там помогли, потому что семья большая.

Все пережили войну?

Все пережили. Вот это была самая высокая награда [*показывает удостоверение почетного гражданина Шовгеновского района*].

Вы встретились с папой и потом с ним поддерживали отношения?

Мне посоветовал замполит. Говорит: «Знаете, что? Мы в саперные части девушек не принимаем». Я говорю: «Но я боюсь потеряться». «Если в медсанбате Вашем его заберут, заберете его». Мы безо всяких отправим. А он был не военнообязанный, понимаете? Он дал мне адреса, говорит: «Мы по своей части напишем командующему инженерными войсками». По-моему, полковник Голдович [11]. «А они потом организуют, сестры». Мы так и сделали. А полковник Голдович обратился к командующему армией Сергею Семеновичу Бирюзову [12], и он сказал: «Не так часто встречаются на фронте дочь с отцом. Удовлетворить эту просьбу». И, таким образом, началось уже наступление, раненые поступают, и вдруг меня ночью зовут. Заходит солдат-часовой: «Наверное, от твоего папы». Выхожу, папа стоит в своей саперной шинельке и говорит: «А я к тебе». Я говорю: «Как ко мне? Где ты?». Я боялась его снова потерять, я не знала, что там переписка идет такая. А он говорит: «А я совсем. Меня сегодня вызывают в часть и говорят: “У Вас дочка есть на фронте? – Есть. Так вот, мы получили сообщение, – Его пригласили, – что Вы отпускаетесь в медсанбат”». В эвакуопункт, тогда он назывался эвакуопункт 99. «Я совсем».

Ну, все уже знали, что я папу нашла. В медсанбате я уже рассказала. Там «на ура»: давайте его сюда. Его привели, худющего, скорченного, грязного, от костров прожаренного до костей. Ну, я пошла. Бэлла Мироновна Мазуровская – еврейка, очень хороший человек, она тоже меня «дочкой» не по уставу называла часто: «А ну-ка, сюда иди, доченька». Почему-то любила со мной разговаривать. Ну и она говорит: «Мы еще недельку, пока раненых всех в Баку не переправим, не можем уезжать. Поэтому, давай, найди квартиру в ауле Садоне, и мы папу туда определим, ты будешь с ним вместе. Покормим его, отмоем, приведем в порядок». Он был математиком, историком, ну и директором школы. Учитель. И вот, таким образом, его осетинская семья [*приняла*], хотя по законам шариата никак не дозволено было мужчину вводить в дом. Ну, какой там мужчина, кожа да кости!

Я привела папу. Вот, повара Миськова я запомнила. Я стала еду носить в котелках домой, папу подкармливать. И немножко начала сразу худеть, потому что я папе не говорила, что я и свою порцию туда. Он: «А ну-ка, иди, сюда», – повар Миськов. Спасибо им всем [*плачет*]. Говорит: «Слушай, а чего ты так худеешь? Давай, садись при мне ешь, а потом отнесешь отцу». Совестно [*улыбается*], но я таким образом [*поступала*]. Но папу мы привели в чувство. И так, как он был математик, и то, се, он стал заведующим пищевым складом в этом эвакуопункте, и дела пошли у него хорошо.

А потом эпопея была еще. Я же Вам говорила: искали меня, вернее, искали человека в политотдел армии с красивым почерком. Меня по этому принципу туда забрали, в отдел кадров за полгода до окончания войны. По должности я была старшим лейтенантом. Я была зав. секретным отделом отдела кадров политотдела армии. Но они так ребята говорили: «Вы-то у нас еще мало». Но у меня уже был кандидатский билет. Мы, как только остановимся, сейчас наступление. Я Вам так скажу: два-три квартала идет бой, раненые идут, вот такие все и нас простреливают все эти улицы насквозь немцы [*показывает удостоверение члена Союза журналистов СССР – России, рассказывает об организации его отделения в Адыгее, участии в работе съезда в качестве делегата*]. Я Вам скажу: что то, что мама и вся семья остались живы-здоровы в семье, что у меня так вот пошла карьера, я вообще не жалею, что у меня был такой замечательный муж. Журналистом он сделал меня, заставлял меня писать. Говорил, что я как-то владела словом: ну-ка, давай, давай...

Почему у меня здесь ветка сирени [*имеет в виду название изданной книги*]? Почему я назвала «Ветка сирени»? Я должна сокращаться, видите, у меня путаница в мозгах. Я, значит, была, как Вам это сказать – в Болгарии, в Софии мы тогда стояли. Румыния, Болгария, София. В Софии меня забрали в отдел кадров политотдела армии. И говорят: «Но мы займемся Вами, на место придем». Мы должны были идти в Чехословакию, а там наши союзники Англия и Америка открыли второй фронт, но каким-то образом послали свои войска через Северную Африку и Арденны итальянские вот сюда, к нам. Мы попали там в окружение. Иногда в квартале, иногда в двух кварталах шел бой. Раненые приходили, и наши лежат пластами, а наверху тучи, вороньи тучи бомбардировщиков и бомбят! Но мы уже так знали: если над тобой падает бомба, знай, что ее бояться нечего, она упадет в 3–4 километрах от тебя. Поэтому в окопы не лезли. А если откуда-то – то приходилось в окопы. В первую очередь, конечно, раненых прятали. На Кубани мы в жестокие бои попали.

Потом на Украине, когда через Днепр шли [*приход сына, рассказ о нем*]... Так вот, и папа оказался у нас, и мы уже его забрали. А где же я его забрала? В Садоне и забрала, в Осетии, папу к нам, а потом он там остался в медсанбате, а меня забрали в политотдел армии.

А Павел Ефимович знал, что Вас забрали в политотдел армии?

Все знал. Более того, я очень жалею это письмо. У мамы сохранилось Павликово первое письмо к ним, где он пишет: «Дорогие папа и мама».

Вы уже были женаты тогда?

Нет. Говорит: «Дорогие мама и папа, так и так, Ваша Надя сирота». У меня была еще одна сиделка, она помнит это письмо, зачитывала [*приход невестки, разговор о сложных внутрисемейных отношениях и показ фотографий*].

Надежда Федоровна, а когда Вы вышли замуж?

Вот, когда мне пришлось выступать. Как пришлось? Я ж Вам говорю, меня всегда выносило на какую-то волну. Когда мы в Софию пришли все, в 7 утра 9 мая меня вызвал к себе начальник политотдела армии Борис Семенович Мельников и говорит: «Сегодня в девять, – это через два часа! – будет летучий митинг, Вы выступаете от имени фронтовых девчат». Я, откровенно говоря, обиделась внутри, но там же нельзя обижаться. Думаю: что они меня трогают? Что значит за два часа выступить на таком ответственном митинге! Не скажешь: я на Вас обижаюсь и не хочу. Там же не позволено, не дозволено у нас было. Поэтому пошла, села и начала набрасывать себе. Да, вот, видите, я опустила этот момент, когда я, когда Павлика попросили посмотреть мой литмонтаж и...

Он одобрил его?

Он одобрил его, сказал: «Мне здесь делать нечего». Выходит, принял то, что я написала. Приходилось выступить там. И вот, я иду по этому проходу к папе под аплодисменты и раненых, и моих однополчан. А кто-то сзади на меня налетает, обнимает, целует в затылок, то, се. Я повернулась: ой, что такое, в чем дело? А Бэлла Мироновна Мазуровская, начмед, кричит: «Наденька, не волнуйся! Он поэт, ему можно».

Это был Павел Ефимович?

Это был Павел Ефимович. Почти ни один номер газеты «Советский патриот» не выходил без его стихов. Я думаю: Боже мой! И все. И уехал, и все. А потом, когда меня в политотдел армии забрали, а газетчики были там, там же, и мы стали уже встречаться, обедать там, ужины, завтраки. Подойдет, строит из себя такого меня знающего. Думаю: Боже мой, человек как-то странно ведет себя, капитан. Я солдат, как была, так и есть солдат.

Но Вы понимали, что он за Вами ухаживает?

Да, но мне как-то не верилось... Как Вам [*сказать*], не понимала его. Не понимала, столько девчат было – и красивых, и умных, и в званиях и все [*показывает фотографии*].

А это кто в центре, Николай Николаевич?

А это – Рейтузов [13] – замкомандующего, он приехал к нам с Павликом. Дело в том, что он приехал к нам через год после рождения [*сына*]...

Это уже послевоенная фотография?

Послевоенная, поэтому, так, как мы хотели надеть военную форму, а то сразу гражданские оказались. Это в политотделе армии...

Где Вы фотографировались? Портрет Сталина...

Это у нас в квартире, в Софии. Коля родился в Софии.

Так, когда же Вы вышли замуж? В 1945 году?

В 1945 году. Он же так сказал...

Война закончится...

Да. Так вот, когда я сходила, после, я выступила и вдруг слышу, кто-то меня обнял. Поворачиваюсь, командующий стоит в бирюзовом костюме, весь в орденах. Думаю: «Боже!». Он: «Ну, что солдатик, – а в глазах полно слез и говорит, – Надо Вас сегодня на гауптвахту отослать». Гауптвахта – это наказание.

А за что?

А я не знаю, за что. Мало ли за что, за какую-то провинность. Находили, туда помещали за нарушение дисциплины. «Но не волнуйся, я сегодня добрый. Скажи, что ты хочешь?».

Вы еще не рассказали, за что.

За то, что заставила их всех плакать. Но это потом. Я не знаю, почему. Наверное, потому что сама плакала. Он говорит: «Скажи, чего ты хочешь, и я выполню любое твое...»

Желание...

Желание [*разговор с сиделкой, которая ищет фотографии*].

И с какой просьбой Вы обратились к командующему?

Вот, видите [*о своей фронтовой фотографии*]. Ничего была девчонка, я считала себя воробушком. Значит, да. «Так, скажите, что Вы хотите». А я растерялась, я не ожидала, во-первых, командующий. А он говорит: «Любую твою просьбу выполним». А я говорю, так сложила руки: «Сегодня же Победа, чего еще больше? Мы с папой дома будем. Папу везу же домой, и дома все живы». А он: «Ладно, я сам». И подумайте, когда уже наши поезда отправлялись в Старую Руссу, он с адъютантом прислал путевку в санаторий мне, в «Царскую Борисову Градину», там размешался офицерский состав. И вот меня туда, отдыхать. Очень бледненькая, худенькая, пусть она немножко придет в себя. И потом я была в выцветшей гимнастерке, которая сзади была заштопана, он на это обратил внимание. Через день меня вызвал начальник политотдела Аркадий Леонтьевич Попринский и говорит: «В чем же дело? Почему ты нам не сказала». А я: «Я что я скажу? Вы меня сюда вызываете, а я что скажу?». И меня послали в какую-то швейную мастерскую. Там мне, я хотела что-то цвета хаки костюм, зеленоватый, а он коричневый. И значит, какая-то шерсть, и сшили мне там этот костюмчик, и я уже в нем долго ездила, долго в нем ходила.

Такой был Сергей Семенович [*Бирюзов*], и когда он летел в Югославию, его самолет врезался, туман был, врезался в скалу, и он погиб. А с Борисом Семеновичем Мельниковым мы переписывались долго. Он в Москве жил и, по-моему, там и умер. Ну, так. Вот там, когда я сходила с трибуны, вот тут появляется Павлик – вот с такой охапкой сирени, сирени. Она еще вся была наполнена росой утренней. И так мне. А он тогда был заместителем начальника Дома офицеров софийского гарнизона. И его отправляли в Пловдив за петардами осветительными, ракетами, чего мы не знали, как это и что. Он сунул мне эту охапку цветов, и я вся вот так с ног до головы была в воде. «Черт, – про себя думаю. – Ненормальный какой-то». А он: «Надька, война закончилась! Ну, давай, разговаривать». Как-то больше так настойчиво, никто не ухаживал. И...

Вы согласились?

Согласилась. «Оформляй и все. Документы потом» [*рассказ сиделки о воспоминаниях Н.Ф. Резниковой о войне*].

Какое самое яркое впечатление о войне у Вас осталось? Что Вы запомнили больше всего, никогда не забудете?

День Победы, конечно.

День Победы – да.

И встречу с папой. Это было самое...

А как Вы потом встретились? Вы же ушли в отдел кадров политотдела армии, а папа остался в медсанбате.

Командующий сказал: «Не так часто встречаются на фронте дочь и отец». Папа еле ходил...

И Вы вместе поехали домой или оставались в Болгарии с мужем?

Я его забрала к себе в медсанбат. Мы с ним почти год вместе пробыли, он у меня потом стал в другом положении в полку, завкладом пищевым или еще чем, я к нему мало заходила, чтобы не было никаких разговоров. Это в нашей было манере. Вот, а меня же в политотдел забрали. Но иногда ребята говорят: ну, нос повесила, по папе соскучилась. Подбери там кое-какие дела и давай на недельку к папе. Прихожу к папе, чуть свет поезд в Варну приходит, захожу к нему. Вернее, стучу, он выходит: «Ты знаешь, дочка, а я знал, что ты сегодня приедешь. Я сегодня вышел, а мне на плечо села ласточка. Ну, думаю, значит, Надя приедет и ты приехала».

Надежда Федоровна, уточните, где он был, когда Вы к нему приезжали?

В Варне, в Болгарии. Мы Румынию прошли, Болгарию, но меня-то потом забрали в политотдел в Болгарии. Тут мы вместе были с ним, год. И тоже как бомбежки начинались, а у нас же было такое, что раз МТФ с белым флагом, какая-нибудь молочно-товарная ферма сохранившаяся, мы ее приведем в порядок, но [*обязательно вывесим*] белый флаг с

красным крестом. Была такая мировая практика, что под красным крестом человек находится – то все, нельзя трогать. И вот мы вывешивали такой флаг. И когда нас все-таки какой-то фашист разыскал и начал бомбить, а крыша была то ли камышовая, то ли соломенная, не помню, то мы еще по ночам вставали и щипцами сбрасывали зажигалки. Они бросали зажигалки и загорались... Дайте мне водички, пожалуйста [*Сильно кашляет*].

Вам, наверное, уже тяжело разговаривать.

Ничего, ничего [*показывает семейные фотографии, рассказывает о работе в Адыгейском областном радиокомитете, о картине с изображением Сталина, потрясшей ее воображение*].

Последний вопрос, может, Вас удивит. Частная жизнь была у человека на войне? Вот у Вас был папа – значит, и семейная жизнь во время войны могла существовать?

Нет, по-моему. Дело в том, что среди наших – только семья была так, как я...

Это редкость была большая.

Это редкость была большая. Говорят, что Бирюзов у них – нет, вот Рейтузов – они были с семьями.

А это были семьи довоенные или во время войны созданные?

Нет, это, по-моему, довоенные.

Эти семьи прямо ездили с ними?

Ездили, я так понимала вроде бы, хотя близко я никого не знала.

Но это все-таки семьи начальства.

Это семьи начальства, а я солдат. Да еще солдат, который просто вырывает и больше ничего. И ничего не требует, мне требовать нечего.

А Вы не вели дневников? Дневник на войне сами не писали?

Да, вот в том-то и дело. Как я запомнила? Я молодец. Я знаете, за что я себя хвалю? Что, дожив до 90 лет, я ничего так, все помнила. В порядке вещей не путалась.

Но записей не делали? Не писали дневник?

Никаких.

Все в памяти держали.

И что удивительно, людей я позапомнила. Все мне писали мои потом однополчане. Я купила их 100 штук [*о своей книжке*], разослала своим однополчанам. Они: «Боже мой, Надька, как ты их всех запомнила!». Понимаете, не знаю почему.

А письма Вы кому писали? Домой писали?

Писала.

А еще кому-нибудь? Может, одноклассникам? Другьям, подругам?

Нет. Мы же отрезаны были. Домой уже после войны. Не после войны, а уже заканчивалась война, писала из Болгарии, Румынии домой, что там-то, там-то, скоро будем дома. Я считаю, что самая святая награда, [*связанная*] с войной, что все остались наши живы. Мы с папой остались живы. Брат был ранен. Он здесь, стал известным писателем, Юрий Крючков.

Юрий Федорович Крючков.

Да, это мой брат родной, единственный. Он всегда говорил: «Семь девок, один я». Нас было семь девчат, а теперь осталось трое нас. Вот так. Извините за такой сумбур.

Вам военную форму уже в медсанбате выдали? К гимнастерке, сапогам легко привыкли? А что именно выдали: шаровары или юбку?

Нет, юбку.

Юбку дали уже в 1942 году? Вы, наверное, отступали сначала в гражданской одежде? А форму где дали, уже в Осетии?

Остановились в Алагире, в Осетии...

Тогда получили...

А тут мы ехали, отступали...

Вы в гражданском все это время шли?

Да.

И форму в Осетии дали?

Да.

У Вас косы на фотографии видны.

Такая смешная я девчонка была.

Вам разрешали иметь косы? Обычно женщины на фронте коротко стригли волосы.

А вот почему-то разрешали. Мне и еще одной дивчине, моей самой важной подруге Ирине Пахлюониной. И у меня все было после войны – из Киева приезжали, из Нальчика приезжали.

И Вам разрешали косы носить?

И нам позволяли, почему – не знаю [*Рассказ о казни предателя, на которой она присутствовала*].

Это где было?

Здесь, я Вам скажу: станица Мингрельская.

Это же на Кубани.

На Кубани, да. Это было, когда мы наступали.

Это, наверное, летом или осенью 1943 года?

Летом, наверное. И когда я сидела с ранеными [*на суде*], вместе с селянами, он был старостой у немцев. Когда мы вошли, я же не знаю этого точно, его застали за передатчиком, он связывался со своими частями. Он был шпионом, оказывается, каким-то. И значит, передавал, какие части вошли, какие медсанбаты, где стоят – все, все передавал и его с этим поймали. Его судил ревтрибунал [14]. Вызывает меня начальник медицинской части и говорит: «Поедешь с делегацией нашей». Я: «Ну, ради Бога, ну не надо, не могу». Нет. Поехали. Я запомнила фамилию этого человека – Яков Дзюба. И вот, значит, был ревтрибунал, сидели гражданские и наши раненые. Я не могла слушать, когда его привели под конвоем, он на колени встал перед трибуналом. Я не могла на это смотреть, а ребята говорят: «Правильно, на это ты не можешь смотреть. А как медсанбат твой предал, наверное, где стоял». Нас бомбили сильно. «А посмотреть, как предателя казнят, ты не хочешь». Это меня вернуло в какую-то такую форму, и я сидела до конца. А потом вышли мингрельские [*неразб.*]. Я не знаю, где этот пункт был, не помню. И, значит, стояла виселица, и значит, подкатила машина. Солдаты наши были в масках, вот так стояли буквой «П», его высадили. Я видела, как его подвели, он артачился и не хотел на виселицу. Его повесили. Помню, как он задергался, но уже по сути дела не было. Мне тяжело было на это смотреть. А когда я приехала, это все не дозволялось рассказывать. Я так думаю. И поэтому, когда меня попросили в нашу стенную газету написать, я написала в нашу такую армейскую, т.е. медсанбатовскую. Весь этот процесс, каким я его видела, как я его воспринимала. И тогда Бэтси [15] ко мне подошла, обняла и сказала: «Спасибо, теперь я знаю, за что его казнили». Вот так она сказала.

Спасибо, Надежда Федоровна.

Примечания:

1. В настоящее время – газета «Целинские ведомости».
2. В настоящее время административный центр Ирафского района Республики Северной Осетии-Алании.
3. В настоящее время поселок Алагирского района Республики Северной Осетии-Алании.
4. В настоящее время носит название Гюмри – второй по величине город Армении.
5. Высокогорные аулы в Дигории, в настоящее время – в Ирафском районе Республики Северной Осетии-Алании.
6. Генерал-майор (с января 1942 г. – генерал-лейтенант) А.А. Власов командовал 37-й армией в июле-сентябре 1941 г., а с ноября 1941 г. по март 1942 г. – 20-й армией. Затем был назначен заместителем командующего Волховским фронтом и командующим 2-й ударной армией. Попав в плен, возглавил Русскую освободительную армию и Комитет освобождения народов России, став самым высокопоставленным советским военачальником, перешедшим на сторону противника. В 1946 г. казнен по приговору Военной коллегии Верховного Суда СССР.
7. Начальник медицинской части госпиталя.
8. Начальник санитарной школы.

9. В настоящее время – аул Хакуринохабль, административный центр Шовгеновского района Республики Адыгея. Является родиной адыгейского поэта, Героя Советского Союза Х.Б. Андрухаева, подвигу которого был посвящен очерк Н.Ф. Резниковой.

10. В настоящее время поселок Алагирского района Республики Северной Осетии-Алании.

11. Полковник Александр Иванович Голдович – начальник инженерной службы 37-й армии в 1941–1942 гг.

12. Генерал-полковник С.С. Бирюзов командовал 37-й армией с октября 1944 г. до конца Великой Отечественной войны. С июля 1942 г. по май 1943 г. 37-й армией командовал генерал-майор П.М. Козлов.

13. Не удалось идентифицировать.

14. Военный трибунал.

15. Бэлла Мироновна Мазуровская.

УДК 929/947.0

Интервью с Надеждой Федоровной Резниковой

Проведение интервью, подготовка к публикации:

¹ Евгений Федорович Кринко

² Татьяна Павловна Хлынина

¹ Институт социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра РАН, Российская Федерация
344006, Ростов-на-Дону, пр. Чехова, 41
Доктор исторических наук
E-mail: krinko@ssc-ras.ru

² Институт социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра РАН, Российская Федерация
344006, Ростов-на-Дону, пр. Чехова, 41
Доктор исторических наук
E-mail: tatiana_xl@mail.ru

Аннотация. Интервью с Надеждой Федоровной Резниковой было посвящено вопросам ее военной биографии и частной жизни в годы Великой Отечественной войны. На фронте она встретила с отцом и будущим мужем.

Ключевые слова: Н.Ф. Резникова; Великая Отечественная война; семейная история; частная жизнь.

Copyright © 2014 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Russkii Arkhiv
Has been issued since 1863.
ISSN: 2408-9621
Vol. 5, No. 3, pp. 208-216, 2014

DOI: 10.13187/issn.2408-9621
www.ejournal16.com

UDC 929/947.0

An Interview with Mikhail Dmitrievich Shibanov

Conducting the interview; preparing the material for publication
Irina G. Tazhidinova

Kuban State University, Russian Federation
149, Stavropolskaya Street, Krasnodar, 350040
PhD (History)
E-mail: tajidinova@yandex.ru

Abstract

The interview with World War II veteran, Colonel of the Guards (Retired) Mikhail Dmitrievich Shibanov is dedicated to everyday life at the front and his life in 1942-1945. Much attention is devoted to Shibanov's relations with family and friends during the war.

Keywords: M.D. Shibanov; World War II; private life; everyday life at the front; leisure; friendship.

Интервью с Михаилом Дмитриевичем Шибановым (1923–2013) проводилось 6 ноября 2012 г. в Краснодаре, в Краснодарском краевом Совете ветеранов. Продолжительность составила 72 минуты. Проводила и расшифровывала интервью И.Г. Тажидинова. Благодаря содействию М.Д. Шибанова впоследствии состоялся еще ряд интервью с фронтовиками, проживающими в г. Краснодаре.

Вопросы интервьюера выделены полужирным шрифтом. Редакторские исправления и добавления в текст внесены в квадратных скобках курсивом.

Михаил Дмитриевич, расскажите, пожалуйста, о своем детстве, о своей семье.

Я был двенадцатым ребенком в семье. Последним. Семья интереснейшая. Отец до революции был формовщиком-литейщиком на небольшом заводе, а потом, после Октябрьской революции, стал мастером чугунно-литейного цеха. С четырьмя классами образования, он обладал высокими знаниями, опытом, и был авторитетнейшим человеком, а для нас – строгим отцом.

А где жили?

У нас пятистенный дом. И все в нем размещались, на полотах спали.

А в каком городе?

Не город, село. А вон написано [*показывает на газету, где опубликовано интервью с ним*]. Село Рожки [1].

Частько меня интересовало... Представьте, идет плавка. Выбивают днище после окончания литья, и я туда рвался посмотреть вот этот фейерверк огненный.

Отец Вас брал?

Я сам приходил. Завод рядом. Небольшой заводик. Что интересно, отец настолько пользовался величайшим авторитетом, ну, и знания, и опыт... к нему ездили с высшим образованием инженеры на консультацию, и приглашали его на открытие домен. Делился опытом там. Так что я очень горжусь.

А мама была с детьми?

Да. Отец, работая на вредном производстве долгое время, не дожидаясь конца войны 2 месяца.

Он работал всю войну?

Работал. Ну, возраст уже. И в 59 лет он умер. А мать – в 95. Она занималась [тогда] нами. Вот интересный такой случай. Вспоминаю, я учился тогда в шестом классе, и мама куда-то уехала к родственникам, а отец попал на родительское собрание. Классная руководительница и говорит, что мальчишки начали баловаться: покуривать за сараями в школе. О девчонках и речи не шло. Не назвала фамилии, никого. И вот отец приходит: «Миша, садись». А раньше сигарет – ничего не было. Достает кисет с махоркой. «Миша, если хочешь курить – кури. Вот у нас с тобой кисет на двоих». Я говорю: «Папа, я не буду курить». Он: «Но я тебя предупредил!» И – в карман...

[Я] ушел на фронт. В рот до сих пор не брал ни одной сигареты. И на фронте. Я единственный был в батарее (командовал батареей), единственный не курил. Ну, получали мы американские сигареты, я раздавал... И вот, в 1943 году, после второго ранения, тяжелейшего ранения от трассирующей пули... я пролежал в госпитале четыре с половиной месяца, потом меня на костылях привезли к родным долечиваться. Я лейтенант. И отец через двое суток из командировки приехал. Достает свой неизменный кисет: «Сынок, давай закурим». Я говорю: «Не курю». «Что-о-о! Ты такое горнило прошел, два раза уже ранен... и не куришь». И как разревелся. Я чуть не потерял сознание. И тогда я себе окончательно дал [слово не курить]...

А какого Вы года рождения?

На будущий год мне 90. Я 1923 года.

Но на фронте народ, в основном, курил?

Большинство. Абсолютное большинство. Сначала табак давали, а потом офицерскому составу, когда мы уже перешли в наступление, американские сигареты.

А курили потому, что уже пришли курящими? Или потому, что нервная обстановка?

Просто тяга.

А алкоголь?

Я уходил в армию – в рот не брал спиртного. А когда приехали на фронт, там стали эти «фронтовые» давать, и я был замкомандира батареи, ну, молодой был, 18-летний лейтенант, еще даже 18 не было, и мы находились в обороне под Москвой, и рядом у нас был овраг, и каждое утро начиналось соревнование по стрельбе из пистолета. А стрелял отлично, гонорар был 100 грамм. И я все время выигрывал. Ну, лучший у меня результат был [улыбается].

И что Вы делали?

Ну, что я, думаете, пить стал? Нет. 100 грамм употребляли – это нормально. Я имею в виду 100 грамм «наркомовских». И никаких. Вот, даже переключусь на окончание войны. Для меня война окончилась в Австрийских Альпах. Мне поставили задачу гоняться за разрозненными группировками немцев в Альпах. Пушки и лошадей мы оставили. И, вот, кто сдается – мы их спускали книзу, кто не сдается – уничтожали. И приказ я получил 8 числа [мая 1945 года] в 22 часа. По радио мне передали: «Прекратить огонь. Спуститься в квадрат такой-то». А это курортное место в Альпах. Ну, мы до 2 часов спустились. И легли спать, уставшие, конечно. И утром подъем по тревоге, в полном боевом. Лейтенанты – ремень, пистолет, ракетница и две «лимонки». Бинобль, автомат, планшетка. Полк построен. Мы не знаем, что [случилось]? ЗИЛ открытый. Тащат трибуну. Поднимаются командир полка, замполит, начальник штаба. И он только сказал: «Дорогие мои сыны, Великая Отечественная война, которую вы вели, завершена...». Что тут началось! У меня только остались одни гранаты. Все то, что у нас было... в автоматах, у кого – в карабинах, у кого – в пистолетах, все это расстреляли. Такой был фейерверк.

Это было когда именно?

Утром, в 9 часов. И после этого – накрыты столы. Вот – ведро вина стоит, вот – ведро вина стоит... И никто, в большинстве, не прикоснулся. И никого не было, чтоб перебрал. И вот этот день нам показался таким длинным. И мы оглохли от тишины. 4 года все время стреляло, взрывалось, гремело и т.д. А то... тишина. Необыкновенная.

А расскажите, как Вы встретили войну?

Я окончил десятилетку. И готовил документы в геолого-разведывательный институт. С подружкой своей. Любовь моя школьная. Ну, и выпускной вечер. Ну, у нас на Урале ходили в тайгу. Традиция такая. И возвратились мы в 4 часа дня. Уже 12 часов бушевала война. А у нас митинг идет. Уже отправляют первых на фронт. Ну, конечно, как ушат на голову. И мы с Толькой Мягковым, своим другом, решили уйти на фронт.

Прямо сразу?

Сразу. Но нас не брали еще. Первое время. Таких пацанов.

А предчувствие войны было?

Да нет. Это ж на Урале. Только в сознании людей. Что такая ответственность. Ни взрывов, ничего.

Я имею в виду, еще до 22 июня.

Чувствовалось. Внутри было, что может это быть.

А если проанализировать, почему откликнулись так сразу. Это был коллективный подъем? Вас так воспитывали, в духе патриотизма?

Это душевный порыв, и высокая ответственность, Родину защищать.

Вы с другом... а остальные тоже?

Нет, не все. Что удивительно, мы в живых остались вдвоем, добровольцы. Все остальные 16 ребят погибли. Моих одноклассников. На тот момент они не [*выразили желания уйти*]. Они были призваны позже. В феврале-марте 1942 года.

А Вам не казалось странным, что люди по-разному решали этот вопрос?

Нет-нет, у меня сомнений не было. Друзья все были очень хорошие. У каждого своя ситуация. Ну и вот, призвали нас, но на фронт не отправили, а сказали: «Нам нужны командные кадры. А у вас 10 классов образование».

Это было когда?

Сентябрь 1941 года.

А из Вашей семьи тогда уже кто-то ушел на фронт?

Брат. Ну и вот, меня определили в 1-е Томское артиллерийское училище. Учили там 6 месяцев, но программу 2,5-годичную училища [*давали*]. Учеба напряженнейшая. Да и мы были готовы. Я отлично стрелял, занимался в акробатическом кружке.

А стрелять где научились?

В школе. Тир у нас. Сестра у меня старшая за физкультурника вышла замуж. Парень приехал, влюбился в нее, создали семью. Был после института физкультурного. На заводе молодежи не так много, а школа рядом. И настолько он с нами легкой атлетикой [*занимался*]. Я пришел в армию готовый. Я все упражнения, которые положены [*мог выполнять*]. А у нас в училище командир взвода Ломанцев, в первую очередь, знал, что можем. «Идите, – говорит, – на самоподготовку». Так что у меня была возможность позаниматься артиллерийской подготовкой. А Анатолий попал в Новосибирское пехотное училище.

Вы хотели быть артиллеристом?

Понимаете, такого уж желаний у меня не было. Я моряком хотел быть. Мы мечтали... Среди нас тогда моряки бывали. Придет из армии – ой, что ты! Такие брюки!.. Ну, в общем, окончили мы училище. Ну, с «отличием» уже не называют. Нам сшили уже форму. Гимнастерки габардиновые. Брюки. И когда мы на примерку приходили, у меня уже в петлице 2 кубика, т.е. я – лейтенант. Ну, а остальные... у нас в училище выпуск был 426 человек: 4 лейтенанта, а остальные – младшие лейтенанты.

А как кормили в училище?

Была курсантская норма. Кормили нормально. Мы – сельские ребята, и не жаловались. Не было таких моментов. Нас устраивало все.

Но ведь физические нагрузки были большие?

Большие. Дни напряженные. С самого утра. Физзарядка, занятия, раза два в неделю тревоги, с выходом в поле.

Друзьями там обзавелись?

Со мной учился, и попал со мной вместе на фронт... племянник Микояна Анастаса Ивановича [2]. Все это знали. Мы на фронт с ним вместе прибыли, попали в одну часть. Ну, и первое – позавтракать. Пошли мы с ним, сели на бруствере... Где-то далеко разорвалось... и ему (он сидел «калачом») осколок попадает сюда [*показывает в ногу*]... Не был, считай, на фронте, а стал инвалидом Великой Отечественной войны. Больше мы не встречались, разбросало нас. Я получил под командование 50 младших лейтенантов.

Сразу?

Да. Мы получили 51 человека в штаб артиллерии Калининского фронта.

Это 1942 год?

1942, июнь месяц. И вот я – старший этой группы. И вот я командовал на всем протяжении... приехали в лагерь в английских шинелях. Приезжали «покупатели». Кто-то из госпиталя. А на нас еще смотрели, как на «зеленых». И я с Микояном первый попал на передовую. Значит, получали назначения. И я попал в особую часть. 5-й укрепленный район. Это под Москвой был создан. Как шит. Другие войска могли отступать-наступать. А мы насмерть должны стоять. И я получил назначение заместителем командира артиллерийской батареи. Командира батареи еще не было, и я формировал батарею. Что мне интересно, это было в районе озера Селигер [3]. И вот что меня поразило: у нас в батарее было 9 национальностей. И взвод управления, который на меня замыкался (где разведчики, телефонисты, операторы и т.д.): один русский из 19 человек, Фофанов, второй – украинец, с русской фамилией Поляков. Остальные: 2 азербайджанца, коми, татарин Зарипов, калмык, казах, узбек. И абсолютное большинство не знало русского языка. И Вы понимаете, ощущение такое: мы – советские люди. У нас не было понятия: ты – русский, ты – нет.

Как Вы общались?

Так вот, рассказываю. Вот, у молодого лейтенанта возникла такая мысль. После выполнения боевых задач вечером я собирал... был домик... и я собирал этот сход. И решил провести «Вечер русского человека». Русского! В первый день мы с Фофановым рассказывали о России, ну, кто-то понимал, кто-то догадывался, а в конце спели русские песни. А на следующий день два брата-близнеца Алиевы (азербайджанцы, оба – с высшим образованием)... Один был директором школы, меньший, ростом они разные, второй был главным бухгалтером какого-то «Азербайджантреста».

Они добровольцами пришли?

Нет. Они старше нас. Они 1910 года [*рождения*].

Призваны?

Да. Все остальные [*были*] призваны. Я один доброволец... И мы на следующий вечер (а они по-русски понимали немножко) провели... азербайджанцы [*улыбаются*]. И пели они песни. У них от грузинских отличаются, такие, особенные. И вот так мы учили русскому языку... общение... братское, товарищеское отношение друг к другу. И вот я с ними прошел с боями до Витебска [4]. Полтора года.

Они выучили русский?

Конечно.

Трудностей вообще не было межнациональных?

Никаких. Еще раз повторяю: советский человек. Мы все были советские люди. И что меня особенно поразило, когда я получил это ранение... узнали, что я тяжело ранен (под Витебском), и решили командировать (с передовых позиций) для встречи со мной (а знали, где меня будут провозить на лошадке в санях; это было 26 декабря 1943 года)... смотрю, на промежуточном пункте связи вот эти братья Алиевы упали на колени, плачут. Для меня это было трогательно и даже не знаю, как определить это... когда я их увидел. Плачут и ползут за мной на коленях. И вот, сколько я видел, [*пока*] лошадка шла, они ползли...

А почему они так?

У нас единая семья [*была*].

Они за Вас переживали так? Знали, что тяжелое ранение?

Конечно. Знали. Вот и направили этих двух.

Они были рядовые?

Один был командир отделения разведки, а второй – командир отделения связи. Вот их командировали... Я очень сожалею, что я не мог [потом] встретить никого из них. У нас хорошая дружба с ними была. Татарин Зарипов – он тоже хорошо стрелял, и мы с ним в удобное время соревновались.

А религиозность была?

Нет, не касалось, никакой религии. Ни ислам, ни христианство, ничего. Религии у нас не было.

А вот страшно же. И на Бога совсем не полагались?

Я Вам скажу: мы не боялись смерти.

Но это не сразу приходит? Вначале боишься?

Опасность была... Но мы же... не ежедневно, но хоронили своих товарищей, однополчан. Все это видели.

И как это влияло?

Жили с мыслью, что где-то и твой день наступит.

А может, наоборот, кто-то думал, что не наступит?

Нет-нет. Думали о том, что... Я опять переключусь на 9 мая. Мы с Иваном (который из Новочеркасска, мой друг) сели на лошадей. Ординарец со мной, с ним – коновод. И поехали крепость посмотреть, там недалеко. И вот едем с Ванюшкой... перед нами стена. Война закончилась. А что же дальше? Как нам жить? И вот мы с ним мечтали... едем-едем на лошадях... и решили, знаете что? Первое: хорошо выспаться! Ну, [чтобы] не было режима. Второе: хорошо поесть. И третье: год прожить. Год!

А почему год?

Вот, понимаете, то, что мы пережили, это заставило нас почувствовать радость жизни. Хоть год.

А жениться думали?

Такой мечты не было. Вы понимаете, у меня судьба так сложилась. Я, когда был дома у родителей... на второй день приходит директор школы, моя классная руководительница...

Вы в отпуске были?

Да какой в отпуске! На костылях!

А, когда Вы долечивались дома после ранения...

Да-да. Пригласили меня в школу, на встречу. Это было в 1943 году, март. Президиум там. Потом танцы пошли. Я что?! Не танцор. И познакомился я с преподавательницей биологии... Когда я выступал, я рассказал, что был ранен под Витебском. Она [оказалась] оттуда. Из города Городок. А мы 3 раза брали [его], и 3 раза отступали. Ну, потом закрепились [там]. Она [все это] уточнила.

Ей хотелось поговорить об этом?

Да-да. И вот, на следующий день они опять заявляются ко мне домой. Моя классная руководительница и вот эта, по биологии. Фамилию забыл уже. Они жили на частной квартире. Говорит, [что] мама мне сказала без Вас не приходите. И вот по сугробам я с костылями побрел в гости. Ну, гостеприимство в то время какое... Из сала сделали пельмени. Дружеская беседа. Вот, мы посидели... И потом стали общаться. Но они же старше меня значительно. Да и у меня никогда не было, чтобы я с классным руководителем, как мужчина, никогда не выступал. Значит, собирались. У них хорошие голоса. Пели песни. Ну, а на девчонок я не обращал никого внимания... Моя любовь тоже совершила подвиг...

Школьная любовь?

Да. Она же тоже готовилась в институт. И посчитала, что сейчас стране нужны врачи. И переключается на Казанский государственный медицинский институт. И там училась, полный курс. Закончила она заведующей облздравотделом Брестской области.

Вы с ней переписывались в годы войны?

Рассказываю. Когда я был дома [долечивался после ранения], ну, девчонки [одноклассницы мои] пишут ей, что он на нас не обращает внимания, со «старухами» начал общаться.

Ревность?

Ревность [*смеется*].

А Вы с ней до этого переписывались?

Все время!... Вот, наступали они. Приехала она на 1 мая 1943 года. Сижу перед окном. Идет красивая девушка. У нас широкие улицы. Я сестру спрашиваю: «А кто это?» Она: «Ты, что, Клаву не узнал?!». И вот меня потянуло переодеться в гражданское. Костюм. И поковылял я (тогда уже с палочкой). Прохожу мимо дома ее подруги (Гали Курочкиной). Выходит мне навстречу [*Галья*]: «Ты это куда?... Сейчас она будет здесь». Ну, встретились... и вот как-то я ощутил, что я не в радость пока. Перед окном мы стояли. Ну, поцеловались, все как надо. И, посидели. Они обнимаются, плачут. Обе. Ну, и когда мы вышли, я говорю: «А почему так вот?». Она мне говорит: «Так ты ж с той». Я говорю: «Как же ты могла подумать, чтобы я со взрослой женщиной, тем более, с нашей классной руководительницей... Пошли к ней!» Уже был двенадцатый час ночи. Она: «Нет-нет». А на следующее утро встречаемся, и как раз с ней [*учительницей*]. Так любезно отнеслась к нам. Ну, мы лучшие ученики были. И она, [*Клава*], поверила.

Увидела своими глазами.

Да. Что глупость сотворили [*подруги*], увидела. И мы потом всю войну переписывались, но у ней, видимо, какой-то осадок остался. И она решила меня проверить.

Как?

Пишет мне письмо: «Я выполнила свою моральную миссию. Я поддерживала тебя всю войну. У меня появился друг». [*А*] ничего этого нет.

А Вы как повели себя?

А что могло быть с влюбленным парнем?

А Вы, значит, пронесли эту влюбленность через войну?

Да.

Вы только с Клавой переписывались?

Я матери, особенно матери... писал письмо ежедневно. Как бои разрешали. И вот, как-то я приехал, а мать мне показывает два посылочных ящика моих писем. На чердаке дома. Мне так хотелось их взять. Я сожалею, что это не сделал. Потому что... это за каждый день... бой закончился – воспоминания. Потом дом сгорел, и письма сгорели.

А чем закончилась та «проверка» со стороны Вашей девушки Клавы?

Ну, что было... Я после войны рвался опять в институт, геолого-разведывательный. Но, видимо, кадры занимались... 4 года войны – это ведь [*как*] академия! И, видимо, подбирали тех, кто могут принести пользу в армии. И я попал в это количество. И меня после войны назначают начальником полковой школы. Уволились старшие возраста [*потому что*]...

У Вас уже было звание...

Старший лейтенант. Ну и вот, сержантов надо готовить. И я в отпуск пошел после войны только в конце 1946 года. Когда сделал выпуск сержантов.

Она Вам до этого еще написала?

Конечно, до этого, [*сразу, как война окончилась*].

И я через Казань проезжаю. Поезд там стоит около часа. Я вышел. Походил-походил. И мыслю: я-то ведь не виноват ни в чем, ничего такого не сделал, позорящего себя и ее. Сел в поезд и уехал.

Т.е. у Вас был порыв, а потом Вы решили поставить точку?

Да. И вот прошли годы. Она работает уже в такой должности солидной. И... нашла мой адрес, телефон, и как-то, отдыхая в Сочи на курорте, звонит... А мы с женой сидели. Я говорю: «Клавдия Петровна, а Вы откуда? Из Сочи! Так приезжайте к нам в гости». «Нет-нет, некогда...». А на следующий год приезжают с мужем отдыхать в Горячий Ключ. А муж освобождал Горячий Ключ. И звонок опять такой же... А мы опять... сидим с женой на диване. «Приезжайте к нам...». «Нет-нет, у нас режим». А у меня Шура (жена, 25 лет, как я ее похоронил) очень хорошая, говорит: «Миша, давай мы сами поедem...». Поехали мы. С нами меньший сын. Мне как-то тревожно. Посылаю его. Они жили в гостинице. Открывает она: «Ты, мальчик, что хотел?» «Я Шибанов». «А где родители?» «На улице...» Сын выходит, на нас смотрит: «Тоже мне нашел... мама лучше всех» [*улыбается*].

Наверное, Клава еще тогда не сильно была заинтересована в Вас, раз устроила «проверку»?

[*Теперь*] она узнала, что я хорошо служил, дослужился до полковника. 25 лет я проработал в Краснодарском крайисполкоме помощником председателя. С шестью председателями! Она, видимо, через подруг знала, что у меня хорошая семья, что дети... жена к тому времени уже умерла, и потом она еще приезжала сюда, сестра у ней здесь, в Северском районе жила, мы с ней общались. А у ней, [*у Клавды*], уже умер муж... А с женой, с Шурой мы дружили 2,5 года [*до свадьбы*], это уже после войны...

Михаил Дмитриевич, в войну у других военнослужащих с женщинами какие отношения были? У Вас любовь, а у кого этого не было, с «заочницами» переписывались?

Нет. Не знаю.

Хотели военнослужащие знакомиться с девушками, переписываться?

Татарин Зарипов... У него была девушка. Он тоже писал. У большинства были любовные, добрые отношения. Думали о семье. Думали о смерти и о продолжении жизни.

А когда во время войны оказались в Австрии, Вам чему пришлось удивляться? Я имею в виду быт и нравы другой страны. Сравнивали?

Нас, видимо, планировали [*бросить*] участвовать в войне с Японией. И мы через неделю после окончания войны своим ходом, на лошадях, прошли всю Европу. Австрия, Венгрия, Югославия, опять Венгрия, Румыния. И дошли до города Рымнику-Сэрат [5]. Суворов Рымникский! И вот интересно... был такой населенный пункт – Катафа. Когда мы проходили с боями там, нас потрепали здорово после Будапештской битвы [6], и нас в тыл отвели, на отдых, пополнение, замену орудий. И вот в этой Катафе меня... у меня ординарец знал прекрасно молдавский язык, немного румынский и венгерский... Разместил меня ординарец у пожилой пары. Он – с бородкой, жена... и как-то неласково-неласково... Уселась. Ординарец что-то выскажет. А он: «Не понимаю». Т.е. не хочет [*общаться*]. А потом видит... День проходит, два, три... Была же агитация: «Мол, казаки придут!..». А мы – это уже весна. Март. [*Мы*] посадили зеленые деревья. Уборкой занимались территории. Ходили вечером с песнями. Никого, ничего не тревожили. И, видимо, сознание у них побороло. И как-то утром я поднимаюсь, смотрю, у меня цветы на столе перед кроватью. Накрыт стол. И она... как родная мать...

А сколько на это времени ушло?

Три дня. Преобразилось. И, представляете, под домом у них подвал. Дочь там с племянниками. Я даже не слышал, они не подавали [*звуков – улыбается*]. И, представляете, [*теперь*] детские голоса слышны. Обстановка изменилась. Как солнышко выглянуло.

Они присматривались?

Не только они. Все население. Они поняли, что... Это был март 1945 года. И вот мы проходим летом [1945 года]. Днем очень жарко. Кони падали. И вот, через Катафу [*снова*]. А я послал своего командира отделения Бесчастного к ним в Катафу. Приехал [*сам к ним*] только в 12 часов ночи. Горит свет во всем доме! Никто не спит! И дети ждут. Такой стол накрыли.

Вы в марте 1945 года сколько у них пробыли?

С неделю всего. И вот они... [*теперь уже летом*]... Утром я уезжаю. Смотрю, она мешок пирогов мне напекла. Я говорю: «Да куда столько?!». Она: «Это всем».

А они по-другому жили? Благополучнее, чем в СССР?

Я бы не сказал, что быт был у них богаче. У меня мадьяры (венгры) оставили благоприятное впечатление, особенно, после войны уже, своей порядочностью, культурой общения, добрым отношением. Как будто родные люди. И меня туда тянуло [*поехать спустя годы после войны*]. Ну, такой же скромный быт. В противовес нам, у них всегда вино. Винограда много.

Это палинка?

Это называлось «бор, сор, палинка». Бор – это вино. Сор... и палинка... Палинка – это водка.

А как общались?

Ну, у меня же ординарец в качестве переводчика.

А как на протяжении войны было с питанием, с обмундированием?

С обмундированием – «пятерка». Почему «пятерка»? Всегда мы получали обмундирование вовремя. И у нас была задача... Лампасы же у нас. А лампасов – нет. Так, частенько, знамя оборвем...

Из знамени делали лампасы?!

Ну, конечно [*смеется*].

А почему форма была без лампасов?

То, что привозили.

Значит обмундирование на «пятерку» всю войну?

Всю войну! Меня что до сих пор удивляет? Вот сейчас, бывает, не платят зарплату вовремя. А во время войны... Вот, мы только перешли государственную границу, нам выдают денежки... уже 10 % лей румынские мы получали. Перешли государственную границу Венгрии... мы форинты получаем. Вовремя! 15 % мы получали иностранной валютой.

А Вы посылали домой аттестат?

Да. 50 % своего оклада все время родителям.

А посылки могли посылать из-за границы?

Вещи? Было такое. Одну в месяц посылку. Я [*всего*] послал несколько. С вещами. И мыло. Продукты – нет.

Одежда откуда бралась для посылок?

Покупали. Мы деньги же получали.

Покупали у местного населения?

Да. И в магазинах.

Получили Ваши посылки?

Да. И письма шли исключительно четко. Правда, раньше вопросы бдительности [*стояли*]. В общем, штамп. Проверяли.

Цензура? Вычеркивания были?

Ну, у меня-то не было.

А дневник вели? Или другие вели?

Нельзя было. Не разрешали. Иван, который писатель [*стал*], из Новочеркасска, я знал, что он дневник ведет.

Потихоньку?

Потихоньку. И в бричке к дну приделал ящичек... и там хранил.

И у него он сохранился?

Ну... Уже написал не одну книгу.

А тогда, в войну Вам хотелось написать что-то в газету?

Журналистская жилка у меня есть. Мы когда пошли по Европе... Я – командир батареи... но я [*был*] инициатор выпуска «Боевых листков». Вот, мы идем... тот что-то хорошее сделал, тот поступок совершил и т.д. «Боевой листок» на радиотачанке развесили. Все приходят, читают. Я редактировал, корректировал.

Так какую оценку даете питанию?

Питание было нерегулярное. Особенно в боевой обстановке. Ну, кухни готовили... посылали солдат. Термос за спиной. Бывало, приходил... а термос простреленный, от борща ничего не осталось. Голодали мы, конечно. Но такого, чтобы незаботливого [*отношения*] – тоже не было.

Просто из-за обстоятельств?

Да, из-за боевой обстановки. А так, все по нормам. Хлеб.

А с американской едой сталкивались?

Была тушенка, ну, уже в конце войны. У меня старшина – он же отвечает за кухню. Так что горячее все время на передовую в термосах.

А чего особенного хотелось? Сладкого?

Вы знаете, эти вопросы как-то обходили. Мы знали, что нет. И в мыслях не держали.

А вещей недостаток какой-то испытывали? Мелочей: бритва, расческа?

Нет. Носил бакенбарды.

А баня была часто?

Расскажу Вам. Никто Вам об этом не расскажет. Первое: палаточки у нас были. В неделю раз мы обязательно (какая бы обстановка не была) чугунные печки... грели воду и

купались. Но что меня удивило! Когда мы в Рымнику-Сэрат побыли, и госграницу [перешли]... и полная санитарная обработка. И я впервые встретил поезд-баню. Два эшелона немецких стоят, специально оборудованных. Парная и два моечных, парная и два моечных... Ну, я как уралец, сразу в парную залез. Заходят два оголенных мужика: «Старшина, подбавь парку!» [Чувствую], у меня уши уже начинают... Они орут! Потом он приходит: «Да я вам уж на полную катушку дал, сколько можно».

А зубы чистить получалось?

[очень неуверенно]. Ну... порошком. Конечно, у всех были бритвы свои. Не было такого, чтобы солдат не брился, бороду отрастил.

В свободное время, если оно было, что делали?

Получали газеты. Дивизионную все время. Ну, а когда свободная минута... русские песни. Пляски. В каждой батарее был свой заводила, свой аккордеонист или баянист. Вот этот дух русский не выветривался у нас... Кто был в командировке в Москве, на концерте... записывал, напевал, передавал другу...

Спасибо за беседу, Михаил Дмитриевич.

Примечания:

1. Село Рожки в настоящее время является центром Рожкинского сельского поселения в составе Малмыжского района Кировской области.
2. Микоян Анастас Иванович (1895–1978) – государственный и партийный деятель в СССР. В 1938–1946 гг. – нарком внешней торговли. В 1941 г. председатель Комитета продовольственно-вещевого снабжения Красной армии, член Совета по эвакуации. В 1942–1945 гг. член Государственного комитета обороны СССР, контролировал организацию снабжения армии и руководил осуществлением поставок по ленд-лизу; в 1943–1946 гг. член Комитета СНК СССР по восстановлению народного хозяйства в районах, освобожденных от фашистской оккупации.
3. Селигер – система озер в Тверской и Новгородской областях.
4. Витебск – город на северо-востоке Белоруссии. В октябре 1943 г. советские войска вышли на дальние подступы к Витебску. Зимой 1943–1944 гг. они неоднократно пытались овладеть городом (Городокская операция, Витебская наступательная операция). 26 декабря 1943 г. под Витебском М.Д. Шабанов получил тяжелое ранение в ногу, после которого три месяца провел в госпиталях, получил группу инвалидности, но, скрыв ее, снова отправился на фронт.
5. Рымнику-Сэрат – город на реке Рымник в Румынии. Был освобожден частями 2-го Украинского фронта 27 августа 1944 г. в ходе Яско-Кишиневской операции.
6. Будапештская операция – наступательная операция южного крыла советских войск в ходе Второй мировой войны в 1944–1945 гг. Проводилась силами 2-го и 3-го Украинских фронтов в период с 29 октября 1944 г. по 13 февраля 1945 г. с целью разгрома немецких войск в Венгрии и вывода этой страны из войны.

УДК 929/947.0

Интервью с Михаилом Дмитриевичем Шибановым

Проведение интервью, подготовка к публикации

Ирина Геннадьевна Тажикина

Кубанский государственный университет, Российская Федерация
350040, Краснодар, ул. Ставропольская, 149
Кандидат исторических наук
E-mail: tajidinova@yandex.ru

Аннотация. Интервью с ветераном Великой Отечественной войны, гвардии полковником в отставке Михаилом Дмитриевичем Шибановым посвящено фронтовой повседневности и его жизни в 1942–1945 гг. Немало внимания уделено родственным и дружеским взаимоотношениям Шибанова в период войны.

Ключевые слова: М.Д. Шибанов; Великая Отечественная война; частная жизнь; фронтовая повседневность; досуг; дружба.

Copyright © 2014 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
 Russkii Arkhiv
 Has been issued since 1863.
 ISSN: 2408-9621
 Vol. 5, No. 3, pp. 217-232, 2014

DOI: 10.13187/issn.2408-9621
www.ejournal16.com

UDC 94(47)

The Journal of S.V. Bykovsky, an Army Medical Assistant (1914–1915)*

Preparation to publication, introduction and commentary
 Nina A. Vlaskina

Institute of Social-Economic Research and Humanities of the Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation
 PhD (Philology)
 E-mail: nvlaskina@gmail.com

Abstract

This is the first time they are publishing the diary of military physician assistant in the Russian Imperial Army S.V. Bykovsky. The notes span July, 1914, through October, 1915, the events in Poland and in East Prussia. The diary is written in the form of a chronicle. It contains daily notes of troop movements, of combat losses for the Russian and German armies, and a characterization of military unit stations.

Keywords: diary; World War I; Don Cossacks; East Prussia; Poland; Russian Imperial Army.

День туманный, прохладный.

М[естечко] Эсцергален, 1-го января 1915 года. (с. 107) Известили сотню о *переходе* на Варшавский фронт. Встреча Нового года, как водится, по распоряжению к[оманди]ра была собрана сотня в один двор, и поздоровался с пожеланием победить нашего *коварного* врага. После чего к[оманди]р вместе с казаками вошел в одну маленькую комнату, с приготовлением напитками и закуской, выпили командир и [в] присутствии его казаки – разошлись. Весь день были в жизнерадостном настроении, вспоминая домашних и готовясь к выступлению на Варшавский фронт в помощь своим / (с. 108) собратиям.

На другой день вечером командиром были приглашены офицера штаба и *офцера* находящихся сотен при штабе включительно до казака сотни. Начались проводы [1].

День *шол* дождик.

М[естечко] Эсцергален, 2 января. Приготовлялись к выступлению.

День *посмурный*, холодный.

М[естечко] Эсцергален, 3-го января. Приготовились к выступлению, ожидая *ропоряжение*. Получили приказание о выступление обоза в 12 ч[асов] ночи, а сотни – в 6 часов утра на станцию Вержболов.

День пасмурный, прохладный.

* Статья подготовлена в рамках работы по проекту «Музейная идеология в современных условиях Юга» Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Фундаментальные проблемы модернизации полиэтнического макрорегиона в условиях роста напряженности».

М[естечко] Эсцергален, 4 января. / (с. 109) Обоз отправили в 12 ч[асов] ночи, и сотня выступила в 6 час[ов] утра, провожатый была 4 сотня 34 полка, пройдя версты три, сотни остановились для прощания.

Офицера распивали и говорили речи провожатым казакам, которые на ответ восклицали «Ура!» Через несколько времени расстались, и наша сотня пошла по *направлению* чрез г[ород] Столупень, где заехали и остановились на отдых, и командир сотни пошел в ш[т]аб корпус, а я у него спросился, и пошли в штаб 34-го полка к ф[ельдше]ру Семионову, он нас на поил чаем и попроща / (с. 110) лись с ним, он нам пожелал всего хорошего, пробыли в городе Сталупенени часа 2, потом тронулись на станцию Вержболово, куда прибыли в 4 ч[аса] вечера.

День *шол* мокрый снег.

В дороге 5 января. Не доезжая до г[орода] Гродны [2], поле покрыто снегом приблизительно четверти на две. *Сначала* дня было пасмурно, потом выпал небольшой снежок, и к вечеру выглянуло солнышко.

В дороге 6 января. В 6 часов утра приехали в г[ород] Варшаву, небо заволакивалось облаками, но это было только до 10 ч[асов] утра, / (с. 111) а то весь день солнечный, тишина.

В г[ороде] Варшаве простояли 12 часов. Г[ород] Варшава по себе шумный – живой. Улицы *чистаи*; на каждом пер[еулке] стоит служащий с *метлом*. Затем на главных улицах есть дома 2–3- и 4-этажные. Торговцы преимущественно евреи и поляки. Остальные улицы грязные, не *вычещены*. По всем улицам города ходят трамваи.

День солнечный, тихий.

Креп[ость] Новогеоргиевская, 7 января. В 7 час[ов] утра погода хорошая, день ясный, к вечеру легкий морозец. В 10 час[ов] / (с. 112) [3] переехали до ст[анции] Цеханова, от ст[анции] Цеханова до ст[анции] (Алешкиной) были взорваны мосты и полотно железной дороги, когда немцы занимали г[ород] Цеханов [4], а по приезду нашему все исправили, только заметно на местах *железнаи* решетки изломаны, согнуты от немецких *взрывчестых* веществ. После разгрузки направились в г[ород] Цеханов на ночлег. Вечером нас известили о *назначении* нас во 2-ю *ковалерийскую* стрелковую бригаду.

Г[ород] Цеханов, 8 января. В 9 часов утра двинулись в д[еревню] Пржегово, прибыли / (с. 113) в д[еревню] Пржегово в 6 часов вечера, а 8 часов того же вечера получили известие о том, что нас командируют обратно в г[ород] Цеханов для конвоирования штаба 11-й сибирской стрелковой дивизии. Когда получил прик[аз] ком[андира] сотни, то в это время был в *веселым настроение*.

День морозный, *ветренный*.

Прежгово 9 января. В 6 час[ов] утра двинулись из Прежгово и прибыли в дер[евню] Осцислово Плоцкой губернии в 3 час[а] дня.

День *ветренный*, холодный.

Осцислово, 10 января. В 9 час[ов] утра двинулись / (с. 114) из дер[евни] Осцислово в дер[евню] Преждвоего, куда прибыли в 12 час[ов] дня, по *прибытия* в штаб начальник дивизии вышел из дома поздоровался, потом *обшел* всех лошадей и приказал разместиться здесь, при штабе, сотня расположилась в имении Кнопницкого у жителей поляков. Расположение очень тесное, т[ак] к[ак] в каждой комнате по 15 и более человек, а в которой нужно бы разместиться самое большое человек по 7. Лошадей разместили в саду и около сараев. Я и мой товарищ поместили лошадей в конюшне помещика. / (с. 115) *Холуны*, которые предназначены людям, все заняты *сибирскими* казаками, до самого вечера переходили из *холуны* в *холулу*, согревая свои *обмершие* ноги и носы. Вечером, хотя тесно, но разместились человек по 15 и более.

Опишу из более знакомых мне *холул*. Занимаем одну комнату, в которой помещается 15 чел[овек]: 11 каз[аков], 2 ф[ельдше]ра и 2 ординарца солдата. Комната имеет вид мрачный: маленькая, темная, грязная. Размер ее 3 ар[шина] вышины, 3 ар[шина] шир[ины] и длины 5 ар[шинов]. Имеет 2 / (с. 116) малых окна – одинарных. В комнате стоит *шкав комота*, плита *малый* величины и стол. Вот в этой мизерной комнате находится 15 чел[овек].

Имение Яна Кнопницкого. День *ветренный*, морозный.

Преждвоево, 11 января. С утра лошадей всех разместили в *сарай*. День пасмурный, тихий.

Преждвоево, 12 января. На фронте тишина. День туманный, тихий, к вечеру выпал маленький снежок.

Преждвоево, 13-го января. / (с. 117) День пасмурный, теплый, с *половина* дня осветился *солнечными* лучами, под вечер солнце скрылось за облака, дул легкий северный ветерок.

Д[еревня] Преждвоево, 14 января. С утра день ясный, солнечный. Пользуясь хорошей погодой, немец производил разведку на аэропланах. Аэропланы пролетали над позициями и вокруг г[орода] Цеханова, где были брошены бомбы, повреждений никаких.

На позициях покойно, кроме как обстрел аэропланов.

Ночью производилась атака на деревню Сергееву немцами. Деревня была отбита и / (с. 118) занята ими.

Д[еревня] Преждвоево, 15 января. С 2 часов ночи открылся сильный бой из всех родов орудий. *Повреждение* никаких. Наши бросались в атаку и выбили немца из прежде занятой деревни.

Пролетали аэропланы, которые были *обстрелены*, один из них был поврежден.

День солнечный.

Д[еревня] Прждвоево, 16 января. По фронту тихо, кроме как выстрелы по аэроплану, который пролетал по нашим позициям.

День теплый, солнечный.

(с. 119) Д[еревня] Пржедвоево, 17 января. С утра фронтовая перестрелка из тяжелых орудий; повреждений никаких.

Утром выпал маленький снежок, под вечер день ясный, холодный.

Д[еревня] Пржедвоево, 18 января. По фронту тишина.

В противоположной стороне от фронта производилась пулеметная учебная стрельба. День солнечный, холодный.

Д[еревня] Пржедвоево, 19 января. Ночью наши разведчики напали на сторожевое охранение и произвели залповый выстрел, одного из / (с. 120) немцев убили, а остальные подались с места. Днем тишина, а ночью была редкая перестрелка.

День солнечный, холодный.

Д[еревня] Пржедвоево, 20 января. Неприятель не убрал убитого и хотел было днем унести с позиции, но наши открыли огонь, подходили и наши, но и по *нашем* открывали огонь, так весь день велась перестрелка.

День морозный, *ветренный*.

Д[еревня] Пржедвоево, 21-го января. По фронту не слышно ни одного выстрела.

День морозный пасмурный.

Д[еревня] Пржедвоево, 22 января.

(с. 121) Оттепель. С ночи и до половина дня шел *сильной* дождь. Предполагается быть на 23 вечером обстрел дер[евни] Колояны.

Д[еревня] Пржедвоево, 23 января. С утра тихо, а с 6 часов вечера открыли огонь под дер[евней] Колояны. Деревня была подожжена снарядами. О неприятеле не известно. Разведчикам дана задача о *сажжении* фольварка «Тани».

В 9 часов разведчики пошли по направлению к *фольворку* и наткнулись на проволочное *загрождение* неприятеля. Вдруг послышались звонки и поднялась тревога у неприятеля, / (с. 122) *которые* сейчас же открыл огонь из тяжелых орудий по разведчикам. Разведчики в темноте ползком от заграждений в обход подползали к *фольворку* и подожгли его. Исполнив свою задачу, разведчики вернулись.

Д[еревня] Пржедвоево, 24 января. С 7 часов утра артиллерийский бой, к вечеру затих. Весь день *мятель* и ветер.

Д[еревня] Пржедвоево, 25 января. Наши батареи обстреливали деревни, в которой подразумевали неприятеля. Вечером производили атаку; атака без *результата*. Наши потеряли 24 раненых, / (с. 123) 1 уб[итым] и одного без вести пропавшим.

День пасмурный, *ветренный* и легкий морозец.

Д[еревня] **Пржедвоево**, 26 января. Легкая перестрелка. Пролетал немецкий аэроплан, по которому производили *залопы*.

День облачный, *ветренный*, теплый.

Д[еревня] Пржедвоево, 27 января. Легкая перестрелка из орудий и ружей. Пролетало два немецких аэроплана и на окраине г[орода] Цеханова бросали бомбы, от разрыва ранен солдат и *убита* 2 мальчика.

День облачный, солнечный.

Д[еревня] Пржедвоево, 28 января. По всему фронту тишина.

(с. 124) День пасмурный, *ветренный*, к вечеру *осветила солнечными* лучами. Пролетали немецкие аэропланы.

Д[еревня] Пржедвоево, 29 января. День пасмурный с изморосью, а вечером и ночью шел *сильной* дождь.

Ночью редкая неприятельская перестрелка.

Д[еревня] Пржедвоево, 30 января. По фронту без перемен. Оттепель, с утра и до вечера *сильной* дождь.

Д[еревня] Пржедвоево, 31 января. По фронту редкая перестрелка. Проезжая по г[ороду] *Цеханова* узнал, что в резерве нашего / (с. 125) корпуса 27-й корпус, с ним 8 автомобилей с пулеметами. Погода теплая.

Д[еревня] Пржедвоево, 1-го февраля. С утра сильная *орудейная* перестрелка. Неприятель обстреливал дер[евню] Лыснево, куда брошено им 42 снаряда, из которых 22 не разорвались, а остальные разорвались, но не причинили никакого вреда. Пролетали аэропланы, с которых были брошено 2 бомбы, одна из них во время полета попала в телеграф проволочный, упав на землю, не разорвалась. Вид бомбы конусообразный, вес до 10 фунтов.

(с. 126) День солнечный, прохладный.

Д[еревня] Пржедвоево, 2 февраля. Сильная *орудейная* стрельба. За 1-е и 2 фев[раля] выбыло из строя 43-го полка 5 офицеров, 58 н[ижних] чинов и 267 *раненами*.

День теплый, туманный, с половина дня дождик, к вечеру стало слегка морозить.

Д[еревня] Пржедвоево, 3 февраля. Во время отступления неприятелем были оставлены 2 орудия *недалеко* от позиции, за *которами* подходили днем, наши открыли огонь, не давая увезти, подходили и наши, но не *удалось* подойти. В ночь неприятель бросался в атаку / (с. 127) и штыки на 43-й сиб[ирский] полк, при полку находилась кавалерия, которая, заметя неприятеля вышедшими из окоп, бросились в тыл. Долго бились, но не могли выдержать напора русских, побросали оружие, сдались. В этот момент подбежала конница и с тыла стала рубить, не замечая сдавших, через несколько времени битва прекратилась.

Взято в плен 72 ниж[них] чин[а] и 2 оф[ицера], о убитых и раненых не известно. Всех *пострадавших* из нас свыше 200 челов[ек].

Погода *ветренная*, слегка мороз.

Д[еревня] Пржедвоево, 4 февраля.

(с. 128) С утра неприятель обстреливал 3 дер[евни]: Грудуски, Лыснево и Новосельцы. Выпущено по 32 снаряда; деревням не причиняло вреда, кроме как двух солдат ранили.

День холодный, *ветренный* и небольшой морозец; изредка из-за облаков проглядывало солнышко.

Д[еревня] Пржедвоево, 5 февраля.

С ночи и до вечера был бой из всех родов орудий. Один из полков 2-го бат[алиона] бросались в атаку. Бросался в атаку и неприятель. Атака была отбита. Захвачено свыше 320 ниж[них] чинов 8 офицеров.

(с. 129) Наши выбыло из строя 2500 ниж[них] чин[ов] и всех офицеров. Днем пролетали немецкие аэропланы, бросали бомбы, повреждений нет, кроме как от разрыва бомб осколками убило мирного жителя. Погода ветренная.

Д[еревня] Пржедвоево, 6 февраля. Редкий артиллерийский бой. Ночью три раза неприятелем производилась атака, атака была отражена с большими потерями для неприятеля. О потерях наших неизвестно, но пришлось проезжать на другой день битвы по городу, где видел массу подвоз с *раненами*, подвозивших к госпиталям, / (с. 130) которых три. О шедших, не требуя помощи, в подвозке не упоминаю, которые шли по два, по три и партиями, еле двигая ноги; более трудно больных подвозили на автомобилях. Толпа, собравшаяся около госпиталя, встречала раненых кто чем мог: *попиросами*, булками и многим другим.

День теплый с легким ветерком.

Д[еревня] Пржедвоево, 7 февраля. С 2 часов ночи сильная перестрелка, а с 5 часов замолкла. Днем немец бросался в атаку, часть была отбита, а часть его кавалерия в 600 человек зашла / (с. 131) в тыл нашего правого фланга. В дивизии *суматога*. Обоз стали отправлять назад и сами, боясь *нападения* с правого фланга, готовились к отступлению.

За день 7 фев[раля] сильно *пострадало* 2 бат[алиона] 42-го полка, из одного бат[алиона] осталось 9 чел[овек] из 46 человек.

Погода скверная, туман, дождь, грязь. Ужасна картина была 7 февр[аля].

Д[еревня] Пржедвоево, 8 февраля. Неприятель *перешол* реку Макву со всем *орудией*, но перекрестным огнем его отбили, и с потерями отступил до своих окоп. Ночью было обнаружено 2 неприятельских / (с. 132) *баталиона*, которые шли на несколько *колонии*, направляясь на д[еревню] Соколово и *остреливаясь*. Наступление его отбита. Наши бросались в наступление, но без результата. Немец ужасно *силовался* прорвать цепь, дабы зайти в тыл войскам, что правее нас! Наш фронт имеет вид дуги, *окруженный* неприятелем, который *сторається* во что бы ни стало прорвать цепь с какой либо стороне. Нами взято 120 пленных немцев. Потери наши пока неизвестны. Погода тихая, теплая, с / (с. 133) с половина дня проглянуло солнышко, разбрасывая яркие лучи на землю, согревая идущих раненых.

Д[еревня] Пржедвоево, 9 февраля. С утра сильный бой.

Неприятель большими *колоньями* шел вперед и несмотря на большие потери с каждым шагом наступал.

По слухам, его войско пьяно.

Нашим войскам шел в помощь два *баталиона*, которые 7 м[есяце]в не были в бою. Неприятель с правого фланга прорвал цепь, окружил часть нашего войска, захватил шедших (с. 134) 2 *баталиона*, которые и не могли дать выстрела, сдались. Немцам удалось прорваться чуть ли не до г[орода] Прасныша [5] но, к несчастью *нашем*, подоспел в помощь полк, который не мог допустить неприятеля до города. Боясь опасности в проходе неприятеля дальше, дивизия засуетилась и стала готовиться к отступлению. Обоз дивизии в 2 часа ночи были отправлены; остальная команда была наготове к отступлению. К 3 часам прибыл на помощь 2 корпуса, / (с. 135) благодаря немец был задержан и отступление дивизии также. В ночь *орудейные* выстрелы затихли, но ружейные и пулеметные не прекращались. Потери порядочны с обеих сторон [6].

День пасмурный; моросил мелкий дождик.

Д[еревня] Пржедвоево, 10 февраля. С утра открылся *орудейный* бой. С наплыва войск неприятель стал отступать. Русские из города Макова пошли в наступление. Производили насту[п]ление и неприятель. Немцы обстреливали г[ород] Маково.

(с. 136) Многие из жителей получили раны. Вечеру около 6 часов прибыл 1-й корпус в помощь нашей дивизии и пошел во фланге неприятелю.

В ночь открылся непрерывный бой из тяжелых и полевых *орудии*. Раненых и убитых очень мало. Со стороны неприятеля потери, т[ак] к[ак] он большею частью производил наступление.

Ночь под 10 фев[раля], весь день и ночь под 11, была наготове, проведя бессонные ночи.

День *посмурный, ветренный*.

Д[еревня] Пржедвоево, 11 февраля.

Неприятели *атакавали* (с. 137) г[ород] Прасныш, в котором по некоторым сведениям находятся два *баталиона*. С правого фланга, обстреливая 2 корпус, а с левого – 1-й, после обстрела пойдут в наступление. Левее Прасныша немец большими *колонями* наступает. С 2 часов утра и до 6 час[ов] вечера сильный *залповый* бой, отбивая атаку неприятеля. С 6 и до 11 час[ов] и редкая стрельба, а с 11 и до 12 1/2 час[ов] залповый беспрестанный бой, *отрожая* неприятеля.

Погода пасмурная, с[лабый] морозец.

(с. 138) Д[еревня] Пржедвоево, 12 февраля. С ночи бой не прекращался, но был редкий, а с 9 час[ов] утра усилился из тяжелых орудий. Неприятель не стал бросаться в атаку и наступать. Нашими взято в плен 500 н[ижних] чинов и 2-х офицеров. Бросались в штыки. Один из *баталионов* лишился многими солдатами, так что в строю осталось 150 чел[овек]. Ночью наши бросались в атаку и захватили 500 н[ижних] ч[инов], 13 оф[ицеров], 4 пулемета, 3 кухни и обоз. С 9 часов *артеллерийский* / (с. 139) бой прекращался, а был из пулемет и винтовок. С 12 ч[асов] ночи по фронту тихо. Неприятель отступает. Погода пасмурная, шел пушистый снег, но ненадолго. С 1-го и по 12 февраля 43-й полк потерял 2 оф[ицера] уб[итыми], 1 ранен и 2-х без вести пропавшими. 291 ниж[ний] чин ранен и без вести пропавшими 27 человек.

День пасмурный и л[егкий] ветерок.

Д[еревня] Пржедвоево, 13 февраля. Утром редкая перестрелка, которая сменилась *ружейнами* выстрелами, к половину (с. 140) дня прекращалась и снова возобновлялась, 7 часов совсем *прикратилась*. Весь день шли и везли на автомобилях раненых.

Погода теплая и легкий морозец.

Д[еревня] Пржедвоево, 14 февраля.

На рассвете наши наступали на деревни Залог, Цыбалы, Лагун и Малишен, которые и были заняты. В этих деревнях нашими захвачено до 3000 ниж[них] чинов и несколько офицеров (13).

Наши пойдут в наступление на д[еревню] Хайново, дабы отбить неприятеля, идущего по шоссе / (с. 141) дороги назад. В 10 часов вечера захвачен г[ород] Прасныш, где был сильный бой в улицах города. Вначале, билась пехота, а потом на помощь двинули 2 *бранированных* автомобиля, при помощи которых немцев выбили. Ночью взято д[еревня] Хайново. Неприятель отступает, русские преследуют. Потери большие, в городе Прасныше, который был захвачен дня три тому назад, было нашего войска не 2 *баталиона*, а 7, 12 пулемета и 30 орудий. Все было взято / (с. 142) в плен.

День солнечный, ясный, к вечеру мороз.

Д[еревня] Пржедвоево, 15 февраля. Нашим войскам приказано с 7 часов утра наступать и занимать по шоссе деревни, а 1-й кор[пус] с кавалерией – из Хайнова наступать по направлению к д[еревне] Павлово, которая левее, дабы оттеснить дальше неприятеля. За весь день было 3 неприятельских выстрела. С утра и до вечера на автомобилях перевозили больных в город / (с. 143) Цеханов.

День теплый, солнечный, к вечеру мороз.

Д[еревня] Пржедвоево, 16 февраля. Неприятель отступает. Наши его преследуют. Штаб дивизии переезжают версты на три вперед в д[еревню] Шульмерж, в имение богатое, расположено на полувозвышенности. С восточной стороны деревни небольшая горка, по которой проходит шоссе / (с. 144) часть занята полем и лесом, с *западной* и северной – лес и деревня. Двор большой, с большим фруктовым садом; постройка богатая. Штаб разместился в доме помещика, а конвойная полусотня – в *халупах* у поляков, которые обслуживают его; самого помещика нет, он в Германии, где захватила его война.

Ночью выпал снежок, который к вечеру от ярких лучей солнца стаял.

(с. 145) Д[еревня] Шульмерж, 17 февраля. Неприятель в некоторых местах делал наступление, остальные его части укреплялись. Наступление было отражено. По всему фронту с 1 часу ночи нашим войскам наступать.

С утра шел снег, день холодный.

Д[еревня] Шульмерж, 18 февраля. С утра приказано 3-м корпусам наступать. Неприятель усиленным огнем обстреливал и отступал. Штаб дивизии передвигался вперед и остановился в / (с. 146) фольварке Виснево-Дзерное, фольварк небольшой; расположен на равнине, кругом его поле. Двор фольварка окружен постройками для животных, где разместили лошадей и расположились сами. Погода *ветренная*, морозная градусов до 10.

Ф[ольварк] Виснев-Дзерное, 19 февр[аля]. С утра неприятель обстреливал д[еревню] Грудуски, где от снарядов было сожжено несколько домов. Днем бросался в наступление и атаку. Нашими был снят пост сторожевого охранения / (с. 147) неприятеля численностью в 23 человека.

День морозный, падал крупный снег.

Ф[ольварк] Виснево-Дзерное, 20 февраля. Ночь и утро сильный бой из пулемета и орудий. Наши и неприятели производили атаки и наступление. Атака для нас и неприятеля безуспешны.

К половине дня открылся ожесточенный *артеллерийский* огонь. За три дня с 18 и по 20 февраля наши потеряли около трех баталионов, из которых собрали только роту. Погода морозная, *ветренная*.

(с. 148) Ф[ольварк] Виснево-Дзерное, 21 февраля. С 7 часов ут[ра] наступление нескольких дивизии. Одному из наших полков – во что бы то ни стало и несмотря на потери занять г[ород] Млаву.

Наступление не так удачно. Предназначенный полк не мог выдержать сильного напора неприятеля. По соседству дивизия продвинулась вперед.

День солнечный.

Ф[ольварк] Виснево-Дзерново, 22 февраля. До 4 часов дня не было стрельбы / (с. 149) а потом наши пошли в наступление на деревню Насоржево. Обстреливали ее из тяжелых и

полевых *орудии*; ночью производилась атака, вначале атаки было продвинулись вперед и заняли передние позиции, но под сильным напором снова отступили и заняли прежние позиции.

День морозный, солнечный.

Ф[ольварк] Виснево-Дзерново, 23 февраля. Неприятель, по некоторым сведениям, получив подкрепление, / (с. 150) *силовался* и несмотря на потери продвигался вперед. Наши, не имея возможности противостоять, отступали и укреплялись, ожидая подкрепления. Большую частью наступали на правый фланг, т[ак] к[ак] часть того войска, что на фланге, находилась в углу. Боясь прорыва, штаб дивизии отступал и занял *прежнюю* д[еревню] Шульмерж.

День солнечный.

Д[еревня] Шульмерж, 24 февраля. С утра сильный бой; неприятель наступал, наши войска отступали и занимали / (с. 151) прежние позиции.

Д[еревня] Шульмерж, 25 февраля. Неприятель быстро двигался вперед и занимал деревни и *останавился* в 4 вер[стах] от д[еревни] Грудуски и стал обстреливать *фольворок* Виснево-Дзерново, который и был сожжен. Наши войска заняли укрепленные позиции с хорошими проволочными *загрождениями*.

День ветренный, морозный.

Д[еревня] Шульмерж, 26 февраля. Редкая перестрелка. Неприятелем были брошено 2 снаряда такие, что многие / (с. 152) удивлялись и задавали вопрос: откуда, с какой стороны могли лететь? От разрыва его вблизи *находящие* окопы завалились, осколки летели на далекое расстояние, место, где разорвался снаряд, взрыто на 6 аршин глубины, яма 2 1/2 *сажня* ширины. Повреждение никаких. Прибыло много пополнение войск убывших, прибыло 1250 человек.

Погода пасмурная, выпал снег.

Д[еревня] Шульмерж, 27 февраля.

Неприятель наступал с большими для него потерями, / (с. 153) отступил, не подобрав своих раненых.

День пасмурный теплый.

Д[еревня] Шульмерж, 28 февраля. Наши войска производили наступление. Со стороны неприятеля в разные стороны бросали из тяжелых *орудии*. Потери неизвестны. За февраль месяц выбыло из строя до 15 000 человек.

День солнечный, теплый.

Д[еревня] Шульмерж, 1 марта. До 12 часов дня редкая перестрелка, а с 12 уменьшалась. Ночью были атаки неприятеля, которые были / (с. 154) отражены с потерями для неприятеля.

День шол хлопчатый снег.

Д[еревня] Шульмерж, 2 марта. С ночи открылся сильный *артеллерийский* бой по нашим войскам. Наше войско делало наступление ночь и день. К вечеру артиллерийский бой прекращался, но из пулемет и ружей не прекращался. Наши достигли успехов, заняли передовые позиции неприятеля, хотя и потерпели убытка, но остались в *ихах* окопах.

День был солнечный ясный.

(с. 155) Д[еревня] Шульмерж, 3 марта. В 7 утра открылся артиллерийский огонь, к вечеру умолк. *Предполагается* в ночь наступление.

С утра погода мягкая; к вечеру выпал снег.

Д[еревня] Шульмерж, 4 марта. Днем сильный артиллерийский огонь, были и пулеметные выстрелы. Наши наступали и при больших потерях не достигли никакой цели.

День солнечный морозный.

Д[еревня] Шульмерж, 5 марта. Редкая *орудейная* стрельба и сильные пулеметные выпалы / (с. 156) и залповые оружейные. Днем наши бросались в наступление и были отражены неприятелем. Ночью производилась сильная *орудейная* стрельба по неприятельским разведчикам. Потери за 5 марта большие, [в] т[ом] ч[исле] из одного *баталюна*, в котором *числется* до 1000 ч[еловек] остались годны защищаться и носить оружие 18 человек.

День морозный, солнечный, ночью выпал снег. (Надо помнить, что наши наступали по мерзлой земли.)

Д[еревня] Шульмерж, 6 марта. Не достигнув никакой цели, за прошлую ночь наши / (с. 157) отступили и заняли прежние *укрепленные* окопы.

День холодный, *ветренный*.

Д[еревня] Шульмерж, 7 марта. Наши наступили и отбили немца на 200 сажень, а наши продвинулись вперед, но, как нельзя укрепиться на *мершей* земле, снова отступили.

День морозный с большим ветром и *мятель*.

Д[еревня] Шульмерж, 8 марта. Производили наступление с 12 часов дня.

Неприятель сильно обстреливался. Цели никакой не достигли. Потери с обеих сторон не / (с. 158) известны.

День теплый, солнечный.

Д[еревня] Шульмерж, 9 марта.

Описание Перемышля.

Перемышль – первоклассная крепость, лучшая во всей Австрии. Перемышль расположен на обоих берегах Сана, в среднем его течении, и рассчитан на гарнизон не менее 40,000 человек. В настоящее время гарнизон Перемышля был доведен до 60,000 человек.

Укрепления Перемышля состоят из внутренней оборонительной линии и *внешней* линии обороны. / (с. 159) Внутренняя оборонительная линия состоит из 5 больших сомкнутых укреплений и 20-ти малых, связанных между собою более *слабами* промежуточными фортами в одну непрерывную центральную ограду. Эта ограда имеет 15 километров протяжения и на правом берегу охватывает город, а на левом – обширную свободную площадь, лишь отчасти занятую городскими предместьями. Вследствие командования левого берега реки Сана над правым часть ограды на этом берегу является как бы военным центром всей крепости.

(с. 160) Внешняя линия обороны – позднейшего происхождения. Она была начата постройкой в 1880-х годах и закончена лишь в 1913 году.

При сооружении этой линии, по-видимому, прежде всего, преследовалась цель обеспечения войск, переправляющихся через Сан в пределах внутренней линии на северном фронте. Здесь линия обороны отодвинута на 6 километров от мостов. На северо-западном и западном фронтах пришлось занять естественные позиции у деревни Лентовня, имеющую перед собою широкую долину. К / (с. 161) западу от этой позиции, в 6-ти километрах, находится командующая высота Карезмарово. На *юго-западном* фронте внешняя линия обороны отодвинута на 5–6 километров от мостов. Южный, юго-восточный и восточный фронты, ограниченные пространством между Саном и Виаром, пересекаются единственной железной дорогой, идущей на Львов, что делает все эти фронты наиболее удобными для постепенной из них атаки. На всех фронтах внешней обороны имеется 9 больших / (с. 162) долговременных фортов и 10 малых, 10 больших временных батарей и укрепления и 7 малых. *Общее* протяжение линии фортов 42 километра, среднее расстояние между ними не менее одного километра. Все части крепости связаны между собой сетью шоссе и рельсовых путей.

Вооружение Перемышля весьма сильное. Наилучшие подступы к крепости расположены со стороны линии Ольшаны – Федрополь и от вершин Карумарово и Козевица. Перемышль имеет громадное / (с. 163) стратегическое значение как узел железных дорог, ведущих в Вену и в Венгрию к Будапешту, и как пункт, прикрывающий путь к Карпатам и на западе – к Кракову.

С взятием Перемышля перед *нашей* армией открывается широкая перспектива движения на Краков и дальше вглубь Австрии и Венгрии.

Находящийся при крепости город Перемышль не имеет важного административного и *политического* значения.

Население его, в последнее / (с. 164) время выселенное крепостной администрацией, доходило до 60,000 человек.

В крепости в последнее время квартировал штаб 10-го армейского корпуса, 24-й пехотной дивизии, 47-й и 48-й пехотных бригад и 10-й полевой артиллерийской бригады.

У нас на фронте 9 марта с утра редкая перестрелка, с 10 час[ов] неприятель бросался в контратаку, которая была отбита, на Австрийском фронте взята крепость Перемышль. Всего захвачено 9 генер[алов], 93 штаб[ных] оф[ицера], 2,500 обер-оф[ицеров], 117000 н[ижних] ч[инов] и до 2500 орудий. День теплый, солнечный.

(с. 165) Д[еревня] Шульмерж, 10 марта. В 10 час[ов] в штаб приехал священник и отслужили *благодарственную* молебен о победе нашими войсками и взятия Перемышля, в этот радостный день офицеры и н[ижние] чин[ы] были [в] веселом настроении.

К вечеру открылась редкая перестрелка. Прибыло на пополнение убывших из дивизии сверх 500 человек.

День теплый, жаркий.

Д[еревня] Шульмерж, 11 марта. По всему фронту тишина, ни одного выстрела.

День солнечный, теплый.

(с. 166) Д[еревня] **Шульмерж**, 12 марта. На фронте без перемен. До половина дня выглядывало солнышко, а с половина пошел дождь.

Д[еревня] Шульмерж, 13 марта. С 9 час[ов] в[ечера] неприятелем брошено 10 снарядов, из которых 1 разорвался, не причинив никакого вреда, а остальные не разорвались. С 9 час[ов] в[ечера] левый фланг часть нашего войска производил наступление. Неприятель открыл огонь из всех родов *орудии*. О потерях не известно.

День пасмурный грязный к вечеру *заморизило*.

(с. 167) Д[еревня] Шульмерж, 14 марта. Без перемен.

Теплый солнечный день с легким морозцем. Вечером выпал снег на вершок.

Д[еревня] Шульмерж, 15 марта. С утра редкая перестрелка. В ночь один из полков дивизии производил вылазку. Выбыло из строя 16 человек н[ижних] чин[ов]: 13 раненых, 3 уб[итых] и 1 оф[ицер]. Взято в плен 3 немца, из которых 2 умерло, а одного доставили в штаб.

Тихий, теплый, солнечный день.

Д[еревня] Шульмерж, 16 марта. Очень редкая залповая перестрелка / (с. 168) редка. Неприятелем подожжена д[еревня] Михайлово в 3 местах. Погода теплая, солнечная, к вечеру морозец.

Д[еревня] Шульмерж, 17 марта. Редкие неприятельские выстрелы, которые не причиняли никакого вреда.

С утра тепло, солнечно, а к вечеру морозило.

Д[еревня] Шульмерж, 18 марта. Редкая перестрелка с обеих сторон. Неприятелем подожжена *халуна*. День пасмурный.

Д[еревня] **Шульмерж**, 19 марта. Никаких перестрелок. По фронту тишина. Прибыло 1000 / (с. 169) молодых солдат для пополнения рядов.

День теплый солнечный.

Д[еревня] **Шульмерж**, 20 марта. Без перемен. Прибыло 2 роты солдат для пополнения. Пролетали немецкие аэропланы, бросали бомбы, но вреда не причиняли. День солнечный.

Д[еревня] **Шульмерж**, 21 марта. До вечера не было слышно ни одного выстрела, а потом открылись ружейное, которое скоро же и прекратилась.

До половина дня светило солнце, а потом небо *завалакивало* облаками.

(с. 170). Д[еревня] Шульмерж, 22 марта. Без перемен.

День солнечный.

Д[еревня] Шульмерж, 23 марта. Без перемен.

До половина дня светило солнце, *посмурно*, ночью шел дождь.

Д[еревня] Шульмерж, 24 марта. Изредка слышались выстрелы.

День пасмурный, дул легкий ветерок.

Д[еревня] Шульмерж, 25 марта. Без перемен.

День пасмурный, к вечеру шел незначительный дождичек.

Д[еревня] Шульмерж, 26 марта. Без перемен. Прибыло на пополнение / (с. 171) до 600 ниж[них] чинов.

Погода пасмурная, дождь.

Д[еревня] Шульмерж, 27 марта. Редкая *рудейная* перестрелка. День пасмурный.

Д[еревня] Шульмерж, 28 марта. Перемен нет. День солнечный.

Д[еревня] Шульмерж, 29 марта. Редкая перестрелка. Обстреливали пролетающие над городом аэропланы. С аэропланов бросали бомбы, которые разрывались, разбивали *зданици*, много было раненых.

Д[еревня] Шульмерж, 30 марта. Редкая перестрелка. День пасмурный, к вечеру шел / (с. 172) незначительный дождичек.

Д[еревня] Шульмерж, 31 марта. Редкая ружейные выстрелы.
 День пасмурный.

Д[еревня] Шульмерж, 1 апреля и по 7-е включительно без перемен, за исключением 3 апреля ночью перестрелка из пулемет, 6–7 [апреля] прибыло до 400 солдат на пополнение.

Д[еревня] Шульмерж, 8 апреля. Ночью редкая перестрелка.
 День теплый, ясный.

Д[еревня] Шульмерж, 9 апреля. Пролетали немецкие аэропланы, по *которам* были выстрелы, один из них был подбит, и он упал на проволочное *загрождение* неприятеля.

(с. 173) Д[еревня] Шульмерж, 10 апреля по 13-е. Без перемен. Дни солнечнай.

Д[еревня] Шульмерж, 14 апреля. Сильная перестрелка, неприятелем подожжены 2 деревни.

Потери неизвестны.

Д[еревня] Шульмерж, 15 апреля. Неприятель бросался в атаку и был отбит. Потери наших незначительны.

День жаркий.

Д[еревня] Шульмерж, 16 апреля. Сильный артиллерийский бой.

Д[еревня] Шульмерж, 17 апреля. Ночью и утром сильный непрерывный артиллерийский бой, пулеметный и ружейный. День солнечный.

(с. 174) Д[еревня] Шульмерж, 18 апреля. Усиленная перестрелка утром, к вечеру утихло.

День солнечный.

Д[еревня] Шульмерж, с 19 и по 20 апреля. Без перемен.

Д[еревня] Шульмерж, 21-го апреля. С 2 часов ночи разведчики в несколько рот разведывали о неприятеле. Исполнив задачу, заняли *означенную* деревню и передовые позиция.

День солнечный, дул северный ветер.

Д[еревня] Шульмерж, 22 апреля. Утром редкая перестрелка, которая скоро стихла.

Д[еревня] Шульмерж, 23 апреля. Наступление немцев частями, / (с. 175) которые и были разбиты. Нашими *потеряло* 17 убитых около 100 *раненами*. Насчитывают до 1000 убитых немца и 11 захвачено в плен. Пленные задавали *некотарые* вопросы, которые отвечали, что наши мечтают о победе и что наши войска подходят уже к Москве.

День ветренный.

Д[еревня] Шульмерж, 24 апреля. Один из полков дивизии производил разведку, по которым был открыт огонь.

Разведчиками снято неприятельское сторожевое охранение. Потери наших за 23–24-е небольшие.

(с. 176) Д[еревня] Шульмерж, 25 апреля. С утра и до 9 часов вечера тихо, а потом открылась *залоповая орудейная* стрельба.

Д[еревня] Шульмерж, с 26 и по 28-е апреля. Без перемен.

Д[еревня] Шульмерж, 29 апреля. До вечера не происходило ничего, а с начала ночи три роты пошли в наступление, которые, пройдя 3 проволочных *загрождения*, дошли до окоп, но под сильным напором немца отступили. Потери не велики. День солнечный.

Д[еревня] Шульмерж, 30 апреля. Без перемен.

Д[еревня] Шульмерж, с 1-го и по 21 мая. По фронту без перемен.

(с. 177) Пролетали *изредко* аэропланы, бомбы не бросались.

Погода за эти дни менялась: жар, ветер, буря, по ночам моросил дождичек.

Д[еревня] Шульмерж, 22 мая. Вечером на позициях с неприятельской стороны выбрасывались белые, черные, красные флаги, причины неизвестны.

Д[еревня] Шульмерж, с 23 и по 28-е мая. На фронте затишье.

26 мая, около 12 часов ночи. От неизвестной причины загорелись конюшни, в которых помещались наши и многие другие, там же находились и казаки, которые, видя *неминуемой* опасность, / (с. 178) бросились бежать, спасли половинную часть лошадей, сами повыбежали, кто в чем был.

Д[еревня] Шульмерж, 29 мая. С 9 часов вечера открылась *орудейный* редкий огонь, который в ночь усилился и до утра не умолкал, ружейный и пулеметный беспрерывно гремел, особенно перед утром.

Неприятель большими колонами наступил на один из полков нашей дивизии, подпустив его до проволочного *загрождения*, наши открыли усиленный огонь, где их положили большое количество.

Неприятель отступил. Наши потеряли уб[итыми] 5, *ранеными* 15, контужено 2-е. Погода жаркая, *ветренная*.

(с. 179) Д[еревня] Шульмерж, 30 мая. Утром редкая перестрелка, к половине дня стихло.

Д[еревня] Шульмерж, 31 мая. Перемен никаких.

Д[еревня] Шульмерж, 1 июня. Сильная перестрелка.

День пасмурный с *маленьким* дождем.

Д[еревня] Шульмерж, 2 июня по 4-е без перемене[н].

Д[еревня] Шульмерж, 5 июня. Ночью немец *просался* в атаку на сорок третий полк, которые его подпустили саженой на тридцать и открыли огонь из пулемет, днем трупов *нащитавалось* около 300 человек.

(с. 180) Наши отбили *неприятелький* натиск без потерь.

Д[еревня] Шульмерж, 6 июня. Днем пролетал неприятельский аэроплан, которого обстрелива[ли] из *орудии*.

День сильный жар.

Д[еревня] Шульмерж, 7 июня и по 10. На фронте без перемен, кроме как ежедневно пролетали неприятельские аэропланы, которые обстреливались из *орудии*.

Погода жаркая.

Д[еревня] Шульмерж, 11 июня. С утра тишина, к вечеру слышно было несколько выстрелов из *орудии*. День сильный жар, к вечеру поморосил *маленький* дождик.

(с. 181) Д[еревня] Шульмерж, 12 июня. До 16 июня без перемен.

Погода жаркая.

Д[еревня] Шульмерж, 17 июня. С 3 часов ночи неприятель вел атаку на 44-й полк, атака его была отбита пулеметным и ружейным огнем.

С нашей стороны потерь не было, с неприятельской неизвестно. День шол *сильнай* дождь.

Д[еревня] Шульмерж, 18 по 21 июня. Без перемен.

18-го был дождь, а эти дни *прохладнаи*.

Д[еревня] Шульмерж, 22 июня. Ночью были отправлены два немца порезать наше проволочное *загрождения*, которые были сильно / (с. 182) пьянаи, напали на наш пост, при опросе нашими солдатами они с испуга бросили винтовки и шумят: русские не стреляйте, мы ваши, их взяли и *приставили* в штаб дивизию в 11 час[ов] дня. Из *рассказов* пленных видно, что им уже надоело.

Пленнаи – немцы, поляки.

День сильный жар.

Д[еревня] Шульмерж, с 23-го июня и по 30 перемен никаких, за исключением 26, в какой-нибудь неприятелем было брошено по деревне Грудуска 80 снарядов, которые не причинили вреда, кроме как убит стрелок, стоявший на часах; 27 июня разведчики / (с. 183) неприятеля подошли к проволочному *загрождению* (численностию в 20 чел[овек]), завидя их, наша цепь бросилась на них, из коих захватили 3 чел[овека] в плен, а остальные успели убежать; 28-го июня было захвачено 3 *кавалерийста*-разведчика, по рассказам которых, без сопротивления сдались.

29 июня. Наши разведчики в 60 человек подошли к проволочному *загрождению* неприятелю, окопались, ту же ночь разведчики неприятеля порезали первый ряд проволочного *загрождения*, окопались и *выстановили* сзади себя цепь, цепь и разведчиков неприятеля, / (с. 184) наши разведчики не заметили неприятеля, участь наших разведчиков не известна. В ночь под 30-е июня одному из наших полков велено наступать, до наступления наших неприятель открыл огонь. В 7 часов утра 30-го был *преведен* пленный унтер-офицер (поляк) который рассказывает, что в их частях издали приказ, во что бы то ни стало *захватить*, занять деревню Грудуску (по рассказам его, отбит весь Млавский фронт по г[ород] Цеханов.

Немец наступает; командует фронтом Гинденбург; неприятель наступает, открылся / (с. 185) усиленный бой из орудий и пулемет. Предназначенная задача о взятии Грудуска неприятелем сбылось. Наши потеряли большое количество войска.

Войска постепенно стала отступать. Обоз штаба дивизии был отправлен вперед в дер[евню] Врублевку штаб дивизии не передвигался.

Д[еревня] Рублевка, 10-го июля, 25 вер[ст].

Наше войско пошло было в наступление, но *отаками* неприятеля с большими потерями отступили. Пробыв часов 5 в Рублевке, обоз передвинули в д[еревню] Луково (бывший (с. 186) сах[арный] зав[од]), куда прибыл и штаб дивизии. Неприятель большими *колонами* наступает. Русское войско терпит большие потери.

День *шол* дождь.

Д[еревня] Луково, 2 Июля. 15 вер[ст], 22 вер[сты]. Перешли в д[еревню] Пржеводово. Немец подвигался к г[ороду] Цеханову.

11-я дивизия упорно держалась, хотя с большими потерями, не давала быстро продвигаться вперед неприятелю, в одном из полков дивизии за 2 июля осталось не больше 100 чел[овек].

По фронту наши отступают.

Д[еревня] Пржеводово, 3 июля. Нашей дивизии шел на (с. 187) помощь 3-й, 4-й корпус, из них 4-й корпус бился вместе с 11 див[изией]. Кроме корпуса 3-го прислали 3 сотни казаков численностию в 500 человек для задержания бегущих солдат с позиции. Не имея поддержки, казакам пришлось залечь в окопы, потом *посадились* на лошадей, которые были *сботованы*, бросились в атаку и, прорвав 4 цепи неприятеля, напали на *баталионе* немцев, которые от страха побросали оружие, и с *поднятыми* руками: «мы сдаемся». В момент с фланга открыли пулеметный / (с. 188) огонь и бросились в атаку, не пришлось спастись всем. Дивизия со дня на день убывала. Для поддержки в распоряжение дивизии прибыло 3 дивизии и 21 казачий полк. Бой усилился.

День *шол* си[ль]ный дождь.

Д[еревня] Пржеводово, 4 июля. 18 вер[ст]. В 11 часов ночи обоз передвинули в д[еревню] Топольницы. Штаб дивизии переехал в д[еревню] Бульки. Бои не так стали сильны. 3 Июля 2 *баталиона* попали в плен; один из полков дивизии получил большой урон, так что сражаться уж не мог, за / (с. 189) *молочисленностию* солдат подали назад.

День солнечный, легкий ветерок.

Д[еревня] Топольница, 5 июля. 22 в[ерсты].

Обоз передвинули в д[еревню] Скушово, потом в д[еревню] Обромбек, где соединились со штабом дивизии. 11-я дивизия за малочисленностию войск отправлена в резерв корпуса.

День солнечный.

Д[еревня] Обромбек, 6 июля. 40 вер[ст].

Предназначено всей дивизией 12 вер[ст] перейти в д[еревню] Яскулово.

День солнечный.

Д[еревня] Обромбек, 7 июля. Яскулова.

Д[еревня] Яскулова, 8 июля.

(с. 190) Дивизия в составе *баталиона*, оставшаяся от боев, отправлена на позицию заменить 2-ю дивизию 27-го корпуса; 2-я дивизия на правый фланг Туркестанского корпуса, где неприятель наступал большими *колонами*.

Д[еревня] Яскулово, 9 июля. В 11 часов ночи перешли ближе 5 вер[ст] к позиции в д. Кржички-Живички. Неприятель отступил.

Д[еревня] Кржички-Живички, 10 июля. Пролетали аэропланы и над шедшей пехотой на позицию сбросили 2 бомбы, 1 убит и 40 человек ранено.

30 вер[ст] Сероцк Варшавской губернии, 11 июля.

(с. 191) И снова переход в д[еревню] Гусоватка.

Д[еревня] Гусоватка, 12 июля. Неприятель занял г[ород] Пултуск, наши отступали.

Д[еревня] Гусоватка, 13 июля. В ночь под 13-е редкая *орудейная* стрельба, в ночь стала затихать. Нашему корпусу приказано наступать, обоз передвинулся в г[ород] Радымен.

Г[ород] Радымен, 14 июля. Во время наступления наш корпус отгеснил немца назад и захватили у него свыше 700 пленных и более 10 пулемет, захвачено 11-й дивизией 2 *орудии*, (с. 192) немцы сдавались самовольно в плен, но наши *болшею* частью кололи, мстя им же за

прежнее. Немец забирал в плен наших, закалывал солдат. Немцы отступали, бросая по дороги все.

Г[ород] Родиминск, 15 июля. С нашей стороны *орудейная* ружейная и пулеметная стрельба; с неприятельской – ружейная и пулеметная.

Г[ород] Родымен, 16 июля. Днем сильная перестрелка, наши бросались в атаку и отбили немца на 3 вер[сты]. Штаб 11-й див[изии] переведен в резерв корпуса для пополнения.

(с. 193) Г[ород] Родымен, 17 июля. Прибыло на пополнение дивизии 4,000 солдат.

Дача, 14 в[е]р[ст] от Варшавы. Струга, 18 июля, 8 вер[ст], дача. Прибыло на укомплектования 2,000 солдат.

Д[еревня] Струга, 19-го июля. Прибыл 1 *баталион* в 4,000 ч[еловек].

Д[еревня] Струга, 20-го – 24 июля. Перемен в дивизии нет. На фронте *сильнаи* бои. 24 вер[сты]. Переход в д[еревню] Туже.

Д[еревня] Туже, 25 Июля.

15 вер[ст]. Переход в д[еревню] Бржозовица.

Д[еревня] Бржозовица, 26 июля.

30 вер[ст] в д[еревню] Королево.

С 26 по 28 июля 45 вер[ст].

Переход в ф[ольварк]к Верхуце Надго / (с. 194) рное Любленской губернии[и].

Ф[ольварк]к Верхуце-Надгорное, 28 июля.

45 [верст]. Переход в д[еревню] Поплатки.

Д[еревня] Поплатки, 29 июля и 30-го.

Перешли в д[еревню] Кальница.

31 июля, Кальница.

15 вер[ст]. Переход в д[еревню] Августов. 1 августа. Наши войска постепенно отступают.

2 августа. Переход в деревню Саки.

20 вер[ст]. День *шол* дождик.

3 августа. Переход Тыневичи.

12 вер[ст]. День солнечный, ясный, на фронте *сильнаи артиллерийский бои*.

4 августа, Тыневичи. Простояв до 9 августа, неприятель *зделал* прорыв, нам пришлось перейти в д[еревню] Доротин. День солнечный.

9 августа, Доротин. Переход 4 версты.

(с. 195) В Доротине простояв 3 суток, потом перешли в д[еревню] Гараймово, 15 верст. День солнечный.

13 августа. Переход в д[еревню] Подозерное, 18 вер[ст]. День солнечный.

14 августа. Переход в д[еревню] Павлюшки.

20 вер[ст]. День солнечный.

В Павлюшки, простояв 3 суток, перешли в д[еревню] Эйминовцы.

17 августа. Эйминовцы переход в дер[евню] Новосельск 26 вер[ст]. День солнеч[ный].

18 августа, Новосельск. Переход в местечко Рось 25 вер[ст]. День *шол сильнай* дождик.

19 августа, Рось. Простояв 4 суток, переход [в] местечко Пески.

23 августа, Пески. Простояв сутки, переход в д[еревню] Стукалы, 18 вер[ст].

(с. 196) 25 августа, Стукалы. Простояв 3 суток, переход в д[еревню] Орля, 25 вер[ст].

28 августа. Переход в местечко Желудок, 10 вер[ст].

День солнечный.

29 августа, м[естечко] Желудок, переход в д[еревню] Доровцы 7 вер[ст].

30 августа, д[еревня]. Простояв 6 суток, переход в д[еревню] Дроздово 20 вер[ст].

6 сентября, Дроздово, в Доровцы 20 вер[ст].

7 сентября, Доровцы, в д[еревню] Новинка 18 вер[ст].

8 сентября, Новинка, в д[еревню] Любче 25 вер[ст].

9 сентября, Любочь, в д[еревню] Чапаны 10 верст.

(с. 197) 10 сентября, д[еревня] Чапаны в м[естечко] Любче 10 вер[ст].

11 сентября, Любче в д[еревню] Налибок 25 вер[ст], где *преостановили* врага около реки Немана и перешли назад в Охотничий дом в ф[ольварке] Буду.

Во время отступления пройдено пешком 535 верст, потом получили лошадей и проехали на мешках 243 версты, итого прошли за два с половиной месяца 778 верст.

До 18 сентября простояли в д[еревне] Налибок, потом перешли в охотничий дом ф[ольварка] Буду.

19 сентября.

(с. 198) Охотничий дом стоит на полянке в лесу, к [ко]торому к углу *присоединилась горюдьба*, во дворе были поставлены несколько кормушек для зимнего кормления зверей. Против дома поставлены два орудия для обстрела неприятельских аэропланов. Дом богатый, в котором много *чучелов* разных зверей и птиц. В доме поместились *офицера* штаба дивизии, в окружности дома *поустроили* землянки и конюшни *конвоинная* сотня и штаб 21-го казачьего полка и сотня уральских казаков 2-го уральского полка.

(с. 199) В сажнях двести от дома на север *построилась* 1-й *лозорет* 11-й сибирской стрелковой дивизии. От охотничьего дома фольварка Буду с востока на запад простирается дуг на лесопильный завод Голендерна, откуда ночью *достовляли* доски для построек землянок и конюшен. Опишу свою трудовую землянку, которая имеет 5 ар[шинов] ширины 6 ар[шина] *долины* и полтора аршина глубины. Верхняя часть покрыта дерном. Землянка поставлена так, что окном / (с. 200) на юг и дверью на север. При входе в землянку устроен *на весек*.

Войдя в землянку, тебе первым делом бросается в глаза окно, что против дверей, пред окном стол, по *левою* и *правою* сторону стола *коики* на два человека, с правой стороны в конце койки печь, с левой ящик для дров.

Стены оббиты досками, верх оклеен бумагой пол *дощачетый*. Кстати позвольте заметить читателю, что при входе в землянку с правой стороны в стене (с. 201) устроен шкаф для посуду.

Ведро, лампу, тазик для умывания *соурожен* мастером из круга нашего.

Лес, где *остановился* штаб, длина его простирается на 80 вер[ст], а ширина на 25 вер[ст], об опушку леса устроены наши позиции, в этом лесу непроходимые места, дикого зверя и разных птиц очень много, хозяин этого леса и охотничьего дома Фальцвеэн.

Ф[ольварк] Буду, с 19 сентября по 24 сентября. Без перемен.

Лесной двор Буду, 24 сентября. С утра редкая перестрелка до 2 часов дня. Кроме как (с. 202) ночью под 25-е нашей дивизии разведчики пошли в разведку и разделились на две партии, одна партия подошла к неприятельским окопам и скрылись в лесу, а другая партия заставила себя обнаружить, немцы когда заметя наших и пошли в атаку, наши *подпустили* к себе поближе, а другая партия открыла огонь с тыла из ружей и пулемет и ни одного немца не выпустили кроме как десять живыми взяли в плен, а *остольных* всех перекололи. День солнечный / (с. 203) и легкий ветерок.

Охотничий дом Буду, 25 сентября. С утра редкая перестрелка из *тяжолых орудие*.

Наши разведчики *зделали* засаду из 100 чел[овек], где немцы во время дня производили работу. 26-го утром шло немцев 150 человек, подойдя к нашей засаде, не чувствуя ничего, взялись за прежнее дело: кто лес рубил, кто бревна *тоскал*, *премо* расположились, как дома, за большой цепью впереди себя. Вдруг посыпались пули в рабочих, они сделали панику и бросились / (с. 204) бежать в *разнаи* стороны. 25 человек взято в плен, 105 человек убиты, 20-ть убежало, из наших убыли было 2 чел[овека] убито и 3 ранено.

Пленнаи были *приставлены* в штаб дивизию и отправлены в штаб корпуса.

День пасмурный.

Охотничий дом Буду, 26 сентября. Весь день тишина, только с 5 1/2 ч[асов] была редкая перестрелка, в ночь все затихло.

День пасмурный.

Охотничий дом Буду, 27 сентября.

Нашей дивизии было приказано с 12 часов дня *зделать* носту / (с. 205) пленение на деревню Новогрудки, которую занимали немцы.

Сначала сделали несколько *орудейных очиридей*, когда наши зажгли деревню, немцы выступили из нее и в свою очередь *зделали* выстрелы из тяжелых *орудии*.

Названная деревня была занята 41-м сибирским полком.

День с утра пасмурный, с половина дня проглянуло солнышко.

Охотничий дом Буду, 28 сентября. Весь день тишина, к вечеру *орудейная* перестрелка, / (с. 206) в ночь все затихло. День пасмурный.

Охотничий дом Буду, 29 сентября. Весь день тишина, кроме как были выстрелы по неприятельским аэропланам.

День солнечный, тихий.

Охотничий дом Буду, 30 сентября. На позиции молчание.

День солнечный, ночью выпал небольшой снежок.

Охотничий дом Буду, 1 октября. На позиции редкая перестрелка, в 11 ч[асов] ночи немцы пошли в наступление *численностью 2 батальона* от м[естечка] Любче, перейдя реку Немон, (с. 207) *повстрелились* с нашими разведчиками, разведчики стали *понемно* отходить по *направлению* на зеленый *фольварок*, где находился 44-й полк нашей дивизии.

Командир полка приказал 1-му батальону рассыпаться цепью по опушке лесу, когда неприятель *подошел* ближе, наши его встретили ружейным огнем [8], они бросились в штыки, к нашим еще на помощь присоединился *батальон* того же полка / (с. 208) и *вдребезги* разбили 2 *батальона* неприятельских войск.

День солнечный, с утра легкий морозец.

Охотничий дом Буду, 2 октября. С утра до половина дня тихо, а с половина дня *орудейная* были выстрелы неприятеля.

День солнечный, с утра легкий морозец.

Охотничий дом Буду, 3 октября.

С утра тишина, кроме как заметя с поста пешего или конного в неприятельской *строне*, то сейчас же делают выстрелы.

В 10 часов вечера были слышны выстрелы из ружей / (с. 209) и пулемет. *Левая* нашей дивизии, где находилась 1-я *бригада*, выстрелы продолжались не более 1/2 часа.

День солнечный, с утра легкий морозец.

Охотничий дом Буду, 4 октября. На фронте тихо, во время ночи пробрались наши разведчики к м[естечку] Делядичь и рассыпались за горкой в лесу, с рассветом немцы тянулись *колотами* к этой горки, около горки и леса был двор, *неприятелей* было три *колоты*, первая *колоты* шла с лопатами по направлению / (с. 210) этого двора, подойдя к дому, стали засматривать в этот дом, в это время разведчики бросились на ура, немцы бросились бежать, по них открыли огонь, некоторые стали сдаваться в плен, в плен взято 5 человек, 50 убито, а *остольная* две *колоты* вернулись назад.

День солнечный.

Охотничий дом Буду, 5-го октября.

На фронте редкая *орудейная* перестрелка.

В час ночи наши разведчики в числе 13 человек, *соткнувшись* с 17-ми немцами, не *здаваясь* ни те не другие в плен, бросились в штыки, из наших убыло 6 убитых, один ранен, из *неприятелей* все были *переколоты*, кроме как одного взяли в плен.

(с. 211) День солнечный, с утра легкий морозец.

Охотничий дом Буду 6-го октября. С утра редкая *артиллерийская* перестрелка. В ночь все стихло.

День солнечный, теплый.

Охотничий дом Буду, 7 октября. На фронте без перемен. День солнечный.

Охотничий дом Буду, 8 октября. С 8-го по *восемнадцатое* без перемен.

18-го разведка *конно* охотников сибирских полков.

В полутора верстах от левого берега Немана, юго-восточнее м[естечка] Делятича, на опушке леса стоит / (с. 212) брошенный ф[о]л[ь]варк Осовья. Кроме разведчиков расположенной по соседству сибирской дивизии, фольварк ни кем не помещался.

Последнее время, однако, разведчикам удалось проследить, что германцы из-за реки начали делать прогулку на *фольварок* за лесным материалом. За работами германцев было организовано наблюдение. Выяснилось, что германцы появились у ф[о]л[ь]варка Осовья с повозками и под прикрытием роты и небольшой части кавалерии, разбирали строения, грузили материал на *фурманки* и увозили к себе в окопы.

(с. 213) Решено было использовать эти путешествия для захвата пленных. И вот около 3-х часов ночи на 18 октября конно-охотничья команды двух сибирских стрелковых полков и несколько казаков-охотников под командой поручика одного из сибирских стрелков

полков князя Шелия вступили к фольварку. Около 6 часов утра, прибыв на место, команды были распределены поручиком князем Шелия по опушке лесов, окружающих строения, и стали ждать. В 9 часов появились дозоры германцев, направлявшие / (с. 214) лесом к фольварку; за дозорами шло прикрытие 60–70 человек и дальше 8 *фурманок* с сидящими на них немцами – *рабочами*.

Выждав, пока все подойдет поближе к охотникам, поручик князь Шелия условным сигналом дал знак действовать. Часть охотников бросилась в штыки на передних немцев, остальные открыли огонь по задним. Ошеломленные неожиданностью, немцы после короткой схватки частью были переколоты, частью убежали. Трофеи охотников – 22 человека пленных, 19 лошадей 2 *фурманки*, оружие. На месте осталось / (с. 215) большое количество германских трупов. Наши потери – 2 человека убитыми и столько же ранеными. Умело организованный и энергично проведенный поиск дал блестящий результат с малыми потерями.

Охотничий дом Буды, 12 октября [9].

Примечания:

1. В рукописи предложение зачеркнуто.
2. Гродно.
3. Над текстом надпись синими чернилами: *Дошол*.
4. В настоящее время – город Цеханув, Польша.
5. В настоящее время – город Пшасныш, Польша.
6. 7 (13) февраля 1915 г. началось немецкое наступление против 1-й русской армии, и через четыре дня противник овладел городом Праснышем. Однако еще через три дня пополненные резервами русские армии очистили Прасныш от противника.
7. После длительной осады австрийская крепость Перемышль 9 (22) марта 1915 г. была взята русскими войсками.
8. В рукописи зачеркнуто: «и навели на него панику».
9. Последняя дневниковая запись. Ниже синими чернилами дописано: «Командарм Миронов *гиганской* голубой подковой огибал Дон, высокое холмистое правобережье».

УДК 94(47)

Дневник военного фельдшера С.В. Быковского (1914–1915 гг.)

Подготовка к публикации, вступительная статья и комментарии:
Нина Алексеевна Власкина

Институт социально-экономических и гуманитарных исследований
Южного научного центра Российской академии наук, Российская Федерация
кандидат филологических наук, старший научный сотрудник
E-mail: nvlaskina@gmail.com

Аннотация. Впервые публикуется дневник военного фельдшера Русской императорской армии С.В. Быковского. Записи охватывают временной промежуток от июля 1914 до октября 1915 гг., события в Польше и в Восточной Пруссии. Тип дневника – хроникальный. Он содержит ежедневные записи о передвижениях воинских соединений, о боевых потерях русской и германской армий, характеристику мест дислокации воинских частей.

Ключевые слова: дневник; Первая мировая война; донское казачество; Восточная Пруссия; Польша; Русская императорская армия.